

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

МАКУШКА ЛЕТА
Расцветай, страна!

ИЗ ХОЛОДА – ДА В ЖАР

ЗИМОЙ МЫ, ПРЯМО СКАЖЕМ, БЫВАЕМ ВЯЛОВАТЫ. ХОЛОДНО, зябко, световой день короток. Организм, бывает, противится тяге к радостям жизни. То ли дело лето! Оно в наших краях коротко. И тем сильнее желание сделать его насыщеннее: встать пораньше, успеть побольше, лечь попозже, улучив момент выскочить на пробудившуюся не-надолго (а то вот-вот погода испортится!) природу.

Есть ли какая-то мистическая связь между нашим климатом и нашими привычками, в том числе и общественными традициями? Вот в этой нашей черте национального характера, согласно которой мы «долго запрягаем, зато потом быстро едем», – сколько в ней «климатологии»?

В относительно старинной жизни ученые прослеживают весьма четкую сезонную цикличность. Понятно, что преимущественно сельский уклад жизни, скажем, не далее как еще в XIX веке был подчинен сельскохозяйственному циклу – а продуктивный период его в наших краях куда короче, чем в соседней Европе.

Получалось, в среднерусской деревне того времени большинство браков заключалось либо в январе–феврале (40–50 процентов от годового количества), либо в октябре–ноябре (еще 30–40 процентов). Сказывались как церковные запреты (например, запрет проводить брачные обряды в пост), так и влияние цикла сельскохозяйственных работ: хотя церковь запрещала свадебные обряды лишь в течение двух недель в первой половине августа, объем летних работ не давал возможности их проводить в другие летние месяцы в массовом количестве. Сравнения с европейскими странами, особенно со значительно более теплым климатом, показывают, что таких острых пиков брачной жизни там не было. Как нехарактерен для них обнаруженный у нас исследователями пик младенческой смертности, приходящийся как раз на летние месяцы

(в полтора раза выше осенне-зимнего уровня, в силу всплеска желудочно-кишечных заболеваний).

К такой семейной сезонности можно добавить и еще более древнюю сезонность: набеги кочевников (а история России – это во многом история противостояния со Степью), как правило, приходились на раннюю осень, когда был собран урожай. Столетиями позже решившиеся прийти к нам с мечом агрессоры тоже пытались воспользоваться коротким русским летом, да потом все равно проигрывали в схватке с нашим генералом Морозом.

Наверное, оттого и повелось, что мы стали нацией «больших амплитуд». И запрягаем долго перед быстрой ездой. И от любви до ненависти у нас – один шаг всего. И терпение у нас долгое, но может взорваться вдруг и сильно. А может быть и так, что замах на рубль, а удар – на копейку. Такую страну изучать, чтобы познать ее душу, это ж научная погибель аналитикам.

Зато как жить интересно! ☺

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета

БОГДАНОВ С.И.

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

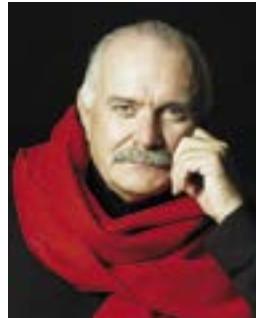
Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор ИТАР-ТАСС

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

МИХАЛКОВ Н.С.

Президент Российского фонда культуры

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МУХАМЕТШИН Ф.М.
Чрезвычайный
и Полномочный Посол
Российской Федерации
в Республике Молдова

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент Фонда исторической перспективы,
глава отделения Некоммерческого фонда
«Институт демократии
и сотрудничества»
в Париже

НИКОНОВ В.А.
Президент
фонда
«Политика»
(исполнительный
директор правления
фонда «Русский мир»)

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Директор ФГУК
«Государственный
Эрмитаж»

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента
Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НИЧКОВ В.В.
Директор департамента
международного
сотрудничества
Минобрнауки
Российской
Федерации

ВИНОКУРОВ С.Ю.
Начальник управления
президента Российской
Федерации
по межрегиональным
и культурным связям
с зарубежными
странами

ЮРКОВ Е.Е.
Заместитель генерального секретаря
Международной
ассоциации преподавателей русского
языка и литературы,
заведующий кафедрой
филологического
факультета СПбГУ

ЯКУНИН В.И.
Президент ОАО «Российские железнодороги», председатель
попечительского совета Фонда Андрея
Первозванного и
Центра национальной славы России

МОЛЧАНОВ Д.В.
Директор департамента культуры аппарата
правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Заместитель директора департамента
Генерального секретариата МИД Российской
Федерации

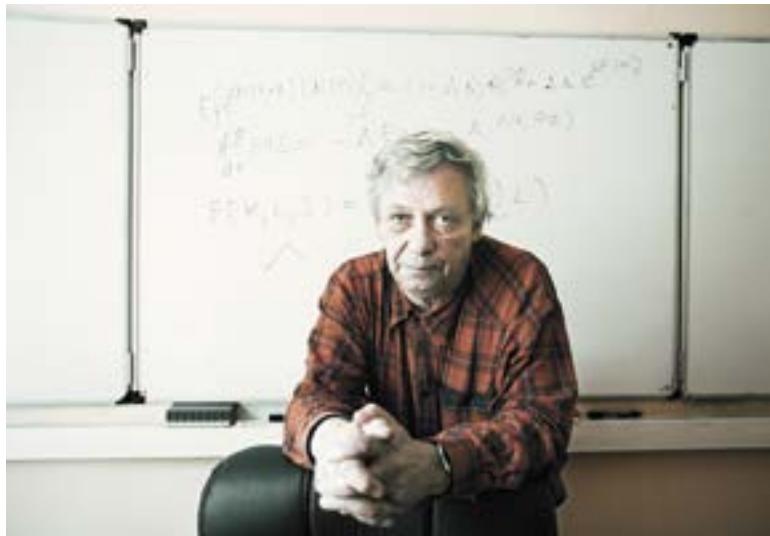
ШАРКОВ А.С.
Начальник департамента Референтуры
президента Российской Федерации

РУССКИЙ МИР

- 06** Лучшие струны
10 «Русский язык –
душа России»
13 Что делать?
16 Испанское
отражение
- 19** Фотик-2012
20 Господа офицеры
23 Детский взгляд
на Петра I
24 Сохранить русский
язык

- 26** Москва –
Рио-де-Жанейро:
мосты дружбы
28 Рижский
фаворит

ИНТЕРВЬЮ

- 30** «Ничто даром
не дается»
36 Категория
неизбежности
текста

НАСЛЕДИЕ

- 42** В сопровождении
утренней звезды

ИСТОРИЯ

- 48** Победа с тремя
неизвестными

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 54** Жил-был
скульптор

СИТУАЦИИ

60 Сама себе аномалия

КУЛЬТУРА

66 Гришке и не снилось

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

76 Принц бильярда

РЕПОРТАЖ

72 По сценарию истории

ПУТЕШЕСТВИЕ

80 Вольный град

88 Страна кольчужников

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-54-04, 981-56-95

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Екатерина КОСТИКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
Александра БУРОГО

ЛУЧШИЕ СТРУНЫ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ, ОБСУЖДАЛИ В МОСКВЕ ВИДНЫЕ ПОЛИТИКИ И УЧЕНЫЕ, СОБРАВШИЕСЯ В КОНЦЕ МАЯ НА Х МЕЖДУНАРОДНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ХХI ВЕКЕ: ПОВЕСТКА ДНЯ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ».

Организаторами конференции выступили фонды «Русский мир» и «Политика». В дискуссиях участвовало больше 400 специалистов из 16 стран, в том числе посол США в Российской Федерации Майкл Макфол. В рамках мероприятия прошло 5 круглых столов и 13 секций. Конференция открылась в Шуваловском корпусе МГУ им. М.В. Ломоносова панельной дискуссией на тему «Конкурентоспособность государства в современном мире». Модератором дискуссии выступил исполнительный директор фонда «Русский мир», декан факультета госуправления МГУ Вячеслав Никонов.

ПРИМЕР ПЛОХОЙ ИНВЕСТИЦИИ

Откровенно говоря, зал ждал скандала. Ведь всего четыре дня назад Майкл Макфол высказался о «привилегированных зонах влияния» Москвы на пространстве СНГ, чем вызвал волну критики со стороны МИД РФ. Но на этот раз посол выступил осторожно и не излучал привычной уверенности в том, что модель государственного устройства США работает безупречно. Г-н Макфол заявил, что открытые институты функционируют лучше закрытых, создавая более оптимальную среду для экономического развития. Но добавил, что не знает, какие институты, в какое время и в какой мере должны использоваться в тех или иных ситуациях, – «это большой вопросительный знак». К тому же наука не создала крепкие теории, благодаря которым можно было бы выбирать правильные схемы государственного управления.

Зато другие участники – Вячеслав Никонов, ректор МГУ Виктор

Садовничий, спецпредставитель президента по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой, председатель комитета Госдумы по бюджету и налогам Андрей Макаров, глава комитета Госдумы по охране здоровья Сергей Калашников и депутат Госдумы Евгений Федоров – спорили горячо. «Можно ли говорить об открытии свободного общества, демократии в тот момент, пока это не стало всеобщей потребностью? – сделал первый выпад Андрей Макаров. – Говорить-то можем. Но давайте не будем навязывать эту ценность всем. По официальной статистике, 12 процентов россиян живут за чертой бедности, то есть 17 миллионов человек не знают, смогут ли вечером накормить своего ребенка. Я не возьмусь им объяснять требования ни одного из митингов. Сегодня актуальнее говорить не о демократии, а о справедливости». Андрей Макаров наметил свое видение повестки дня рос-

титорий МГУ, и Вячеслав Никонов, глава фонда «Русский мир»

сийской власти: ответственность за обещания народу, повышение качества жизни и преодоление зависимости от нефтяной иглы. «Средняя годовая цена на нефть марки Urals поднялась на 1 доллар – и бюджет наш получил на 60 миллиардов рублей больше. Но ведь, простите, мы в этом году на увеличение зарплаты учителям потратили 60 миллиардов. Если цена на нефть упадет, мы что, не будем повышать учителям зарплату? Будем. А деньги – печатать? Печатать. В 2006 году мы имели сбалансированный бюджет при цифре 24,6 доллара за баррель. Сегодня у нас несбалансированный бюджет при цене 115 долларов».

Михаил Швыдкой подхватил тему справедливости, заявив, что такой в мире не существует. Люди ведь рождаются равными только в юридическом смысле. «О комто государство должно заботиться, а кому-то – давать волю для творчества, – сделал он вывод. – Вот этот баланс крайне сложен в управлении. В нормальной экономике должно быть не менее 40 процентов среднего и малого бизнеса». Отдельно Михаил Швыдкой остановился на дегуманизации образования в мире. Если в обществе меньше 15 процентов людей, способных мыслить творчески в физике, математике, политике и т.д., то «никаких изменений, модернизаций ожидать не стоит». Но страна высокообразованных, энергичных, креативных людей требует и гибкой системы управления. Здесь Михаил Швыдкой вновь заговорил о «трудном балансе». «Это как

Х международная научная конференция
«Государственное управление в XXI веке:
повестка дня российской власти»

Открытие
Х международной
конференции

в школе, – пояснил он. – С одной стороны, от учеников хотят, чтобы те сидели в классе тихо и получали пятерки по математике, с другой – чтобы имели успехи в физкультуре».

После такой «умиротворяющей» речи заявление депутата Евгения Федорова прозвучало как выстрел из пушки. «Давайте откроем глаза и честно скажем: крупная коррупция невозможна без международной поддержки, – чеканил Федоров. – Нет ни одного крупного коррупционера, который бы не использовал счета в иностранных банках. Часто сам факт коррупционных действий, то есть преступление, происходит в иностранной юрисдикции». Федоров привел целый перечень российских бед, корни которых, по его мнению, неизменно крылись за рубежом, прямо или косвенно. «Всем очевидно, что нельзя стать в России богатым человеком, не имея иностранного бизнеса, – продолжал он. – И наши элиты в итоге не являются российскими ни по месту жительства, ни по учебе детей, отдыху, будущей пенсии. Эта проблема, которую надо было решать еще десять лет назад, только сейчас входит в повестку дня федеральной власти». По ходу выступления Федорова Вячеслав Никонов сделал небольшое замечание, когда речь зашла об иностранных инвестициях: «Как-то была у меня возможность поинтересоваться у Владимира Владимировича Путина, как он относится к иностранным инвестициям. И он

Майкл Макфол,
посол США
в Российской
Федерации

сказал: «Есть два вида инвестиций: хорошие и плохие». В качестве примера плохой инвестиции он привел сделку на 8 миллиардов долларов по покупке British Petroleum компанией THK. Соглашение было заключено между двумя кипрскими офшорами и даже не нашло отражения в российском бухгалтерском учете. А в качестве хорошего – деятельность компании Ford, которая пришла на российский рынок, построила завод и производит машины».

**МАСШТАБНОЕ, СЕРЬЕЗНОЕ,
МОЩНОЕ**

Во второй части дискуссии был сделан акцент на прикладных аспектах государственной политики. Выступили Вячеслав Никонов, директор Института проблем рынка РАН Николай Петраков, директор Центра исследований постиндустриального общества Владислав Иноземцев, заместитель начальника аналитического управления Федеральной миграционной службы РФ Сергей Еремин и депутат Госдумы Вячеслав Позгалев. По словам Владислава Иноземцева, «будет ли Россия конкурентоспособной, зависит от того, насколько верно российская политическая элита определит место страны в наступающем мире и насколько четко она поставит стратегические задачи развития». После этого нужно максимально задействовать творческий потенциал россиян в частном бизнесе, снизить издержки производства, определить рыночную нишу и поразмыслить над суверенными правами государства. Владислав Иноземцев прошелся по некоторым российским мифам. Например, разгромил неоднократно звучавшую на конференции мысль о России как стране транзита, соединяющей торговые пути Европы и Азии. По его словам, это «иллюзия» и «актуальный вопрос для XVII века». «Нам нужно искать что-то более масштабное, серьезное, мощное, – заключил Иноземцев. – Не нужно быть сервисным придатком к мировой экономике».

Но чтобы «ощутить модернизацию», нужно повысить норму накопления, заключил Николай Петраков. «К сожалению, у нас этого не выходит, – сказал академик. – Наша норма накопления составляет 19,5 процента. Тогда как в Индии она составляет 30,7 процента, в Китае – 54,2 процента. Чтобы обеспечить технологический прорыв, нам нужно выйти на 7–8 процентов роста». Вопрос: откуда деньги? Из нефтегазовой трубы. «Но дело в том, что выручку мы направляем в офшорные зоны, – пояснил Николай Петраков. – Примерно 600 миллиардов долларов за последние годы вывезено в офшорные зоны. 200 миллиардов из них – так называемый государственный вывоз, резервные фонды. Раньше это был Стабфонд. Деньги оседают в западных банках под очень низкие проценты и не могут использоваться для развития нашей экономики. Я уже не говорю о вывозе капитала и уклонении от налогов».

Проблемы органов местного самоуправления поднял Вячеслав Позгалев, трижды избиравшийся губернатором Вологодской области. Ни в чьем выступлении этого дня не было столько чувства и выстраданности каждого слова. «В 90-е годы мы часто принимали участие в разработке законов, в работе Совета Федерации, сами выстраивали местное самоуправление, – сказал Вячеслав Позгалев. – Но в последнее время федеральные власти перестали этим интересоваться». По словам экс-губернатора, российский институт местного самоуправления «рождался если не в муках и злобе, то в процессе коренной ломки уклада и образа жизни десятков миллионов людей, в ходе остройшей политической борьбы». Отсюда «многочисленные родовые травмы, во многом спонтанное формирование законодательной базы местного самоуправления, отсутствие планомерной стратегии его развития». А также «кошибки, сознательные действия политиков, государственных деятелей и самих представителей местного самоуправления, которые в совокупности существенно исказили природу этого института и не позволили ему до сих пор занять подобающее место в политической системе страны». Картина окончательно получается пугающей, если еще добав-

О Михаиле Швыдком
Вячеслав Никонов сказал:
«Бывших министров не бывает»

вить к сказанному «процесс вымывания денежных потоков с мест, их централизацию в столице и крупных региональных центрах», «лишение даже минимально необходимой финансовой базы», «бюрократизацию и произвол региональных властей», «отчуждение от интересов местного населения и попадание во власть чиновничества более высокого уровня». Вячеслав Позгалев привел цифры. Доля налогов, которыми могут свободно распоряжаться муниципальные образования, во Франции составляет 70 процентов, в Швеции – 65, в Польше – более 40, в России – 18 процентов. «Причем в распоряжении российских регионов находится, по сути, лишь земельный налог и часть подоходного, маневры которыми в силу особенностей наших земельных отношений крайне ограниченны», – сказал депутат. Что делать? Придать процессу формирования местного самоуправления «мощный демократический импульс», тем самым «переводя деятельность этого важнейшего государственного института из сферы вертикали власти в плоскость горизонта свободы».

ФУНКЦИЯ ГОЛОВНОГО МОЗГА

Одной из главных проблем российской государственности Вячеслав Никонов назвал отсутствие политической стабильности: «страна не жила долго по одним и тем же правилам игры», в течение XX века шесть раз принимала новые кон-

ституции. Современной Конституции нет и двадцати лет, но уже и ее начали изменять. «Помните, в свое время Столыпин сказал: «Дайте нам двадцать лет мирного спокойного развития, и вы не узнаете Россию», – отметил Вячеслав Никонов. – Но началась Первая мировая война, революции. И все, о чем писал Питирим Сорокин в «Социологии революции» – о том, что любая революция здорово отбрасывает назад страну в развитии, особенно в экономическом, – верно и для современного мира». В Грузии, Молдавии, на Украине, переживших революции, ВВП на душу населения сейчас в 3–7 раз меньше, чем в России, Белоруссии или Казахстане. Страгетического политического курса в России не было последние десятилетия. В 90-е годы он составлял «дай бог, один год». «Работая в комитете по бюджету, общаясь с представителями Министерства экономики и Минфина практически в ежедневном или еженедельном режиме, я не вижу у них стратегичности», – сказал Вячеслав Никонов. – Продолжает сохраняться бухгалтерский подход к нашей экономической политике, который критиковался в последние годы. И отсюда мой призыв к участникам конференции, особенно к российским: принять участие в экспертизе и в бюджетной политике, и в разработке бюджетной политики, поскольку это именно то направление, которое я курирую в комитете по бюджету».

Не обошел вниманием Вячеслав Никонов и проблему суверенитета. «Европейский союз попал в очень серьезную ловушку, – сказал он, – которая создалась из-за того, что при общей координации финансовой политики не было координации экономической политики. И как из этого выйти, пока абсолютно не понятно. Выходить можно, либо идя к Соединенным Штатам Европы, создавая уже и надгосударственные институты экономического регулирования, к чему страны не готовы, либо, наоборот, распуская еврозону, на что Евросоюз тоже не пойдет. А что такое свобода экономической и финансовой политики для государства? Возможность девальвировать валюту, печатать деньги, чего лишиены страны ЕС». Безусловно, важно готовить профессиональный управленческий класс. По оценкам Никонова, лишь 1-2 процента управленческого класса России получили соответствующее образование, «к сожалению, идея, что кухарки могут управлять государством, оказалась весьма живучей». Но важны не только «корочки», но и «назначение по заслугам». «Я считаю, что именно эта система, основанная на выдвижении таланта, которая составляет ядро конфуцианства, сделала Китай великой страной, – продолжил г-н Никонов. – Она исключительно важна для конкурентоспособности государства. Думаю, у нас могла бы быть система квалификационных экзаменов, если бы кто-то

мог провести чистые квалификационные экзамены хотя бы по Конституции или русскому языку, что я предлагаю постоянно как руководитель фонда «Русский мир». Говоря об экономике, Вячеслав Никонов отметил огромную значимость индустриализации, а не только инновационных прорывов. «Опыт Китая показывает нам, какую роль может играть реальный сектор в экономике, – проиллюстрировал он мысль. – В Китае уже производится основная часть мировой промышленной продукции. Это то, что мы забыли и рискуем тем, что наши инновации некому будет реализовывать».

От управленцев зависит многое, в том числе инвестиционный климат. Так, по этому показателю сейчас «Калужская область – одна из лучших в России, динамично развивающаяся, потому что губернатор постоянно ездит по миру, ищет инвесторов, создает для них индустриальные площадки с подведенной инфраструктурой, и это работает. А соседняя Смоленская область – «абсолютно убитая», несмотря на более выгодное географическое положение. «Когда к ним приезжают инвесторы, в Смоленской области говорят: «О'к, но только контрольный пакет акций останется у нас!» Сейчас эта ситуация, надеюсь, изменится с приходом нового губернатора», – сказал Вячеслав Никонов. Что касается «большого рынка», докладчик отметил позитивные тенденции, связанные с созданием Таможенного союза, формированием Евразийского экономического про-

Виктор Садовничий считает, что Россия может стать «глобальным транзитным мостом между Европой и Азией»

странства. «Обратите внимание, даже критики Путина соглашаются, что это не совсем безнадежный проект, – подчеркнул Вячеслав Никонов. – Это действительно важный инструмент расширения рынка и использования преимуществ международного разделения труда».

С точки зрения экономики важна еще и «принадлежность к клубу великих держав, которые определяют правила игры». Здесь, по словам Вячеслава Никонова, важно не только членство в Совете Безопасности ООН, но и голосующая доля во Всемирном банке, в Международном валютном фонде, принадлежность к тем державам, которые выполняют функции головного мозга современной мировой системы. «Если ты к этому клубу не принадлежишь, то у тебя оказываются функции совершенно других частей тела, – образно выразился Вячеслав Никонов. – Так что наша работа в международных организациях, в «Большой восьмерке», в «Большой двадцатке» тоже фактор повышения конкурентоспособности». И, конечно, конкурентоспособность страны тесно связана с культурой: «имеет значение этика труда, ценности общества». «Сложно воспитывать честность, трудолюбие, дисциплину, устремленность в будущее, которое надо создавать собственными руками, в обществе, где активно пропагандируются беззаконие, иждивенчество, безделье, потребительские стереотипы. – Вячеслав Никонов перешел к философии государственного строительства. – Меня просто умиляют наши радиостанции, где ведущие постоянно обсуждают, сколько дней и часов осталось до конца рабочей недели, звучат мысли, что отдохнуть-то всегда лучше, чем работать. Вещь абсолютно невозможная для страны с нормальной этикой труда. И нам очень важно понять, что чисто технократическими методами модернизировать Россию не получится. Очень важно задать лучшие струны, которые есть в каждом человеке, настроить людей на позитивное выстраивание собственной жизни. Культура здесь действительно имеет очень большое значение, как и те ценности, которые мы должны привить следующим поколениям российских управленцев».

«РУССКИЙ ЯЗЫК – ДУША РОССИИ»

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

...МОЛОДОЙ БЕРЕСТОВ СРАЗИЛ ЗРИТЕЛЕЙ НАПОВАЛ И МГНОВЕННО СТАЛ ЛЮБИМЦЕМ ПУБЛИКИ: СТУДЕНТ ИЗ СЕНЕГАЛА ГУИССЕ КАЛИДУ ВЫГЛЯДЕЛ ВЕСЬМА ЖИВОПИСНО В БЕЛОЙ КОСОВОРОТКЕ И ЛИХО СДВИНУТОМ НАБЕКРЕНЬ КАРТУЗЕ. СПЕКТАКЛЬ «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА» В ИСПОЛНЕНИИ ИНОСТРАННЫХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРОШЕЛ НА УРА И СТАЛ, ПОЖАЛУЙ, САМЫМ ЯРКИМ УКРАШЕНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК – ДУША РОССИИ», ПОСВЯЩЕННОГО ДНЮ РУССКОГО ЯЗЫКА И ДНЮ РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА.

ФЕСТИВАЛЬ, ОРГАНИЗаторами которого выступили фонд «Русский мир», фонд «Диалог культур – единый мир», Министерства культуры и образования Калужской области, Калужский драматический театр, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (ГИРЯП) и Калужский университет им. К.Э. Циолковского, прошел 6 июня в культурно-образовательном центре «Этномир».

К двум часам дня между Русским подворьем, Украинским и Белорусским хуторами у небольшой деревянной сцены, украшенной свежими березовыми ветками, сбрались гости и участники фестиваля. Сигналом к его началу послужило блестящее выступление

квартета трубачей. Зрители устроили настоящую овацию музыкантам, трем из которых едва стукнуло лет 10–12. На прощание раскрасневшиеся от удовольствия маленькие трубачи сыграли «Подмосковные вечера». Первыми из зрителей «Не слышны в саду даже шорохи...» затянули китайские студенты, после чего подключились и все остальные. Особенно хорошо пели расположившиеся в последних рядах женщины в русских национальных костюмах.

Торжественное открытие Международного фестиваля началось с выступлений и приветствий почетных гостей. Поздравительные телеграммы в адрес фестиваля прислали первый вице-премьер Игорь Шувалов и министр культуры Владимир Мединский.

С приветственной речью к гостям и участникам фестиваля обратился

Почитаем стихи
в день рождения
Александра
Сергеевича?

министр культуры Калужской области Александр Типаков. Поздравив всех с Днем русского языка и днем рождения Александра Сергеевича Пушкина, он напомнил, что в сентябре нынешнего года исполняется двести лет со дня рождения Натальи Гончаровой, и пригласил всех посетить расположеннное в области поместье Полотняный Завод, где прошли детство и юность Натальи Николаевны. Представитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству Антон Соловьев отметил, что проведение нынешнего Международного фестиваля в культурно-образовательном центре «Этномир» – это прекрасный пример создания уникальной площадки для работы с молодежью из разных стран, изучающей русский язык. Директор российских программ фонда «Русский мир» Светлана Щербакова, коротко рассказав об основных направлениях работы фонда, подчеркнула, что фестиваль не только позволит иностранным студентам улучшить навыки владения русским языком и найти новых друзей, но и даст возможность ближе познакомиться с русской культурой и русскими традициями. «Мы надеемся, что и после того, как вы вернетесь к себе домой, вы будете тепло вспоминать дни, проведенные в России, сохраните любовь к русскому языку и станете настоящими представителями Русского мира в своих странах», – сказала Светлана Щербакова.

С приветственными речами выступили также преподаватели РУДН и ГИРЯП Владимир Митрофанов и Галина Шандурова. Затем на сцену поднялся представитель фонда «Развитие и возрождение азербайджанской культуры» Тогрул Гусейнов, который «в честь дня рождения Александра Сергеевича» прочитал на русском языке стихи знаменитых азербайджанских поэтов Насими и Видади.

Поэтическую эстафету подхватили студенты Калужского университета, РУДН и ГИРЯП. В лирической композиции «Под сенью Русского Парнаса» звучали стихи Пушкина, Лермонтова, Брюсова, Блока, Маяковского, Мережковского, Есенина,

Гуссе Калиду
блестяще
справился
с ролью
молодого
Берестова

А.К. Толстого, Ахматовой, Заболоцкого и Тютчева. Их читали и российские студенты, и их сокурсники из Норвегии, Сенегала, Китая и других стран. Каждый из них награждался щедрыми аплодисментами, но особо зрители отметили Мяо Гуанцзяня, который весьма проникновенно продекламировал и даже, можно сказать, прожестикулировал «Письмо матери» Сергея Есенина. Затем на сцену поднялся директор Института книги Исламской Республики Иран Али Асгар Мохаммадхани, приехавший на фестиваль в составе небольшой группы представителей посольства Ирана в РФ. «Я, к сожалению, не знаю русского языка, – сказал он, – но хорошо знаю поэзию Александра Сергеевича Пушкина и являюсь большим поклонником русской литературы. И не только я, но и большинство жителей Ирана являются поклонниками русской литературы. Вот уже восемьдесят лет произведения Пушкина переводятся и издаются в Иране. Первой была «Капитанская дочка». А буквально на этой неделе Институтом книги был завершен перевод «Бориса Годунова». Али Асгар Мохаммадхани также сообщил, что на днях в Москве пройдет конференция «Саади и Пушкин», в ходе ко-

Исполнительницы главных женских ролей в спектакле
(слева направо):
Лиза Берестова,
мисс Жаксон
и служанка Настя

торой будут обсуждаться темы, связанные с огромным значением этих двух великих поэтов для персидской и русской литературы.

...Перед началом спектакля по мотивам повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» слово взял режиссер Калужского драматического

театра Константин Солдатов, руководивший постановкой. Как выяснилось, студенты приезжали на репетиции в «Этномир» в течение пяти предыдущих месяцев. «Особенно интересно мне было воплощать на сцене «русский материал», работая при этом с ребятами-иностранными, – заметил Константин Солдатов. – Я увидел, как постепенно они осваивают русский язык и как аккуратно относятся к нему, в отличие от нас, привыкших говорить небрежно. Все ребята с огромным энтузиазмом и очень упорно работали на репетициях».

И поверьте, это было заметно. Мяо Гуанцзянь вжился в образ «настоящего русского барина» и при этом «англомана» Григория Ивановича Муромского, Чжан Сэнъяо, важно расхаживая по сцене в поддевке, презабавно изображал Берестова-старшего, мисс Жаксон (она же Файе Фату Диоп) сорвала бурные аплодисменты, рассказывая о том, как подарила своей воспитаннице Лизе, дочери Муромского, «баночку английских белил». Но наибольшее восхищение публики вызвал Берестов-младший – Гуссе Калиду, практически не расстававшийся с двустрелкой и картузом даже во время самых драматических момен-

тов представления. Спектакль шел не только на сцене, периодически действие переносилось прямо в «зрительный зал», где студенты-актеры водили хороводы, пели народные песни, плясали, зажигательно играли в «ручеек» и жмуры. Никто из зрителей и фотокорреспондентов при этом не пострадал, напротив, публика веселилась от души, хлопала в ладоши и готова была сама с удовольствием включиться в «интерактив». Ну а когда во время первой встречи в лесу Лизы и Алексея Берестова студенты ГИРЯП и РУДН, спрятавшись за березовыми ветками на сцене, принялись весьма громко и старательно куковать и щебетать, изображая птиц, восторгу зрителей не было предела.

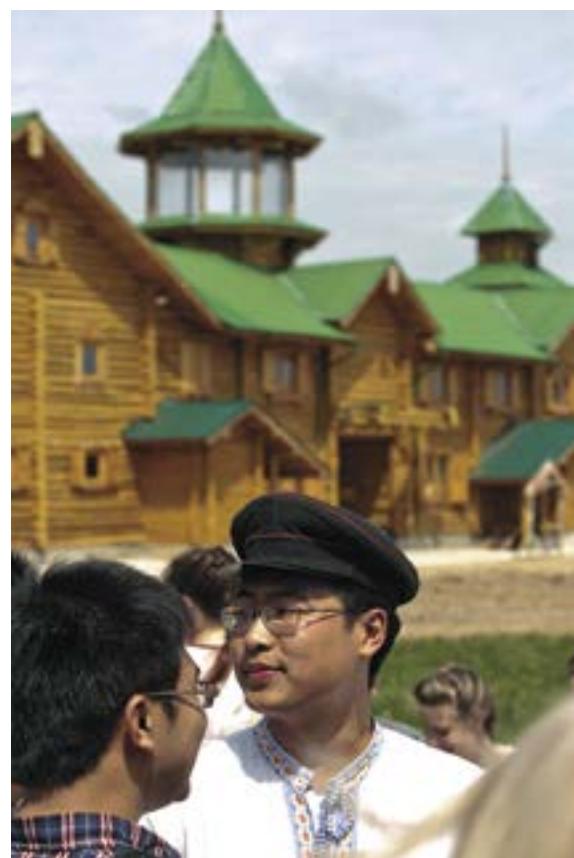
Едва спектакль закончился, как перед сценой начали водить хороводы и петь русские народные песни фольклорные коллективы Калужской области «Повитель» и «Калузя». Постепенно, собрав зрителей вокруг себя, замечательные певицы и плясуньи повели всех на Белорусский хутор, где и продолжился праздник. Иностранные студенты с явным интересом участвовали в маленьких импровизированных сценках, слушали и сами пели колыбельные и потешки, рассказывали русские народные сказки,

Участники
фестиваля

Все – на Русское
подворье!

учились есть черный хлеб с салом, хреном и зеленым луком, попробовали квас на березовой закваске. После небольшой передышки студенты вновь превратились в актеров, только теперь они пока-

зывали постановки своих национальных сказок на русском языке. И не беда, что реквизитом для этих мини-спектаклей служили первые попавшиеся подручные средства, а костюмов не было вовсе. Искренность и старание исполнителей с лихвой покрывали все недостатки. В финале фестиваля «Русский язык – душа России» состоялось торжественное награждение всех студентов-участников почетными дипломами и памятными сувенирами. Ребята получили в подарок березовые туески и глиняные свистульки, причем дарили их студентам сами мастера, которые их создали. А почетные дипломы вручала вице-президент фонда «Диалог культур – единый мир» Елена Коршунова. «Я хочу поблагодарить всех, кто помогал организовать этот фестиваль, и всех, кто приехал сюда сегодня, – сказала Елена Коршунова. – Я надеюсь, что все мы с помощью фестиваля «Русский язык – душа России» приобщились к великой русской культуре и нашли много новых друзей. Хотелось бы, чтобы вы всегда с теплом вспоминали этот день и продолжали бы поддерживать отношения с теми, с кем познакомились и подружились сегодня в «Этномире». Мы надеемся, что наш фестиваль станет ежегодным».

ЧТО ДЕЛАТЬ?

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ШЕСТОГО ИЮНЯ РОССИЯ ОТМЕТИЛА ДЕНЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. РУКОВОДСТВО ФОНДА «РУССКИЙ МИР» ПРИНЯЛО УЧАСТИЕ В ОБСУЖДЕНИИ МЕР ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПЛОЩАДКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ И НА ВСТРЕЧАХ С НАУЧНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ.

РАЗДНОВАНИЕ ДНЯ РУССкого языка было введено в России указом президента в прошлом году. Однако чтобы 6 июня не превратилось в день, когда произносится много красивых, но бесполезных слов, была сделана попытка обсудить решение проблем русского языка на федеральном уровне. Руководство фонда «Русский мир» участвовало в нескольких мероприятиях, где вырабатывались предложения для Государственной думы РФ и создавалась национальная стратегия по этому вопросу.

ВЫСОКИЙ ПЬЕДЕСТАЛ

В Госдуме 4 июня исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов присутствовал на встрече председателя ГД РФ Сергея Нарышкина с общественными деятелями. Обсуждали статус русского языка, его роль на евразийском пространстве и законодательные меры по его защите.

Вячеслав Никонов выступил за возврат сочинений в экзаменацион-

ные школьные программы. «Я не сторонник отказа от ЕГЭ, – сказал он. – Но ведь теперь не проверяют, умеет ли человек говорить, писать и мыслить образно – а ведь это главные навыки в современном мире. Знание языка должно быть поставлено на более высокий пьедестал в системе ЕГЭ». Высказываясь на тему изучения русского за рубежом, г-н Никонов заявил, что «никогда наш язык не займет более серьезного места за рубежом, если не будет введен в школьные программы соответствующих государств». «Это вопросы нашей дипломатии и государственной политики, – продолжил он. – По недавнему опросу «ЕвроБарометра», в странах Евросоюза по-русски говорят столько же, сколько по-испански. Значит, в ЕС живет еще одна Россия размером с Испанию». Одной из серьезнейших проблем за рубежом являются учебники русского языка. Но и здесь необходима дипломатическая поддержка. «Почему-то у нас считают, что можно отправить учебники из России куда-то – и все, – сказал

Вячеслав Никонов. – А ведь они будут использоваться только в том случае, если их одобрят местные министерства образования. Соответствующая работа ведется, но она огромная и очень кропотливая». И потом, в каких школах такие учебники будут использоваться? Нужно создавать школы с преподаванием русского с первого класса, а это затратная программа. «Мы считали, создание и запуск одной такой школы в стране Евросоюза – это годовой бюджет фонда «Русский мир», – сказал Никонов. – То есть это очень важный и серьезный аспект, который под силу поднять только государству как таковому, а не организациям, действующим от имени государства». Затронув проблему переводов с русского языка, глава фонда «Русский мир» подчеркнул особую значимость переводов научной литературы. «Почему наши университеты так низко находятся в мировых рейтингах, хотя качество профессуры, студентов и научной работы у нас прекрасное? – спросил он и сам ответил: – Низкая цитируемость. А почему? Наши труды публикуются на русском языке, который знают немногие».

Поддержав тему, Дмитрий де Кошко, президент ассоциации «Франция – Урал» (Франция), заметил, что, «если научное сообщество России и стран СНГ будет общаться между собой на «ооновском» английском, многое будет потеряно в наших обменах и наших культурах». Основатель литературной премии «Русофония» внес два интересных предложения: создать русские лицеи и колледжи для подготовки русскоговорящей элиты, «не забывая страны Африки и Южной Америки» и обратить пристальное внимание на создание русских телепрограмм и телеканалов. Он также высказал мнение о необходимости создать международное агентство русофонии и добиться его признания в ООН и Совете Европы, ведь такая структура «будет затрагивать интересы 300 миллионов русскоязычных иностранцев и соотечественников». Председатель Евразийского клуба Московского государственного института (университета) международных отношений, немец Юрий Хоффнер, посчитал, что стоит возродить

традицию советских стройотрядов. «Почему бы не создать при госкооперации по освоению Сибири и Дальнего Востока крупные волонтерские движения, которые привлекали бы в свои ряды не только россиян, но и граждан из стран постсоветского пространства и Европы? – спросил он. – Зная менталитет западноевропейской молодежи, я могу сказать: если обеспечить нормальные условия проживания и, возможно, дорогу, многие молодые европейцы с большим энтузиазмом приехали бы на лето в стройотряды ХХI века. Они могли бы познакомиться с Россией с лучшей стороны и выучить русский язык». Юрий Хоффнер также выступил с инициативой создания виртуального Евразийского молодежного парламента – открытой площадки, где молодежь могла бы обсуждать свои инновационные проекты. Цель – «развитие духа парламентаризма и общеевразийского патриотизма среди молодежи».

Первый заместитель председателя комитета ГД РФ по международным делам Андрей Климов полагает, что лучше всего решать проблемы языка через народную дипломатию. «Если наши соседи в Литве, Эстонии и Латвии увидят, что в целом ряде западных стран русский язык достойно представлен, это может снять раздражение. Вот недавно мы ратифицировали документ с Польшей, связанный практически с безвизовым приграничным обменом между гражданами Польши и Калининградской области. Завтра я по поручению Сергея Нарышкина буду в Варшаве встречаться с представителями комитета по международным делам, и мы будем говорить об этом».

Подводя итоги встречи, Сергей Нарышкин подтвердил, что дал поручение двум профильным комитетам обратить внимание на проблемы русского языка. «Мне представляется уместным и на площадке недавно созданного Совета законодателей российских регионов также эту тему обозначить и поставить в качестве одной из задач для работы региональных органов, в том числе законодательной власти». Он также отметил, что «у нас создана неплохая структура в лице фонда «Русский мир», где идет большая работа по поддержке соотечественников».

ПРЕКРАТИТЬ БЕЗОБРАЗИЕ

В этот же день в Госдуме прошел круглый стол, посвященный вопросам государственной поддержки русского языка, в котором принял участие Вячеслав Никонов. Модератором выступила депутат Госдумы Людмила Швецова. «Мы имеем поручение руководства Государственной думы после проведения круглого стола составить план наших действий, в том числе законодательных, – сказала Людмила Швецова. – Мы обратимся к органам исполнительной власти, к регионам, и я думаю, из этого получится начало очень важного и серьезного процесса». Она подчеркнула, что необходимо увеличить финансирование федеральных образовательных программ.

Профессор Института мировой литературы РАН Всеволод Троицкий вскрыл язвы отечественного образования. «Идет неверная политика, – возмущался он. – Часы изучения литературы в школах сокращаются с 90-х годов. А что касается последних реформ, так это уже преступное сокращение часов на чтение в начальной школе. Разрушена замечательная советская методическая школа, у нас методистов уже почти нет. Но при этом заново создаются так называемые методические школы, которые не имеют научной базы. Для чего открывать Америку, если у нас есть богатейшее наследие? Новая лите-

ратура из педагогической области неграмотна, написана «птичьим», нерусским языком. Проблем очень много, положение действительно катастрофическое. В одной из московских школ – 65 процентов двоек за диктант по орфографии. Я три года назад занимался с учеником десятого класса московской школы, готовил его в вуз. Так он словарь читал по складам! О каких усовершенствованиях и фестивалях предлагаются говорить, когда на протяжении двадцати лет нет должного уровня изучения языка и литературы в школе! Нужно прекратить это безобразие, вернуться к настоящему изучению словесности в школе, иначе мы ничего не сделаем».

«Не все так плохо, – возразила Елена Шмелева, сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН. – Сейчас ведь принципиально изменилась роль учебника, который теперь направлен больше на развитие речи, чтения, на интересные тексты. И хороших учебников очень много. Мы должны популяризировать наши достижения, а не только бичевать себя. Между прочим, мир судит о нас еще и потому, как мы сами себя представляем. Что касается словарей, нужно популяризировать их. В голливудских фильмах герой часто подходит к полке и открывает словарь. В каком из наших сериалов вы увидите такое?»

Встреча депутатов Государственной думы в Мемориальной квартире А.С. Пушкина на Арбате

Разговор депутатов с общественностью проходил в зале, где когда-то Пушкин устраивал приемы

Команда Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова представила результаты недавнего Всероссийского фестиваля «Русский язык – общеноциональное достояние народов России». Он проводился в Интернете: в течение трех месяцев принимались конкурсные работы по 10 номинациям от всех желающих, откликнулись 37 тысяч человек. Было подано более 8 тысяч работ, еще больше людей прошли разного рода тестирования, написали диктанты. 6 июня прошел заключительный тур, где определили 500 победителей из 83 субъектов РФ. Одними из важнейших номинаций стали «Социальная реклама» и «Социальный проект». Среди лучших были названы, к примеру, «Музей русского языка» – интернет-ресурс, где дети сами пишут статьи, объясняющие непонятные слова, делают иллюстрации; «Игра» – где даются задания разного уровня, от тестов до ролевых игр; «Говорим по-русски» – проект Северо-Кавказского федерального округа, состоящий из тренингов, семинаров, мастер-классов по русскому языку и литературе. Во Всероссийском оздоровительном лагере «Орленок» планируется провести профильную смену «О, великий русский язык!» для 200 российских подростков, которых попросят привезти и защитить свои проекты. А также проект «Русский язык – объединяющая сила», в рам-

ках которого предлагается украсить один вагон РЖД, курсирующий в составе поезда «Владивосток – Москва», социальной рекламой, популяризирующей русский язык. В вагоне разместятся библиотека и видеотека с лучшими российскими фильмами.

НАДО РАСПРЕДЕЛИТЬСЯ

Пятого июня в Мемориальной квартире А.С. Пушкина на Арбате состоялась встреча депутатов Госдумы с научной и культурной общественностью, посвященная Дню русского языка. Участниками мероприятия, которое организовали Госдума и фонд «Русский мир», стали заместитель председателя комитета Госдумы по культуре Владимир Бортко, первый заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Василий Истратов, глава Россотрудничества Константин Косачев, директор Государственного музея А.С. Пушкина Евгений Богатырев, президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Виталий Костомаров и другие. Собравшиеся обсудили роль русского языка в формировании и укреплении общероссийской идентичности. Академик Виталий Костомаров предложил простую, казалось бы, вещь: скоординировать усилия. «Я присутствую на разных собраниях, посвященных проблемам русского языка, и понимаю, что сегодня мы говорим

говорилось вчера. Зачем? – сказал он. – Может быть, нам надо как-то распределиться, каждому взять какой-то кусочек работы и делать шаги в конкретном направлении?» По Костомарову, язык формирует и укрепляет идентичность государства, если его навязывают танками, религией или еще чем-то, «США идут в значительной мере таким путем. Полагаю, наш путь – другой. Нужно заняться мотивацией, вос требованностью русского языка. И у нас есть рычаги такого воздействия. Колossalное количество россиян уехало за рубеж. Силиконовая долина говорит по-русски. Не думаю, что стоит опираться только на нашу великую культуру в этом вопросе. Почему бы, например, не поддержать востребованность русских фильмов? В США четыре русских канала, но наших лучших фильмов по ним не показывают». Он добавил, что «колossalная сила» России в вопросах востребованности – иностранные выпускники. «По некоторым данным, больше миллиона людей овладели русским языком за время пребывания в СССР. Мы как поддерживаем их сейчас? Никак. А вот я вам скажу, что Калифорнийский университет откликается на просьбы своих выпускников и высылает им литературу по специальности на английском. А мы что посылаем своим ученикам? Ни-че-го. Зачем учить русскому языку, если его через несколько лет забудут?» Владимир Бортко сделал акцент на том, что необходимо развивать национальное самосознание. «Осознание того, что есть великий русский народ и его язык, – это важнейший элемент нашей государственности, – подчеркнул он. – Без этого осознания мы можем просто развалиться. Так что на всех нас лежит миссия, друзья мои!» Послушав все разговоры, начинавшись соглашаться со многими исследователями, которые говорят, что русский язык находится «на грани нервного срыва». «Но, к счастью, мы все же видим обратную тенденцию, – отметил Вячеслав Никонов. – Русский язык возвращается и на постсоветское пространство, и в страны Восточной Европы. Он становится полезным, выгодным и где-то модным».

Сельма Ансира,
переводчик, друг
России и просто
красавица

ИСПАНСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ИЗВЕСТНАЯ МЕКСИКАНСКАЯ ПЕРЕВОДЧИЦА
СЕЛЬМА АНСИРА ПРЕДСТАВИЛА ОБЩЕСТВЕННОСТИ
НОВУЮ АНТОЛОГИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ.

РЕЗЕНТАЦИЯ НОВОЙ книги переводов Сельмы Ансиры – антологии русской литературы конца XIX – начала XX века «Причудливый пейзаж русской литературы» (*Paisaje caprichoso de la literatura rusa*) – прошла в Москве 14 июня. Сборник создан в сотрудничестве с издательством «Фонд культуры Мексики». На презентацию Сельма Ансира пригласила своих друзей – переводчиков, литераторов, чиновников, журналистов. Так что торжество, устроенное музеем «Мемориальная квартира А.С. Пушкина на Арбате», получилось по-домашнему теплым: с экскурсией по музею, чтением стихов, прозы, пением романсов, воспоминаниями и угощением.

ПО ЗАСЛУГАМ

В книгу вошли произведения Александра Пушкина, Николая Гоголя, Льва Толстого, Федора Достоевского, Ивана Гончарова, Николая Страхова, Антона Чехова, Михаила Булгакова, Ивана Бунина, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Александра Блока, Николая Гумилева и Осипа Мандельштама. Это – итог 32-летней работы одной из самых известных переводчиц на испанский язык. «Если бы у меня было больше времени, я бы, естественно, что-нибудь из Тургенева перевела, его очень не хватает в этой книге, – сожалеет Сельма Ансира. – Но пришлось работать быстро. Полгода назад мне предложили принять участие в проекте «Дни Мексики в Перми» и создать сбор-

ник – антологию русской литературы. Я и сама не подозревала, что у меня так много уже накопилось работ. Начала перечитывать свои старые переводы Пушкина, 80-х годов, и захотелось в них что-то исправить, так что на что-то новое времени не хватило». «Понимаете, я переводчицей стала потихонечку, – говорит она. – Я собиралась писать диссертацию по Сервантесу и Достоевскому. Но, читая великую русскую литературу, я не могла не поделиться этим со своими соотечественниками. На тот момент, более тридцати лет назад, я понятия не имела, что такое художественный перевод, и передавала в основном смысл. Но, работая над Цветаевой в течение многих лет, глядя, как она переводила других поэтов и себя, я поняла, что переводила ее не так, как ей было того хотелось. И начала работу заново. Теперь я иду в направлении поиска звука, музыки. Мечтаю создать полное собрание творчества Марины Цветаевой».

Сельма Ансира скромничает. За свои переводы, в том числе за те, которыми она теперь недовольна, переводчица получила самые престижные национальные премии в этой области в трех странах: России, Мексике и Испании. О причинах «феномена Сельмы Ансиры» рас-

Гостей приветствует директор Мемориальной квартиры А.С. Пушкина на Арбате Евгений Богатырев

суждает переводчик Ирина Зорина: «Во-первых, Сельма, мне кажется, у тебя были неплохие корни. Твой отец Карлос Ансира, блестящий мексиканский актер и режиссер, по-настоящему любил и знал русскую литературу. В 1985 году я видела, как он играл в Мексике в спектакле «Записки сумасшедшего» по Гоголю. Это было незабываемо. Но когда я застала Карлоса плачущим на могиле Николая Гоголя на Новодевичьем кладбище, то поняла, что эта страсть настоящая, и она передалась дочери». Но страсти, желания, чувства красоты и даже таланта недостаточно для того, чтобы создать нечто великое. «Эта железная леди каждый день встает в 5 утра, – продолжает Ирина Зорина, – в 6 часов Сельма уже за столом, и так до ночи, изо дня в день многие годы. При этом она постоянно занимается исследовательской работой в архивах, музеях, допытывается до таких мелочей, до которых не додумываются и рус-

ские ученые. Так что в целом все награды и наши слова – не панегирик и даже не слова дружбы и привязанности, а воздаяние по заслугам».

БЛАГОДАТНАЯ ПОЧВА

На обложке «Причудливого пейзажа русской литературы» – фотография воды, в которой отражен христианский собор. «Это моя фотография и мое понимание перевода, – поясняет Сельма Ансира. – Вы видите не оригинал, а отражение. Ведь я принимаюсь за перевод только тогда, когда начинаю «выбирать» на одной струне с первоисточником. Никогда не перевожу и не перевожу по заказу, мне не устанавливают сроков сдачи текстов. Понимаете, перевод никогда не будет художественным, если писатель тебе не близок, если он не задевает тебя за что-то очень личное». Действительно, в антологии собраны произведения хоть и хрестоматийных авторов, но не с «центральными»

произведениями. Например, «Египетские ночи» Пушкина, «Рим» Гоголя, «Три смерти» Толстого, «Письмо брату Михаилу» Достоевского, «Холодная осень» Бунина, «Лихая болесть» Гончарова, «Коллекция» Чехова, «Холодная осень» Бунина, «Черт» Цветаевой, «Душа писателя» Блока. Издание состоит из двух частей. В первой – художественная литература, во второй – размышления писателей о творчестве и читателе. Только на первый взгляд произведения связаны лишь исторически. Сельма Ансира стремилась к тому, чтобы «тексты говорили между собой». К примеру, рядом с «Воспоминанием о поездке на Афон» Николая Страхова, которое переводчица образно назвала «мединативным», стоит «Лихая болесть» Гончарова, в которой люди все время двигаются, перемещаются из города за город и обратно, не вдумываясь в смысл своей сути. У каждого из переводов – своя история. «Три смерти» Льва Толстого я решила переводить после семинара в Ясной Поляне, – рассказывает Сельма Ансира. – Мы еще с двумя переводчиками, французом и итальянкой, решили к следующей встрече привезти перевод одного произведения на разные германские языки, обсудить трудности фраз и оборотов. А за «Холодную осень» Бунина я взялась, несмотря на то, что в тот момент для меня это было очень и очень трудно, но я была занята этим писателем, он многое мне говорил. Я берусь за перевод, когда я говорю себе, что

Сельма Ансира родилась 12 июня 1956 года в Мехико. Окончила МГУ им. Ломоносова, где специализировалась на русской литературе XIX века, затем – Афинский университет, где изучала греческий язык и литературу. Автор более ста переводных книг, статей, поэтических сборников и театральных произведений. Из русской литературы конца XIX – начала XX века Сельма Ансира перевела большую часть прозы Мариной Цветаевой, избранные стихи и работы других авторов, связанных с ее творчеством, а также дневники и письма Льва Толстого, произведения Пушкина, Гоголя, Достоевского, Гончарова, Бунина, Булгакова, Пастернака, Эйзенштейна, Берберовой, Мандельштама, Окуджавы и Меттера. С новогреческого языка лучшими переводами

Сельмы Ансиры считаются три тома эссе и полное собрание стихов Георгоса Сефериса, несколько поэм Янниса Рицоса, пьесы Яковоса Кампанеллиса и роман Марии Иорданиду Локсандра. Награды: медаль Пушкина (2007, Россия), Cultura libre (2008, Мексика), Волошинская премия в номинации «За вклад в культуру» (2009, Россия), Литературная премия имени М.И. Цветаевой (2010, Россия), Premio Nacional a la Obra de un Traductor (2011, Испания). С 2006 года Сельма Ансира является одним из главных организаторов ежегодного Международного семинара переводчиков русской литературы в Ясной Поляне. Серьезно увлекается фотографией, автор нескольких фотовыставок в разных странах. С 1988 года живет в Барселоне (Испания).

На презентации Сельма Ансира принимала поздравления гостей

написала бы именно это и именно так, если бы была писателем».

Глядя на невероятно красивую, «солнечную» женщину, с такой силой любящую и свою, и чужую культуру, я понимала, что и я уже подпала под магию обаяния Сельмы Ансиры. Возможно, отчасти и этим можно объяснить ее организаторские таланты. Вот как она рассказывает о том, как «пробивает» в издательстве свои новые идеи: «Книгу Алексея Варламова я читала в самолете. Мне так хотелось успеть дочитать роман, что я мечтала, чтобы самолет не приземлялся. Приехав домой, я тут же отправилась к издателю и сказала, что надо перевести Варламова. «Как?! – ответил издатель. – Это долго! Я не знаю этого автора!» «Ты мне доверяешь?» – спросила я. И вот уже второй роман Варламова переводят на испанский язык». Презентацию новой антологии удалось устроить в Москве благодаря дружбе с Евгением Богатыревым, директором Мемориальной квартиры А.С. Пушкина на Арбате. «Я благодарю Евгения Богатырева за его гостеприимство, – говорит известная переводчица. – Я не рассчитывала на такой праздник. Позвонила из Барселоны: «Женя, можно ли у тебя устроить презентацию моей новой антологии русской литературы? Она начинается с Пушкина. И вот результат его усилий». Примерно так же она восемь лет назад основала в России международный семинар переводчиков в Ясной Поляне [Тульская область]. «Звоню Владимиру Толстому, директору музея-усадьбы Ясная Поляна, – вспоминает Сельма Ансира, – и говорю, что

в Ясной Поляне устраивают встречи писатели, мыслители, ученые, а переводчики – нет. Мое зерно попало на благодатную почву».

Международный семинар переводчиков проводится в Ясной Поляне под эгидой Института перевода уже восемь лет подряд. Сейчас это единственная в России площадка, где собираются переводчики русской литературы из Турции, Финляндии, Германии, Японии, Кубы, Азербайджана, Чехии, Франции и других стран. «Семинар у нас тесно связан и с писательскими встречами, – рассказывает Владимир Толстой. – Благодаря этому переводится не только русская классика XIX века, но и современные писатели, среди которых много достойных имен». Впрочем, у Владимира Толстого к Сельме Ансире особое отношение: она стала первой, кто перевел на испанский дневники Льва Толстого. «Дневники имели огромный успех у испанской публики, несколько раз переиздавались, – говорит Владимир Толстой. – И я понимаю почему. Дневники молодого Толстого – очень откровенные, исповедальные, самокритичные и, на мой взгляд, сильнее некоторой его художественной прозы. Это глубокие размышления молодого человека на темы «Хорошо ли я живу?», «Для чего живу?». Читательская публика нашла в них ответы на свои личные вопросы. Хочу еще сказать о качестве перевода. Есть переводчики, которые могут перевести через улицу, а есть художники слова. Сельма – художник и посол русской культуры в испаноязычном мире. Она умеет так полюбить писателя,

произведение, что ее сердце не может держать это чувство только для себя. Думаю, эта щедрость Сельмы – главное ее качество и залог успеха ее творчества».

ТЕКСТ ЛЕТИТ

Выступление представителя Федерального конгресса Мексики Артуро Сауседо перевело мероприятие в политическую плоскость. «Отношения между Мексикой и Россией всегда были очень теплыми, – сказал он. – И, конечно, одна культура всегда зажигала сердце другой. Эта книга – сжатое собрание всего того, что мы так любим в российской культуре. Она – настоящий импульс для развития отношений между Мексикой и Россией. Дело в том, что в публикации этой книги принимали участие деятели посольства Мексики в России, Министерства культуры и Министерства международных отношений Мексики. Это настоящее проявление того, как различные институты в Мексике любят культуру России. В ближайшее время будет проводиться много культурных мероприятий, связанных с Мексикой и Россией, в том числе фестиваль «Белые ночи» в Екатеринбурге, Владивостоке и Красноярске». На него приедут примерно 150 мексиканских деятелей культуры. В сентябре состоится выставка известного мексиканского художника Хосе Гваделупе Посада. Ну а сама Сельма, как настоящий трудоголик, даже на празднике тосковала о компьютере, оставленном дома. В нем – неоконченная работа над «Земными приметами» Мариной Цветаевой. Их переводчица закончила в 1992 году, теперь – переделывает. «Как вы понимаете, что перевод окончен?» – спросила я у Сельмы Ансиры. «У перевода есть разные этапы, – ответила Сельма. – Сначала ты делаешь черновик – это как маленький ребенок, который ползает на четвереньках. Потом – первое прочтение, что-то корректируешь – ребенок как бы уже стоит на ногах, но нетвердо. Затем еще раз читаешь, корректируешь – текст уже идет на двух ногах. А дальше он ходит и бежит. Когда же у текста появляются крылья и он летит – его можно отпускать в издательство. Я над одним произведением всегда работаю долго».

ФОТИК-2012

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В МОСКОВСКОМ ГОРОДСКОМ ДВОРЦЕ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА (МГДДЮТ) НА ВОРОБЬЕВЫХ ГОРАХ 13 ИЮНЯ ПРОШЛА ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ПРИЗЕРОВ СТОЛИЧНОГО ФОТОКОНКУРСА ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ «ФОТИК-2012».

КИНО – ЭТО ЖИЗНЬ. ФУТбол – это жизнь. Музыка – это жизнь... Для кого-то жизнь – это фотография. Для тех мастеров, что вошли в жюри первого городского конкурса фотографии, кто приехал на Воробьевы горы поздравить юных номинантов, эта жизнь уже состоялась. И подтверждение тому – награды и титулы, персональные выставки и тысячи публикаций. Виктор Ахломов, Владимир Мусаэлян, Юрий Кавер, Александр Курбатов, Алексей Белянчев, Александр Астафьев, Анатолий Жданов, Юрий Гаврилов, Анатолий Хрупов, Светлана Пожарская – все они, известные фотографы, внесли свою лепту и в то, чтобы конкурс состоялся, и в то, чтобы награждение прошло в доброй и творческой атмосфере. Для других фотография может стать смыслом жизни. Придется лишь

«много трудиться и смотреть на мир собственными глазами», как сказал на церемонии награждения фотограф Юрий Гаврилов. А другой мастер, Анатолий Хрупов, добавил, что, глядя на работы совсем юных фотографов, он вновь убедился: и было, и есть, и будет на что посмотреть.

Свои «претензии» на будущее в фотографии прислали более 2 тысяч человек в возрасте от 7 до 17 лет, несмотря на то, что прием работ продолжался всего два месяца: с 3 апреля по 4 июня. Творческое соревнование велось в трех возрастных категориях и в пяти номинациях: «Фотик в школе», «Фотик любит Москву», «Фотик путешествует», «Фотик и его друзья», «Фотик улыбается». В итоге жюри определило 15 победителей и 30 призеров. Пожалуй, самый ценный приз получил 10-летний

Никита Фарафонов. Его работы так понравились фотографу Анатолию Жданову, представлявшему «Комсомольскую правду», что он, по поручению руководства газеты, пригласил мальчика к официальному сотрудничеству с фотослужбой редакции.

Следующий этап конкурса «Фотик-2012» – большая выставка в Фотоцентре Союза журналистов на Гоголевском бульваре, на которой будут представлены не только работы победителей и призеров, но еще не менее сотни других интересных фотографий юных москвичей, присланных в оргкомитет. Выставка откроется в начале сентября и приурочена к московскому празднику – Дню города.

На вопрос о перспективах «Фотика» ответил директор МГДДЮТ Андрей Шашков:

– Конкурсу однозначно быть. Мы рассчитываем сделать его ежегодным. И очень надеемся, что фототворчество ребят привлечет внимание медийных, выставочных, производственных, образовательных организаций города, работающих в сфере фотографии. А сейчас – спасибо Фотоцентру Союза журналистов, группе компаний «ФОТО-ПРО», газете «Вечерняя Москва», журналу «Российское фото». Они стали первыми, кто поддержал идею этого большого и красивого проекта.

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В РОССИИ ВПЕРВЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ СТО ЛЕТ ОФИЦИАЛЬНО СОБРАЛИСЬ ПОТОМКИ РОССИЙСКИХ ГЕРОЕВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА, СЪЕХАВШИЕСЯ ИЗ РАЗНЫХ УГОЛКОВ ПЛАНЕТЫ.

В КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛЕ МОсковской гостиницы «Бородино» 14 июня прошел Съезд потомков российских героев Отечественной войны 1812 года. Собралось 312 человек, из которых 47 приехали из США, Канады, Европы, с Украины. «Господа! Давайте знакомиться! Если удобно, вставайте, – предложил с трибуны Виссарион Алявдин, председатель Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года. – Княгиня и княжна Оболенские! Москва. Господа Орловы! И московские, и сербские. Господа Ржевские из Соединенных Штатов! Воронцовы-Вельяминовы из Парижа и нескольких российских городов! Их у нас несколько. Графиня Милорадович из Канады!» Звучали исключительно громкие фамилии, известные с детства из учебников... Потомки российских дворян собрались в Москве по случаю 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. Необычное мероприятие организовало правительство Москвы. Участники съезда после официальной части посетили Музей-панораму «Бородинская битва» и Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник «Бородинское поле». В работе съезда участвовали чиновники, ученые-историки, деятели культуры, представители общественности, молодежных организаций, военно-исторических клубов. Звучали слова о реабилитации памяти героев, исторической справедливости, деятельности различных дворянских собраний. Овациями встретили слова Виссариона Алявдина: «Александр I отказался печатать на памятной медали 1812 года свой профиль, а предпочел Все видящее око и надпись: «Не нам, не нам, а Имени Твоему». Я думаю, эти слова можно сделать и девизом нашего общества. Не в смысле причастности к

Божественному провидению, а в том, что не мы заслуживаем каких-то особых привилегий, а наши предки, во имя которых мы стараемся сохранить память». О личности Александра I сделал доклад Владимир Лавров, заместитель директора по науке Института российской истории РАН. К общему изумлению, в зале присутствовал потомок Александра I в седьмом поколении – Павел Куликовский. Он приехал из США и совсем не говорит по-русски. «Я правнук великой княгини Ольги Александровны, которая была младшей сестрой императора Николая II, – сказал он. – Я счастлив сегодня быть в окружении потомков героев Отечественной войны 1812 года. Это была великая война».

ВСЕЛЕННАЯ ИЗУМЛЯЕТСЯ

Скучно не было. Алексей Аршинов, вице-президент Международной военно-исторической ассоциации, рассказал, что в этом году 2 сентября на Бородинском поле будет намного более масштабная реконструкция эпизода битвы. Заместитель министра культуры РФ Андрей Бусыгин сообщил, что осенью откроется Музей Отечественной войны 1812 года в центре Москвы – филиал Государственного Исторического музея. Руководитель департамента культурного наследия Москвы Александр Кибовский рассказал, что в соответствии с федеральной программой отремонтирована и обновлена экспозиция Музея-панорамы «Бородинская битва», восстановлен памятник Михаилу Кутузову, найдены и приведены в порядок могилы героев войны 1812 года, но главное – почти закончили сложную реставрацию Триумфальной арки. В числе подготовительных мероприятий представитель правительства Москвы упомянул и мемориальный памятник на Введенском

кладбище. Чуть позже этот проект с возмущением критиковал писатель-краевед Игорь Сергеев, так как «в этот монумент перезахоронили не тех, кого нужно было». По словам Сергеева, при строительных работах на Кутузовском проспекте Москвы в земле обнаружили останки 94 человек. По неясным причинам их посчитали останками героев войны 1812 года, хотя археологи не нашли в могиле ни оружия, ни пряжек военных ремней или пуговиц, ни поврежденных в боях костей. И захоронили непонятные кости в братской могиле. «Археологи возмущены происшедшим, – сказал Игорь Сергеев. – Отчеты их исследований хранятся в Москкомнаследии, управлении капитального строительства, торговли и агропрома. Почемумто на эти отчеты наложили гриф секретности и не дали их мне как представителю общественной организации. И еще меня возмущает, что перезахоронение прошло как-то по-тихому, без военных почестей».

Что может быть любопытнее в истории, чем судьбы людей и частные случаи? Ими пестрило выступление главного хранителя Музея-панорамы «Бородинская битва» Лидии Ивченко. В период Наполеоновских войн офицерский корпус состоял почти на 90 процентов из потомственных дворян. Но статистические данные отмечают, что большая часть «Детей Марса», как называли тогда военных, принадлежала к дворянским семьям скромного достатка. Офицерское жалованье являлось главным и часто единственным средством к существованию офицера. Лидия Ивченко рассказала: «Один из участников Бородинского сражения, Александр Зайцев, служивший в Ревельском полку, вспоминает: «Когда мне минуло 11 лет, а брату 13 лет, мать начала думать, куда бы нас определить. И однажды в Кремле на Царской площади мы увидели развод войск, и старший брат сказал мне: «Пойдем и мы слушить, авось и мы будем носить знамя». Тому мальчику, которому было 13 лет, в 16 лет довелось уже принять участие в Бородинском сражении. Он погиб на Семеновских флангах». С армейскими офицерами из много-детных обедневших семей, чуть ли не с младенчества покидавших родительский кров, случались подчас невероятные истории, подобные тем,

На съезде выступили прправнучка Михаила Кутузова Кира Хитрово-Крамская (вторая слева) и потомок Александра I Павел Куликовский (седьмой слева)

о которых рассказал егерский полковник Михаил Петров. С ним однажды произошел такой случай. «Ко мне подошел навстречу офицер в армейском сюртуке, – вспоминает он. – Пожав мне руку, сказал: «Ежели вы полковой адъютант Петров, то вы родной брат мне, поручику Алексею Петрову». Мы обнялись с ним с чувством кровной радости, и это свидание через девять лет разлуки принесло нам незабвенную поныне радость». Один из братьев Малиных так распорядился своими бесценными сокровищами в завещании: «Сюртук, который был на мне в Бородинском деле, а потом бывший на мне и в Лейпцигской битве, обагренный кровью и во многих местах простреленный, хранится у меня как святыня и должен достаться как святыня сыну моему Александру на память».

Или вот еще эпизод. Александр I во Франции во время последнего парада прощался с офицерами русской армии. Эта последняя встреча его с ветеранами запечатлена в дневнике известного историка Александра Михайловского-Данилевского. Он вспоминал: «Я не видел никогда почтеннее собрания. В нем заключалось могущество и слава России, коей офицеры были достойными представителями. Государь подходил почти к каждому из подвижников своих, благодарил их от искреннего сердца и в таких выражениях, которые каждому останутся незабвенные». Эту запись историк заканчивал словами: «Русские офицеры! Враги могли совершить то, чему вселенная изумляется. Гордитесь содеянным вами! А поздние ваши потомки будут повествовать».

САМОБЫТНЫЙ ХАРАКТЕР

Среди потомков на съезде присутствовала прправнучка Михаила Кутузова Кира Хитрово-Крамская. Ее родовая ветвь тянется от второй дочери Кутузова, Анны. В 1938 году ее отец, Михаил Николаевич, профессор музыки, окончивший Миланскую консерваторию, был расстрелян как враг народа. Кира Хитрово-Крамская рассказала, что всю жизнь скрывала свое происхождение, так как в советские годы можно было пострадать из-за этого. В ее доме нет ни одной памятной вещи Михаила Кутузова. Самую ценную вещь, кутузовское кресло, похитили авантюристы в 1962 году. «Я была в командировке, – говорит Кира Михайловна, – когда к нам домой пришли какие-то люди, представившиеся от музея-панорамы, и забрали у мамы с сестрой это кресло, не дав даже расписки. У нас семья такая, мы доверяем всем, не понимая, как это можно историю унести куда-то. Больше этих людей мы никогда не видели».

Прямой потомок Петра Багратиона в пятом поколении, Ирина Багратион-Мухранели, преподает русскую и зарубежную литературу. Сейчас она работает одновременно в Институте стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова, в Московском городском психолого-педагогическом университете, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете и в Институте практического востоковедения. Ее дочь занимается архитектурой. От «огромного клана Багратионов» – а у деда Ирины было 12 братьев и сестра – остался только один, остальных репрессировали в 30-е годы.

Был среди участников съезда и Андрей Мусин-Пушкин. Он родился и вырос во Франции, офицер французской армии. «В 1971 году я попал в первый раз в Россию и в Военной галерее Отечественной войны 1812 года безуспешно искал портреты предков. Ни одного не нашел, – отметил Андрей Мусин-Пушкин. – Вернулся очень озабоченным. Как же так?! Не может быть, чтобы Мусины-Пушкины не принимали участия в защите своей родины. Начал поиски по архивным материалам и вот что выяснил. У нас было три генерала, три штаб-офицера и два обер-офицера, участвовавших и в Отечественной войне 1812 года, и в походах русской армии в Западную Европу. В антинаполеоновских войнах участвовало в офицерских чинах 11 представителей рода, носящих фамилию Мусин-Пушкин, почти все они удостоились Золотой шпаги с надписью «За храбрость», многие получили ордена вплоть до Святой Анны 1-й степени и Георгиевские кресты 4-й степени. Самый крупный контингент крепостных в Ярославском ополчении был из крепостных Алексея Ивановича Мусина-Пушкина – а это было около 350 солдат».

Другой гость из Франции, протоиерей Николай Солдатенков, рассказал, как его предок Егор Солдатенков, купец первой московской гильдии, старообрядец, пожертвовал на нужды родины 20 тысяч рублей, которые пошли на снабжение ополчения. Николай Солдатенков, родившийся во Франции, недавно добился второго, российского гражданства, поскольку считает это для себя крайне важным.

Пенсионер Владимир Хованский из Саратова до последнего времени мало что знал о своих предках. Его предок Николай Хованский – участник сражений 1812 года. Сам Владимир всю жизнь служил в уголовно-исполнительной системе Саратова, его дочь, скульптор, не смогла приехать, так как готовится к свадьбе. «Я в Москве второй раз в жизни, – рассказал он. – Никогда ничего подобного не было в моей небогатой событиями жизни. Мой отец всю жизнь был солистом церковного хора, что, естественно, скрывал. Я, конечно, знал, что являюсь потомком князей, но дома на эту тему мы

Иван
Козловский,
потомок
многочисленной
династии
Козловских,
участвовавших
в Отечественной
войне 1812 года

слышали: «Забудьте. Никаких князей Хованских не было». Боялись». Лишь в декабре 2011 года, после смерти отца, разбирая его личные вещи, Владимир нашел целый домашний архив: метрические выписки, паспортные книжки, владельцами которых были деды и прадеды.

Увлекательные истории о династии Кульневых рассказала ее представитель Галина Яроцкая из Санкт-Петербурга. У генерал-майора Якова Кульнева, героя 1812 года, детей не было. Продолжателем рода стал его брат Иван, чьим прямым потомком и является Галина Павловна. Документы и фотографии Якова Петровича изъяла советская власть, а кольцо «дивной ювелирной работы с рубином, осыпанное бриллиантами, подарок с царской руки» в 1947-м продали через Ювелирторг. Передовой отряд Кульнева в составе 23-го и 25-го егерских полков, четырех эскадронов Гродненского гусарского и трех сотен Донского полка при шести орудиях прикрывал отход русской армии в самом начале войны, сражаясь с превосходящими силами противника. «Он лично водил гусар в атаку, – рассказала Галина Яроцкая. – 20 июня 1812 года, умирая на поле боя, он произнес: «Друзья, спасайте Отечество! Не уступайте врагу ни шага родной земли! Победа вас ожидает». Генерал Кульnev не дожил пяти дней до своего 49-летия и погиб почти там же, где родился, – недалеко от деревни Клястицы Витебской губернии. Среди чинного общества, собравшегося в гостинице, выделялся старенький, но бодрый дедушка в мун-

дире морского офицера 1812 года. «Иван Козловский, командир Твердайского морского экипажа! – лихо представился он. – Это элитная морская часть, которая насчитывала около 400 человек. Единственная морская часть, которая в 1812 году была направлена в состав сухопутной гвардии и вступила в бой с наполеоновскими войсками». Из многочисленных Козловских, участвовавших в Отечественной войне 1812 года, «наиболее интересный» предок Ивана – Владимир, участник Бородинского сражения в составе двух батальонов гвардии Егерского полка. Эти два батальона охраняли село Бородино. «Ночью они позволили себе пойти в баню, – говорит Иван Козловский. – А в это время французы атаковали. Солдаты отражали наступление в чем были. Дивизию, конечно, не сдержали. Отступили через мост и взорвали его. Владимир Николаевич Козловский остался жив и не был ранен». Сам Иван Козловский – личность яркая. Капитан второго ранга, инженер, кораблестроитель, 27 лет занимался в Институте Военно-морского флота проектированием и созданием торпедных и ракетных катеров, затем – противолодочных. Выйдя на пенсию, разрабатывал суда, добывающие в море нефть. В 60-е годы, «когда КПСС немножко ослабила слежение за потомками дворян», он в архивах восстановил свою родословную «до Рюрика» и вступил в Общество потомков участников Отечественной войны 1812 года. Более пятнадцати лет Иван Козловский занимается еще и реконструкцией

военной формы, шьет ее в ателье. Впервые он появился в костюме петровского офицера на конференции, посвященной 300-летию флота. Было дело, как-то пытался на Бородинском поле в костюме офицера примкнуть к какому-нибудь штабу. «Но чтобы быть офицером на реконструкции, надо иметь свое подразделение, хотя бы 10 матросов, – смеется он. – А у меня конференции, доклады, поэтому я сделал себе мундир солдата-гренадера русской армии, и меня охотно приняли с распластертыми обоятиями и даже поместили в чьей-то палатке». «Сколько вам лет?» – спросила я. «О-о! Эту страшную тайну я никому не раскрываю, – отрапортовал Иван Козловский. – А то меня больше не пустят на реконструкции или оштрафуют».

НЕ СТЫДНО

История Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года, куда входят чуть ли не все участники конференции, началась в 1964 году. Тогда был создан кружок при недавно открытой Бородинской панораме в Москве, куда приходили потомки героев войны 1812 года. Идею поддержал директор музея Владимир Казачков. Устраивались тематические мероприятия, и появилась традиция в первое воскресенье сентября отправляться на Бородинское поле, праздновать победу в музее. Постепенно Обществоросло, в нем появились реконструкторы, которые сначала выносили на поле первые русские знамена, взятые на киностудии. Затем – гражданине других стран. Скоро Общество отметит 50-летие, за последние годы у него появились филиалы в Воронеже, Калининграде и Костроме. «Сообща мы делаем больше, чем может отдельная семья или группа семей, – сказал Виссарион Алявдин. – Что говорить, историю умеют и любят переписывать, и чаще всего – со злым умыслом. И наш гражданский долг – постараться сохранить ее такой, какой она была. То есть историей великого государства и великого народа, который действовал очень часто великодушно. Могли ошибаться и вожди, и рядовые люди, но в целом мы знаем, что нам не стыдно за нашу историю и за наших предков».

ДЕТСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПЕТРА I

ИТОГИ КОНКУРСА ЮНЫХ ХУДОЖНИКОВ «НАСЛЕДИЕ ПЕТРА», ПРОВОДИВШЕГОСЯ В ИЗРАИЛЕ И ПРИУРОЧЕННОГО К 340-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА, БЫЛИ ПОДВЕДЕНЫ В ИЮНЕ В РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ЦЕНТРЕ В ТЕЛЬ-АВИВЕ.

Организаторами конкурса, стартовавшего в феврале нынешнего года, выступили представительство Россотрудничества, Израильский центр поддержки детского творчества и Объединение профессиональных художников Израиля.

Торжественное открытие выставки работ юных художников – победителей и участников конкурса состоялось в начале июня в Российском культурном центре, где собрались дети, их родители, педагоги изостудий и любители искусства. Глава представительства Россотрудничества Александр Крюков представил организаторов и членов авторитетного жюри конкурса, а также отметил, что юные

Участники и организаторы конкурса

конкурсанты, многие из которых родились в Израиле, в своих работах продемонстрировали хорошее знание российской истории.

В конкурсе приняли участие около 140 юных художников не только из Израиля, но и из России (Санкт-Петербург), что придало мероприятию

международный статус. Большинство конкурсантов – учащиеся детских изостудий, руководят которыми известные художники. Участники конкурса, возраст которых колебался от 4 до 16 лет, представили работы, отображающие деятельность Петра I, Россию и людей Петровской эпохи, пейзажи Санкт-Петербурга, а также портреты великого российского императора.

Победителям конкурса были вручены награды – специально изготовленные медали с изображением Петра I и почетные дипломы представительства Россотрудничества. Все конкурсанты и руководители изостудий были отмечены грамотами, благодарностями, специальными призами и книгами. Художники-педагоги выразили благодарность организаторам конкурса, и прежде всего Российскому культурному центру, за проведенное художественное сопствование и поддержку детского творчества. Праздник детской живописи завершился концертом юных артистов, исполнивших популярные песни.

Пресс-служба Представительства Россотрудничества в Израиле

СОХРАНИТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК

АВТОР

НАТАЛИЯ НЕЧАЕВА

НАКАНУНЕ ДНЯ РОССИИ В ВИЛЬНЮСЕ ПРОШЛА РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЛИТВЫ, ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ, УЧАСТИКИ КОТОРОЙ ОБСУЖДАЛИ ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ЗАЛОГ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СТРАНАХ БАЛТИИ.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ ЗАСЕДАНИЯ 28 делегатов и участников конференции во главе с послом РФ в Литве Владимиром Чхиквадзе возложили цветы к памятнику А.С. Пушкину, установленному во дворе православного храма Святой Параскевы Пятницы. Эта церковь знаменита тем, что когда-то в ней российский император Петр I отслужил благодарственный молебен за победу над шведским королем Карлом XII во время Северной войны. В этом же храме царь Петр в 1705 году крестил арапа Ганибала – прадеда Александра Сергеевича Пушкина. Памятник выполнен в виде двух ладоней, на которых изображены медальоны с профилем поэта и его прадеда, и возвышающегося над ними православного креста... Вот так, можно сказать, с легкой пушкинской руки и дружеского приветствия российского посла, который назвал соотечественников-прибалтов неотъемлемой частью Русского мира, и началось обсуждение наболевших вопросов и злободневных проблем русскоязычных общин Литвы, Латвии и Эстонии.

Прибывший на конференцию первый заместитель председателя комитета Совета Федерации РФ по международным делам Владимир Джабаров в приветственном выступлении отметил, что форум имеет большое значение для всего Русского мира и отражает положительную динамику консолидации русских общин за рубежом. «Отстаивание исторической правды и национального достоинства России – это та миссия и тот рубеж, который вы, российские соотечественники стран Балтии, ежедневно отстаиваете своей общественной и просветительной деятельностью. Впечатляющие результаты референдума по статусу русского языка в Латвии, неустанная борьба за русский язык и культуру, которую вы ведете, все это не только показывает дееспособность организаций соотечественников, но и дает возможность России, опираясь

на ваше общественное влияние, проводить более принципиальную и жесткую линию по защите прав и законных интересов русскоязычных жителей Латвии, Литвы и Эстонии», – заверил Владимир Джабаров. Его поддержал и заместитель директора департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД России Виктор Сибилев, который подробно остановился на вопросах сохранения русского языка и культуры в зарубежных странах. Он отметил, что в этой сфере целенаправленно работают фонд «Русский мир» и Россотрудничество, усилиями которых в разных странах созданы 52 российских центра науки и культуры. Представительства Россотрудничества сегодня ведут практическую деятельность в 72 зарубежных странах, широкую культурно-просветительскую деятельность проводят и десятки Русских центров, созданных фондом «Русский мир».

О ситуации с русским языком и образованием делегатам конференции рассказал руководитель организации соотечественников Литвы Андрей Фомин, упомянув внедренную в прошлом году, несмотря на акции протестов со стороны польской и русской общин, школьную реформу, цель которой – перевод части преподаваемых предметов на литовский язык. Кроме того, в 2013 году планируется введение Единого госэкзамена по литовскому языку и литературе, как для литовских выпускников, так и для учащихся школ нацименьшинств. «Школа – не самоцель, а средство сохранения русской общины, мы должны ее сохранять, помня о том, что, не будет русской школы, не будет и русской общины Литвы», – напомнил Андрей Фомин, который также отметил созидательную деятельность фонда «Русский мир». Усилиями фонда в Литве были открыты два Русских центра в университетах Вильнюса и Шяуляя, а вот с открытием Дома Москвы литовцам повезло меньше: строительство его пока заморожено.

Руководитель латвийской делегации соотечественников Виктор Гущин в своем выступлении остановился на политике русофобии и неонацизма, проводимой правящими властями с подачи правых радикалов, взявшими резкий курс на строительство так называемой латышской Латвии, где русский язык фактически объявляется главным врагом государства. Тем не менее в этих непростых условиях представителям местной русской интеллигенции во главе с Ириной Коняевой, Владом Боговым и Юрием Касьяничем удалось при поддержке фонда «Русский мир» с огромным успехом провести Дни русской культуры в Латвии, которые были доброжелательно приняты латышской общественностью, также участвовавшей в этом проекте. Надо отдать должное президенту Латвии Андрису Берзиньшу, который, несмотря на нападки со стороны полиции безопасности на организаторов праздника русской культуры, прислал теплое приветствие его участникам на двух языках – что довольно симптоматично. «Очень важно, что мы смогли объединить Русский мир Латвии на созидательной основе. Наши власти сегодня торпедировали русское образование, экономическую и политическую жизнь и участие в ней русской диаспоры, но они пока не смогли добраться до культуры. Можно сказать, мы успели остановить наступление на русское пространство. Самое главное сейчас – наращивать ресурсы для объединения на почве культуры всех людей, независимо от их национальной принадлежности», – сказала делегат от Латвии Ирина Коняева, организатор Дней русской культуры. – В культуре существуют механизмы, позволяющие сохранять русский язык в рамках того законодательного пространства, которое мы имеем сегодня. Надо это использовать в полной мере».

Десант соотечественников из Латвии готовится пересечь условную границу с Литвой

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Эмоциональным было выступление на конференции Владимира Селявко, молодого настоятеля вильнюсской церкви Михаила Архангела, остановившегося на особой роли Русской православной церкви в формировании национальной самоидентичности и культуры. Отец Владимир обозначил основные направления в этой области, назвав самым важным звеном нашего общества семью. Именно в семье формируются менталитет, язык и культура человека. По его мнению, сегодня институт семьи находится на грани уничтожения, подвергаясь агрессивным атакам со стороны движений, называющих себя либеральными. «В результате наши дети растут в неполных семьях или детских домах, они остаются открытыми перед потоками деструктивной информации, которая не дает сформироваться базовым нравственным ценностям ребенка, в том числе и национальным. Перед нами стоит задача сохранить себя. Поэтому одним из важнейших пунктов нашей деятельности должны быть поддержка и сохранение семейных ценностей. Необходимы проекты и тренинги, формирующие

у молодого поколения позитивное отношение к семье и семейной жизни», – сказал отец Владимир, приведя в качестве примера введение Литовской епархией

Мэр Вильнюса Артурас Зуокас на празднике приветствует участников конференции российских соотечественников

системы обязательной катехизации для верующих.

Доктор социальных наук Рафаэль Муксинов, откликнувшись на призыв российского МИДа рассказать об опыте своих стран по работе с соотечественниками, изучил положительный опыт литовских властей в отношении своей зарубежной diáspora и предложил использовать некоторые идеи для защиты российских соотечественников. Заслуживает внимания, например, Хартия, обращенная к литовцам всего мира, в 13 пунктах которой коротко и четко изложено, что надо делать, чтобы сохранить свою идентичность. Профессор Муксинов перевел на русский язык и Конституцию Всемирной общины литовцев, в которой, в частности, расписан механизм консолидации литовского народа, оговорено, как избежать конфликтов, что сегодня более чем актуально и для русских общин зарубежья. Конституция содержит и такую структуру, как Суд чести, также разработана стратегия «Глобальная Литва», подробно расписанная на десять лет, с указанием конкретных целей и ответственных исполнителей. Нам есть чему поучиться...

Депутат Европарламента Татьяна Жданок (ЗaПЧЕЛ, Латвия) остановилась на необходимости умелого сочетания в правозащитной деятельности компромиссов и конфронтаций, подвергнув критике за пессимизм и пассивность руководителей координационных советов российских соотечественников некоторых стран. Представитель молодежной организации из Латвии Маргарита Драгиле рассказала о прошедшем в стране языковом референдуме, который выявил молодых русских лидеров, готовых активно включиться в движение за сохранение русского образования, языка и культуры в Литве. С помощью старших товарищей по движению сегодня удалось организовать для них – это 50 юношей и девушек – курсы молодого лидера. Маргарита предложила провести мониторинг в Литве и Эстонии для выявления там молодых лидеров, желающих и способных принимать активное участие в сохранении Русского мира в Балтии. Соотече-

ственники обсудили также проведение в Латвии сбора подписей для организации референдума по предоставлению гражданства всем «негражданам», за что уже подписалось более 5 тысяч

человек. Журналист Алла Березовская из этой же республики рассказала о подготовке Второго форума народа Латвии, а лидер латвийского антифашистского комитета Иосиф Корен в рамках тематического блока «Противостояние угрозе неонацизма и сохранение исторической памяти» свое выступление посвятил сравнению ситуации в странах Балтии с Германией начала 30-х годов. Гитлер лишил евреев права на гражданство и языка, а нынешние прибалтийские власти воюют с русским языком и его носителями. И не обращать на это внимания нельзя.

Участники региональной конференции по всем ключевым вопросам приняли резолюции, а также проголосовали за принятие Хартии Русского мира. Принимавший участие в работе конференции директор Санкт-Петербургского филиала фонда «Русский мир» Олег Муковский поблагодарил всех за добрые слова в адрес фонда, заверив, что продвижение русского языка и культуры в России и за рубежом это важнейшая часть работы с соотечественниками, и она будет продолжена. По окончании конференции посол России пригласил всех ее участников на празднование Дня России в вильнюсском парке «Вингис». Традиция проведения в июне Дня России существует в Литве уже десять лет, с каждым годом собирая все больше и больше народа. В нынешний, юбилейный для России год на народные гуляния в парке собралось более 30 тысяч человек, было раздано 20 тысяч ленточек цветов российского флага, и всем желающим не хватило! Зато бесплатным мороженым угостили всех детей. И концерт был, и пляски, и песни, и салют. Гостей со сцены приветствовали посол РФ в Литве Владимир Чхиквадзе и мэр Вильнюса Артурас Зуокас. В своей речи российский посол отметил, что День России – это праздник не только граждан РФ и российских соотечественников, проживающих за рубежом, но и всего многомиллионного Русского мира и всех, кто любит Россию, желает ей добра и процветания. «Да здравствует Россия и Литва, да здравствуют народы наших стран, мир, дружба и футбол!» – такие лозунги звучали с праздничной сцены. Жаль, что слышим мы их только один раз в году...

DIOMEDIA

МОСКВА – РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО: МОСТЫ ДРУЖБЫ

АВТОР

АНДРЕЙ БУДАЕВ*

ДНИ КУЛЬТУРЫ БРАЗИЛИИ В РОССИИ И РОССИИ В БРАЗИЛИИ ПРОЙДУТ В ОБЕИХ СТРАНАХ В 2012 И 2013 ГОДАХ. ДОГОВОРЕННОСТЬ ОБ ИХ ПРОВЕДЕНИИ БЫЛА ДОСТИГНУТА В ПРОШЛОМ ГОДУ В МОСКВЕ ВО ВРЕМЯ ЗАСЕДАНИЙ РОССИЙСКО-БРАЗИЛЬСКОЙ КОМИССИИ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ.

ИХОТЯ ПОКА ПОДРОБНАЯ программа мероприятий не выработана, ясно, что одним из основных центров проведения Дней России в Бразилии станет Рио-де-Жанейро. Этому городу, без малого два столетия являвшемуся столицей Бразилии (в 1763–1960 годах, затем столицей стал город Бразилиа. – **Прим. авт.**), принадлежит особая роль в истории становления и развития российско-бразильских связей.

Рио-де-Жанейро обладает особой энергетикой, его яркие краски, экзотика и бурлящая жизнь до сих пор привлекают туристов. Россияне в этом отношении – не исключение. Тем более что у многих интерес к городу по-прежнему подогревается популярным романом Евгения Петрова и Ильи Ильфа «Двенадцать стульев», в котором жизнь в Рио-де-Жанейро была «хрустальной мечтой» Остапа Бендера.

Но вернемся к фактам. Именно в Рио-де-Жанейро было открыто первое во всей Латинской Америке российское консульское учреждение, 200-летний юбилей которого отмечался в июле прошлого года. Первому Генконсулу, Ксаверию Лабенскому, инструкция русского внешнеполитического ведомства предписывала всеми силами способствовать разви-

тию торговли между двумя странами, изучать возможности рынка Бразилии и потенциальный спрос на традиционные русские товары...

Русские иммигранты первой волны возвели в Рио-де-Жанейро православный храм во имя святой мученицы Зинаиды, действующий с 1935 года. С 2006 года окормление паства в сослужении с местными православными клириками ведет направленный в Рио-де-Жанейро Московской патриархией священник Василий Гелеван, который проводит большую пастырскую и культурно-просветительную работу. В октябре 2010 года для участия в торжественных мероприятиях по случаю 75-летия воздвижения храма в Рио прибыл митрополит Аргентинский и Южноамериканский Платон, который провел 24 октября Божественную литургию с крестным ходом вокруг храма. В торжестве приняли участие прихожане храма, включая сотрудников Генконсульства России и Белоруссии, а также православные бразильские граждане.

Российско-бразильские связи отличаются богатой и непростой историей. Были в них и взлеты, и спады, и периоды «затишья», связанные с особенностями отдельных этапов исторического развития, революционными катаклизмами, противосто-

янием двух сверхдержав и холодной войной. Но, несмотря ни на что, культурные и гуманитарные контакты всегда связывали народы наших стран, традиционно питающие друг к другу чувства симпатии и уважения. Ренессансом в российско-бразильских политических и гуманитарных отношениях можно считать 90-е годы XX века, давшие возможность перейти к реальному практическому взаимодействию с начала нынешнего столетия. Россия и Бразилия активизировали сотрудничество практически по всем направлениям, включая сферы культуры, науки, образования и спорта. В этом отношении своего рода новым ориентиром стал 2008 год, когда в Бразилии с успехом прошли Дни России. Во время пребывания в октябре российской официальной делегации, включавшей и представителей МП РПЦ, в Рио-де-Жанейро прошла серия ярких мероприятий. В храме Святой мученицы Зинаиды была совершена Божественная литургия, в бывшем католическом соборе Божией Матери «Кармелито» состоялось открытие выставки «Православная Русь» и фотовыставки «Современная Россия». 26 октября на горе Корковадо у известной на весь мир статуи Христа Избавителя прошла Божественная литургия, которую возглавил митрополит Аргентинский и Южноамериканский Платон. Вечером того же дня в соборе «Кармелито» прошел концерт хора московского Сретенского монастыря.

Рассказать обо всех последовавших после Дней России культурных обменах с Рио представляется затруднительным, а потому перечислим лишь наиболее яркие и значимые, определившие главный вектор развития российско-бразильского культурного и гуманитарного сотрудничества.

В 2010 году отмечался 10-летний юбилей балетной Школы Большого театра, созданной по инициативе российской стороны в городе Жоинвиле на юге Бразилии. В октябре 2010 года в Театро Виво Рио ученики жоинвильской школы вместе с солистами Большого театра Андреем Болотиным и Джо Юн Бэ показали зрителям спектакль по мотивам балета «Дон Кихот». Стоит отметить, что за десять лет на спектаклях Школы Большого театра в Бразилии побывало свыше 300 тысяч бразильцев. Ученики школы не

раз выступали с гастролями в Уругвае, Италии, Франции, Германии, некоторые из них работают в различных балетных труппах Бразилии, России, США, Англии и других стран.

В том же году в Рио-де-Жанейро, в выставочном зале Культурного центра Банка Бразилии, состоялась уникальная выставка карт, документов, рисунков и акварелей, посвященная научной экспедиции 1821–1829 годов во внутренние районы Бразилии, организованной бывшим российским Генконсулом графом Григорием Лангсдорфом. Выставка, экспонаты для которой были предоставлены Российским государственным архивом Военно-морского флота и Академией наук РФ, вызвала у публики огромный интерес. Посетителей особенно заинтересовала та часть экспозиции, в которой были представлены старинные карты, начертанные русским военным моряком, штурманом и картографом Нестором Рубцовым. Они практически полностью совпадают с современными фотоснимками этой местности из космоса, что свидетельствует о необычайно высоком профессиональном уровне работ, выполненных почти двести лет назад. Бразильские ученые считают, что исследования экспедиции Лангсдорфа до сих пор являются своеобразной «точкой отсчета» для местных антропологов, биологов, геодезистов и других специалистов.

Заметным событием стала и научно-практическая конференция «Культурные мосты: Бразилия–Россия», состоявшаяся в ноябре 2011 года в Федеральном университете Рио-де-Жанейро. В работе конференции, организованной Бразильско-российским институтом культуры имени М.Ю. Лермонтова при содействии Генконсульства РФ, приняли участие около 100 преподавателей, студентов, журналистов и деятелей культуры. В рамках семинаров и круглых столов, посвященных литературе, музыке, танцам, деятельности СМИ двух государств, состоялся обмен мнениями по вопросам истории развития и нынешнего состояния российско-бразильских культурных связей. Блестящим финальным аккордом конференции стал концерт, в котором приняли участие воспитанники Балетной школы имени Марии Оленевой при Муниципальном театре Рио-де-Жанейро.

Большой интерес в местных культурных и музыкальных кругах вызвала состоявшаяся в декабре 2010 года в популярном выставочном комплексе «Института Морейра Саллес» в Рио-де-Жанейро презентация первого компакт-диска произведений русского композитора Игоря Стравинского. Выпуск сборника, который составят четыре диска, это результат многолетней работы интернационального коллектива, в состав которого входят также бразильские и голландские специалисты. Оцифровка музыкальных произведений, долгое время хранившихся в фонотеке Гостелерадио (авторские права на их воспроизведение были приобретены американской компанией CBS в начале 90-х годов XX века), проходила в звукозаписывающей студии бразильской компании Visom Digital при финансовой и технической поддержке бразильских артгрупп Gravadora Biscoito Fino и Dell'Arte.

В феврале 2011 года местная спортивная общественность была покорена показательным выступлением участниц олимпийской сборной России по синхронному плаванию в бассейне у известного стадиона «Маракана». Эта акция была проведена по инициативе председателя Федерации водных видов спорта Бразилии К. Нунеса Фильо и тренера российской сборной Т. Покровской, которая оказывает консультационную помощь бразильским коллегам. Между прочим, в ходе акции собирались добровольные пожертвования для жителей штата Рио-де-Жанейро, пострадавших в январе того же года из-за проливных дождей и наводнений. Принявшим участие в акции сотрудникам российского Генконсульства безвозмездно передали организаторам детскую одежду и продукты питания длительного срока хранения.

Неординарным событием стал визит в штат Рио-де-Жанейро космонавтов-испытателей, Героев России Олега Котова и Павла Виноградова, которые приняли участие в IV Международном форуме по астрономии и астронавтике, проходившем в апреле 2011 года в городе Кампус-дус-Гойтаказис. Главным мероприятием форума стало торжественное заседание, посвященное 50-летию полета в космос первого человека, советского космонавта Юрия Гагарина, на котором со специальны-

ми докладами выступили российские представители. Во время пребывания в Рио-де-Жанейро российские космонавты встретились с представителями научных и общественных кругов Бразилии, а также посетили планетарий города, где Генконсульством России была организована фотовыставка, приуроченная к 50-летнему юбилею полета Юрия Гагарина в космос. Олег Котов и Павел Виноградов рассказали присутствующим об истории становления и развития отечественной космонавтики. Отметим, что в большинстве мероприятий этой акции принял участие бразильский космонавт Маркус Понтес. Он входил в состав возглавляемого Павлом Виноградовым международного экипажа, который в 2006 году отправился в экспедицию на международную космическую станцию на пилотируемом корабле «Союз ТМА-8».

Заинтересованным отношением представителей местных властей, культурных и общественных организаций была отмечена прошедшая в апреле 2011 года в Институте национального исторического и артистического достояния при Музее фольклора города Рио-де-Жанейро экспозиция «Многоликий святой Георгий». Здесь можно было увидеть инсталляцию, макеты, скульптуры, гербы и флаги, представляющие образ этого святого в 11 городах мира (включая Москву), покровителем которых он является. Выставка была приурочена к празднованию 23 апреля в штате Рио-де-Жанейро Дня святого Георгия.

Одним из самых ярких событий культурной жизни стали выступления балетной труппы Мариинского театра в сентябре 2011 года. Зрители по достоинству оценили балет «Лебединое озеро» и спектакль «Шопениана»: громкие овации долго не стихали в Муниципальном театре Рио-де-Жанейро.

А в День независимости Бразилии, 7 сентября, на открытой площадке в парке «Кинта да Боа Вишта» состоялся бесплатный гала-концерт: «Лебединое озеро» (2-е действие) и современный балетный танец «Простые вещи» (работа молодого хореографа Эмиля Фаски) смотрели почти 40 тысяч зрителей. Если верить сообщениям некоторых СМИ, формат данного выступления был отмечен в Книге рекордов Гиннесса.

В октябре 2011 года в Рио-де-Жанейро прошел 13-й Международный кинофестиваль, крупнейший в Латинской Америке. Российскую делегацию, прибывшую для участия в этом мероприятии, возглавлял секретарь Союза кинематографистов России Сергей Новожилов. В рамках кинофестиваля было показано несколько отечественных картин, в том числе «Край» (режиссер – Алексей Учитель), «Одна война» (Вера Глаголева), «Рябиновый вальс» (Алена Семенова и Александр Смирнов), вызвавших заметный интерес в местных общественных и культурных кругах, а также у участников кинофестиваля. Бразильские СМИ с восхищением отзывались о концерте Санкт-Петербургского государственного академического симфонического оркестра и известного пианиста Максима Могилевского. В октябре 2011 года в Муниципальном театре Рио-де-Жанейро российские музыканты исполняли произведения Глинки, Чайковского и Мусоргского. А в декабре на сцене того же театра его труппа при участии учеников Балетной школы имени Марии Оленевой представила балет Петра Чайковского «Щелкунчик», покоривший зрителей. Эстафету российских культурных событий продолжила выставка «Русские православные иконы», открывшаяся в марте 2012 года в здании Бразильской академии философии в Рио-де-Жанейро. Выставка, которая продлится несколько месяцев, вызвала живой интерес жителей: в экспозицию вошли копии 30 наиболее известных произведений иконописи. Выставка была подготовлена российским Генконсультством совместно с «Русским домом» и православным приходом храма Святой Зинаиды. Развивающиеся в последние годы по восходящей российско-бразильские контакты в культурно-гуманитарной сфере закладывают прочную основу для дальнейшего сближения народов России и Бразилии. Наша совместная с бразильскими партнерами работа призвана придать дополнительный импульс двустороннему культурно-гуманитарному сотрудничеству, наполнить его новым, ярким и интересным содержанием.

* АВТОР – ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ РОССИИ
В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО.

РИЖСКИЙ ФАВОРИТ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» И ПРАВИТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА С 25 МАЯ ПО 6 ИЮНЯ В ЛАТВИИ ПРОШЛИ ДНИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ ПО ИНИЦИАТИВЕ ЛАТВИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ФОНД РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ». ЕСЛИ В ПРОШЛОМ ГОДУ, КОГДА ВПЕРВЫЕ БЫЛА ВОССТАНОВЛЕНА ДОВОЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ РУССКИХ ДНЕЙ, В РАМКАХ ПРОЕКТА ПРОШЛО ОКОЛО 70 МЕРОПРИЯТИЙ, ТО В НЫНЕШНЕМ ИХ УЖЕ БЫЛО БОЛЕЕ 100.

П

ЕРЕЧИСЛЕНИЕ НАЗВАНИЙ всех выставок, конференций, литературных вечеров, встреч с деятелями культуры и науки, спектаклей, концертов, презентаций новых книг и проектов заняло бы несколько страниц. В течение двух недель мероприятия, посвященные русской культуре и истории, проходили не только в столице Латвии, но и более чем в 10 городах и регионах страны. Журнал «Русский мир. гг.» принял участие в презентации нового экскурсионного маршрута по местам, связанным с жизнью и творчеством одного из самых популярных русских писателей, живших в Латвии, – Валентина Пикуля. За обилие исторических романов, вышедших из-под его пера, Пикуля нередко называли русским Дюма. В июле Рига традиционно отмечает годовщину со дня рождения писателя (13 июля 1928 года), но на этот же месяц пришлась и дата смерти Валентина Саввича, который умер 16 июля 1990 года...

За исключением всего двух произведений («Океанский патруль» и «Баязет») почти все книги Пикуля – а это 28 романов и более 150 исторических миниатюр – были созданы в Риге. В 80-е годы автор серии исторических романов, в том числе и нашумевшего «Фаворита», сам стал признанным фаворитом у большинства любителей приключенческой исторической прозы.

«Рулевой» нашей экскурсии, журналист рижской газеты Игорь Ватолин, лауреат медали и международной премии Валентина Пикуля, отмеченный дипломом и наградами за цикл публикаций о жизни и творчестве писателя, повел нас, группу энтузиастов из 12 человек, по пикулевским местам в Риге. Нам предстояла

пешеходная двухчасовая прогулка по городу, завершили которую мы в доме, где жил и умер знаменитый рижанин и где нас ждала его вдова Антонина Ильинична, директор благотворительного Фонда В.С. Пикуля.

...В Ригу молодой и мало кому известный писатель-маринист приехал в 1962 году вместе со своей первой супругой, Вероникой Гонсовской, обменяв квартиру в Ленинграде на рижскую жилплощадь. Вместе Пикули прожили 22 года, а после смерти жены в 1980 году Валентин Саввич женился вторично. Игорь обращает внимание «туристов» на Центральный книжный магазин (ныне – магазин Валтерсун Рапа), где Пикуль был частым гостем. Валентин Саввич с юности был заядлым книжоедом и библиофилем, его личная библиотека насчитывает более 10 тысяч изданий.

Даже спустя двадцать лет после смерти Пикуль остается лидером исторического жанра. Общий тираж произведений Пикуля за шестьдесят лет с начала творчества превысил полмиллиарда томов, его книги переведены на десятки языков мира. Среди экранизаций – фильмы по «Моонзунду», «Баязету», «Реквиему каравану РQ-17», «Богатству», «Ступай и не греши» (в телеверсии – «Бульварный роман»), сериалы по «Фавориту», «Пером и шпагой», «Честь имею». Охотно переводили Пикуля и на латышский язык, недавно в Риге вышел его роман «Париж на три часа»... Ну а мы тем временем подошли к бывшему Дому офицеров Прибалтийского военного округа, ныне – Дом латышского общества. Валентин Пикуль, сын моряка и сам бывший моряк, подростком сбежал из дома в школу юнг на Соловках (о чем позже он на-

писал в романе «Мальчики с бантиками», в 16 лет во время войны уже служил на эсминце «Грозный». Дома писатель почти всегда ходил в тельняшке, был постоянным посетителем военной библиотеки. По воспоминаниям работавшей там Антонины Ильиничны, он приходил к ним с шампанским, цветами и конфетами, и они, конечно, души в нем не чаяли, стараясь добыть для писателя нужную ему литературу. Когда она стала его женой, то при библиотеке была открыта своего рода литературная кают-компания, куда на встречу с читателями помимо Валентина Саввича приходили известные советские писатели, приезжавшие в Ригу или отдыхавшие в Юрмале. Он же мог встречаться с читателями в редкие перерывы между написанием книг. Пикуль много работал, причем исключительно по ночам. По своему рецепту бывший моряк заваривал крепчайший черный чай и погружался в иные времена, иные дали... Писать новый роман Пикуль начинал гусиным пером, вставленным в ученическую ручку, которую он макал в чернильницу-непроливайку. По его словам, так легче передавалась «энергия авторской мысли». Потом написанное тщательно правилось и перепечатывалось им на пишущей машинке, после чего вновь правилось. Иногда под утру у него уже не оставалось сил, чтобы добреди до кровати, и писатель засыпал прямо у стола на кушетке. Часто ему снилось, что он даже во сне продолжает писать... Это была настоящая каторга, как однажды на встрече с читателями признался автор романа «Каторга».

Начиная работу над очередным романом, Валентин Саввич составлял «почасовик», в котором все касающееся его исторических персонажей было расписано в строгом хронологическом порядке – когда родился, где и как учился, женился, сражался, лечился и т.п. На каждого героя будущего произведения автор заводил новую карточку в своей картотеке, заносил туда всю собранную информацию, копии или оригиналы старинных документов, писем, указов, прошений. Знаменитая пикулевская картотека – это сотни расставленных по алфавиту папок, рядом – собрание «Русских портретов», и все это богатство – более 100 тысяч единиц хранения – всегда было разложено в идеальном порядке. Отдельная история, как Пикуль охотился за портретами своих героев. Его знали во всех букинистических и антикварных лавках, в магазинах для него оставляли редчайшие альбомы по искусству. Обычно он покупал сразу по двад-

ти экземпляра – один любовно ставил на полку, из второго вырезал нужные ему портреты и гравюры, а в третьем делал закладки и пометки на полях.

Проходя по главной рижской улице Бривибас (во времена Пикуля – Ленина), мы оглядываем храм Александра Невского, где в печальные июльские дни 1990 года отпевали знаменитого писателя, прощание проходило затем и в Белом зале Дома офицеров. Но вот мы подошли к первому рижскому адресу Валентина Саввича, так называемому генеральскому дому сталинской постройки, где Валентин Пикуль и его первая супруга прожили с 1962 по 1978 год. Никакой памятной таблички на доме нет. «Да, пока табличка появилась только на доме, где он провел последние двенадцать лет своей жизни, на улице Весетес, 8, – говорит Игорь Ватолин, – кроме того, мы добились, чтобы имя писателя было внесено в список выдающихся деятелей нашей страны, похороненных на Лесном кладбище. Совет по памятникам Рижской думы несколько лет назад под давлением общественности принял решение о присвоении имени писателя-мариниста новой улице в прибрежном районе города, Усть-Двинске, но пока в связи с кризисом новая улица здесь так и не появилась. Я убежден, главным памятником в Риге должен стать мемориальный пикулевский центр, который бы занимался популяризацией творчества русского писателя и военно-морской истории. А наша ближайшая задача – создание квартиры-музея на улице Весетес. Вот туда мы с вами сейчас и направляемся!» По дороге к писательскому дому наш экскурсовод успевает рассказать, что Пикуль для себя определил основную эпоху в российской истории, которой собирался посвятить четыре романа-глыбы, – период с момента смерти Петра I до восстания декабристов. Три из них увидели свет – «Слово и дело», «Пером и шпагой» и «Фаворит», был задуман еще роман «Аракчеевщина», но дело как-то не пошло, темы разошлись по другим произведениям и историческим миниатюрам. Вторая часть наследия Пикуля – морские романы: «Моонзунд», «Три возраста Окини-сан» (в японском варианте – «Адмирал и гейша»), «Мальчики с бантиками». Есть и серия романов о состоянии русского общества XIX века – «На задворках великой империи», «Нечистая сила», «Из тупика», «Каторга» и др. Именно эта серия и вызывала наибольшие нарекания со стороны советской партийной номенкла-

туры. После выхода в «Нашем современнике» в 1979 году романа «У последней черты» (в журнальном варианте «Нечистая сила») на пленуме Союза писателей Сергей Михалков обрушился на автора с критикой, а всесильный Михаил Суслов вызвал рижанина-бунтаря к себе на ковер. Пикуль сослался на то, что он не член партии и никуда не поехал. И тут же попал в опалу – его не ругал тогда только ленивый...

Поднимаемся на четвертый этаж пикулевского дома, заходим в заветную квартиру, все стены которой увешаны картинами, гравюрами, портретами, заставлены книжными стеллажами. Антонина Ильинична встречает нас, благодарит за цветы и проводит в святая святых – рабочий кабинет Пикуля. «За этим столом была написана большая часть его романов, – рассказывает вдова писателя. – Как видите, он дощатый, потертый, закапанный чернилами, но Валентин Саввич ни за что не хотел с ним расставаться. Этот стол он привез из Ленинграда, он был его талисманом и другом». Антонина Ильинична, сама написавшая и издавшая после смерти мужа уже шесть книг мемуаров о нем, вспоминает, что, несмотря на огонь критики и нелюбовь властей, книги Пикуля находили дорогу к читателям, у которых он пользовался невероятной популярностью, о чем свидетельствовали не только тиражи, но и горы писем. Как говорит Антонина Ильинична, она их носила с почты как авоськи с картошкой. Вдова, угостив пикулевским чаем почитателей таланта писателя, по памяти зачитывает одну из его записок, которые он частенько оставлял ей: «Вся жизнь, отданная изучению истории, привела меня к странной и, может быть, нелепой мысли, что я всегда существовал. Да, мне пришлось побывать при осаде Пскова во времена Ивана Грозного, я наблюдал за повадками придворных при дворе Анны Иоанновны и Екатерины Великой, мне по сию пору слышатся победные громы Кунерсдорфа, и, наконец, жалкий, смятый и раздавленный, я блуждал по кочкам болот в Пруссии, когда немцы громили армию Самсона... Что там одна жизнь? У меня их было множество – и каждая в своем времени, а я сам выступал в различных ипостасях, в самых различных костюмах, разговаривая различными языками. Всегда существовавший, я всегда и обречен существовать – в будущем! Именно в этом мое счастье как писателя, как человека, как личности... Валентин Пикуль. XX век».

«НИЧТО ДАРОМ НЕ ДАЕТСЯ»

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТОГРАФИИ

ПАВЛА ГОЛОВКИНА

НЕКОТОРЫЕ СЧИТАЮТ, ЧТО РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ: ЭКСПОРТ НЕФТИ И ГАЗА, «ЭКОНОМИКА ТРУБЫ» – ЭТО ЕЩЕ НЕ ЭКОНОМИКА. МАЛО КТО ЗНАЕТ, ЧТО МЫ ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧИВАЕМ СЕБЯ ПРОДУКЦИЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ЧАСТЬ ЕЕ ЭКСПОРТИРУЕМ. НЕКОТОРЫЕ ОТРАСЛИ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ЧЕРНОЙ И ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ ЗАНЯЛИ СВОЕ МЕСТО НА МИРОВОМ РЫНКЕ. ОДНАКО В СИТУАЦИИ, КОГДА ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА ПЕРЕЖИВАЕТ НЕВИДАННЫЕ СИСТЕМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ВРЕМЯ ВСЕ ЖЕ НЕ РАДОВАТЬСЯ, А ЗАДУМАТЬСЯ. ЧТО ЖЕ ТАКОЕ – РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА СЕГОДНЯ? И КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В БУДУЩЕМ? ОБ ЭТОМ ЖУРНАЛ «РУССКИЙ МИР.RU» БЕСЕДУЕТ С ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ РАН, ЗАВЕДУЮЩИМ ОТДЕЛОМ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА РАН ИГОРЕМ ПОСПЕЛОВЫМ.

– ИГОРЬ ГЕРМОГЕНОВИЧ, ЕЩЕ СО ВРЕМЕН школы и института люди, учившиеся в советское время, твердо усвоили: здоровая экономика производит все. Средства производства и продукты потребления. Корабли и самолеты, автомобили и велосипеды, пуговицы и носки. А сейчас оказалось, что это не так. Экономика может всего этого не производить – а в то же время экономическая жизнь не прекращается. Мы экспортствуем ресурсы и имеем классическую «экономику трубы». Но так как идея об экономике, которая производит все, крепко сидит у нас в головах, мы говорим и пишем, что это ущербная экономика и в современном мире мы занимаем какое-то недостойное место.

– Классическую модель экономики с полным технологическим циклом, «которая производит все» построил В.В. Леонтьев, который начинал в 20-е годы прошлого века в Госплане, потом эмигрировал в США, где успешно развивал свои идеи, пришедшие ко двору не только в СССР и фашистской Германии. Он получил Нобелевскую премию за свои работы в 1973 году, и все серьезные попытки планировать экономику базировались на его модели. Скажем, очень мощная система планирования – только не директивная, а индикативная, когда выполнения плана добивались не приказом, а всякого рода налоговыми льготами, субсидиями – системы грандиозные и весьма, видимо, эффективные существовали, например, во Франции и в Японии после войны. Но это было более шестидесяти лет назад, и за это время – а точнее, за последние тридцать лет – в мире произошли столь колоссальные изменения, что мы просто не отдаем себе в них отчета.

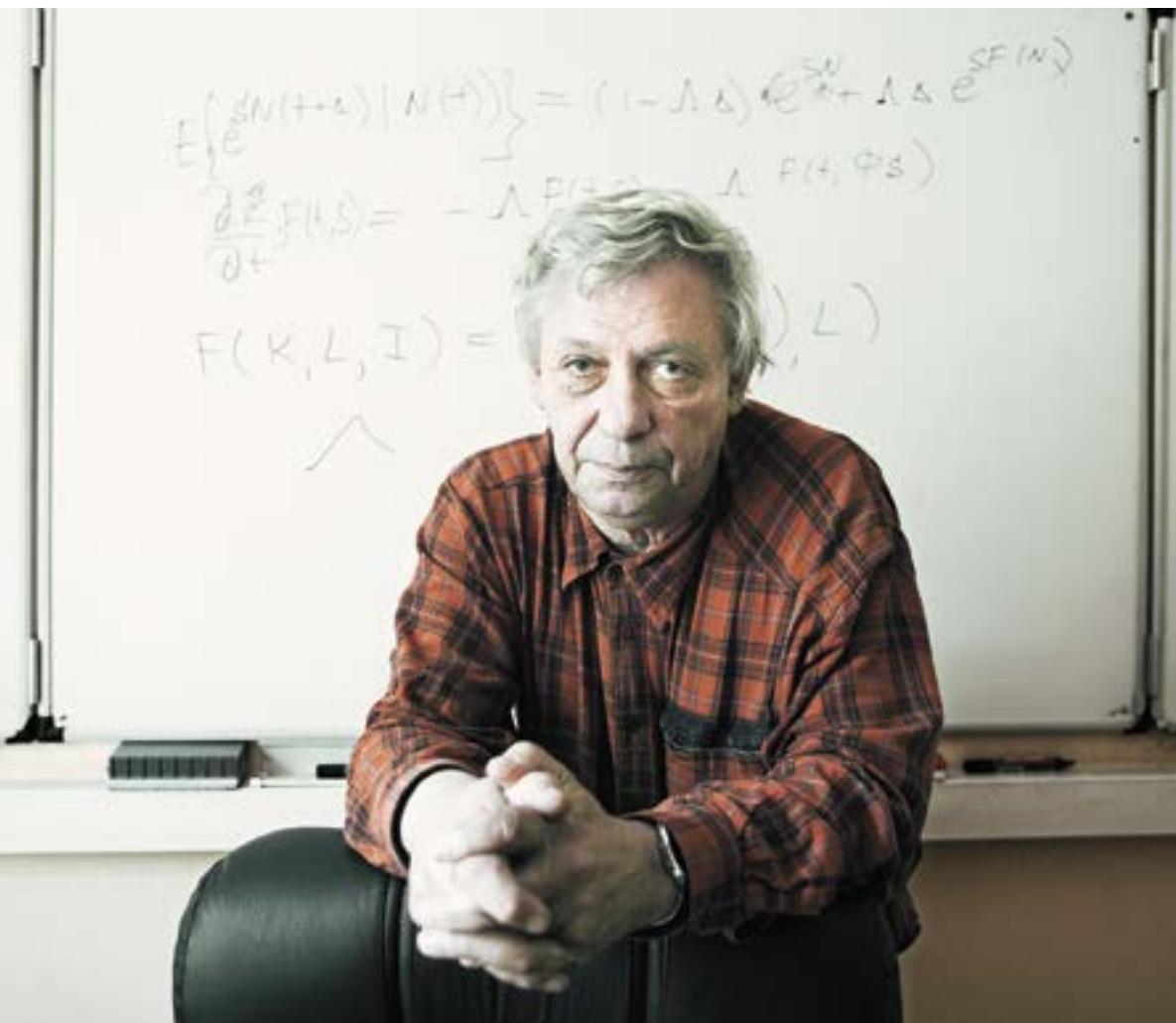
– Например?

– Ну, например, экономическая мощь современного человечества такова, что для того, чтобы прокормить все население земного шара, 7 миллиардов человек, нужно ничтожно малое число людей – 3–4

процента всего. А чтобы произвести все, что сегодня производится, нужно еще 22 процента. Поэтому сеять сегодня пшеницу в Архангельской или Костромской областях, как это (вполне оправданно) делалось в начале XX века, сейчас так же дико, как дико было в хрущевские времена сеять тут кукурузу. И так же со всем остальным. Впервые такая индустриальная мощь была продемонстрирована Америкой в годы Второй мировой войны: немцы, грубо говоря, не смогли произвести столько торпед, сколько американцы смогли произвести океанских транспортных кораблей. Они сами, весь мир был ошеломлен этим. 70-е годы: окончательно формируется «постиндустриальное» общество. Что это такое? А это вот что: производством электрических лампочек во всей Америке заняты шесть человек. Не 6 тысяч, а единиц. Громадный автоматизированный завод обслуживает шесть человек. Но десятки тысяч человек заняты доставкой этих лампочек в магазины. Это уже не производство, это – услуга. Сотни тысяч людей их продают – это тоже услуга. Услуги – это то, за что современное человечество в основном и платит сегодня. Материальная составляющая производства как бы не так уж и важна. Как сейчас говорят: «Нет проблемы построить железную дорогу, есть проблема впарить билет на поезд». То же самое касается автомобилей: перед кризисом 2008 года цены на нефть выросли в пять раз, цены на металлы выросли втройне, а цена на автомобили не изменилась.

– Из чего же тогда эта цена складывается?

– Из новых технологических решений («новинок»), дизайна, комфорта, рекламы – то есть, по сути, из виртуальных таких вещей. «Пузырей». Совсем недавно это было непредставимо. Вот почему все прежние модели экономики рушатся: они больше не отражают реального положения вещей. Например, классическая леонтьевская модель не работает потому, что в ней очень трудно учесть импорт. А импортные потоки сейчас покрывают все.

И к этому, опять же, большинство стран, исключая Америку, не было готово. Американцы – надо отдать им должное – никогда не занимались протекционизмом. Все американские президенты повторяли одно и то же утверждение и следовали ему: уважаемые американские производители, если американские потребители хотят покупать дешевые японские (теперь – китайские) тапочки, то мы вас защищать не будем, пусть они их носят, а вы учитесь делать то, что не умеют делать японцы и китайцы. Они не препятствовали конкуренции. И это надо признать. Хоть это было довольно тяжело. Они сдали японцам свою автомобильную отрасль – свою гордость. Не хотели сдавать, или, скажем так, сдали не сразу. И тем не менее, General Motors давно занимается страховками, а не производством автомобилей. А если и занимается – только не в Америке.

– Я понимаю, что сегодня бессмысленно говорить об экономике «одной отдельно взятой страны». Всякий мало-мальски серьезный разговор выведет нас к мировым проблемам, мировым связям в экономике. И все же я хотел бы вернуться к России. К началу 90-х. Когда мы вдруг «шагнули в мир» с удручающе устаревшей экономикой и огромными природными богатствами, которые были тут же прихвачены разными ушлыми ребятами. И что произошло за минувшие двадцать с лишним лет? За что, как говорится, боролись?

– В 90-е годы мы имели чистый эксперимент по выживанию, потому что вся прибыль от нефти вывозилась за рубеж арамовыми, ходоровскими и т.д. Нефтянка не платила в казну вообще ни копейки. Я сам это много раз проверял: «Газпром» платил, держал бюджет. Но этого оказалось мало, чтобы страна ожила. Может быть, такая страна, как Белоруссия, смогла бы без нефти. Но Россия не смогла. И единственное, что удалось тогда сделать правительству Путина, – это заставить-таки олигархов платить нефтяную ренту...

– Кстати, а почему не обычный подоходный налог? Разумеется, прогрессивный (чем больше получаешь, тем больше платишь)?

– Я думаю, основная причина в том, что в конце эту прибыль трудно определить. Ее успеют десять раз куда-нибудь перечислить, по-другому оформить, через кого-то провести...

– Понятно. Если уж ты разрабатываешь монопольный ресурс – изволь, плати вперед.

– Да. И сейчас отчисления в госбюджет осуществляются за счет пошлины на экспорт и за счет резко повышенной ставки налога на добычу полезных ископаемых. Специального налога, который платят только сырьевые компании. Вот. И это в конце концов принесло свои плоды: запустился внутренний цикл. Скажем, в 90-е годы импортировалось 85 процентов продовольствия. А сейчас? С 1999 года мы

вышли на самообеспечение по картошке, овощам, потом по зерну (начался экспорт), потом по курам, потом по свиньям, вообще по мясу. Тоже экспорт пошел. Хотя, казалось бы, конкурировать с Аргентиной и Данией совершенно невозможно, но тем не менее. Сильно изменилась, правда, география сельского хозяйства: сейчас основные «сельскохозяйственные» районы – это Поволжье, Юг России (Ставрополье, Краснодар), отчасти Воронежская и Курская черноземные области. Среднерусская деревня за это время умерла. Хотя у нее был шанс: животноводство и лён. Я слышал, что чеченцы, обосновавшиеся в Тверской области, вполне успешно там животноводством занимаются. Но они не пьют. А наше сельское население в этом смысле было просто разрушено... Поэтому и основной фигурой сельскохозяйственного производства даже на Юге стали не фермеры – инициативности и денег маловато у них было, чтобы сразу стартовать, – а крупные агрофирмы мирового класса. Но как бы там ни было, я подозреваю, что наше сельское хозяйство сейчас находится в наилучшем положении, чем когда бы то ни было. Разве если учитывать времена Екатерины... Но лучше, чем в XIX веке, и лучше, чем в начале XX.

– То есть никакое «нефтяное проклятие нас не коснулось» – наоборот, запустился экономический механизм... И что? Насколько мы с этим механизмом конкурентоспособны?

– Поразительно именно то, что вопреки всем заявлениям Юргенса и May нефтяная рента нас не

убила, а запустила механизм внутреннего рынка. Быстро появилась развитая сфера обслуживания (а за обслуживание – туризм, образование, лечение, коммунальное и бытовое обслуживание, автосервис и так до бесконечности – россияне платят сейчас 55 процентов своих денег). Построено более ста предприятий по сборке автомобилей. Более ста! Строительство пошло – дорого и плохо, зато разнообразно и много. Черная металлургия работает. Мы экспортируем сельхозудобрения – потому что «зеленая революция», благодаря которой человечество сегодня живет, не зная голода, – невозможна без удобрений. Никель, алюминий – все это работает. Но как работает? Мы продаем алюминий примерно по тем же ценам, что и Канада, но на аналогичном канадском заводе работает 600 человек, а у нас 6 тысяч. Заводы вроде нормальные, но все-таки у нас производительность труда раз в 10 ниже. И что с этим делать, не очень понятно. Возникает диллемма. С одной стороны, надо быть эффективнее. Хорошо, будем эффективнее, уволим 5400 человек. А чем они будут заниматься? У нас в охранниках и так совершенно бессмысленно служат около 2 миллионов мужчин самого трудоспособного возраста... Тогда, выходит, рабочие места лучше сохранить? Но сохранить – это значит законсервировать неэффективность. Что делать? Мучительнейший вопрос! Мы можем попытаться остаться на ренте, благо у нас ресурсов до черта, население небольшое. Но тогда мы начнем отставать все больше и больше

в других отраслях. Кроме того, для добычи ресурсов не так много народа и надо. И не дай бог, еще нефть-газ подешевеют. А они, скорее всего, подешевеют, потому что на самом деле проблема исчерпания ресурсов достаточно вымыщенная. Если посмотреть графики, то видно, что отношение известных запасов к добыче не падает со временем, а, скорее, растет. Во всяком случае, по нефти. Тогда мы попадаем в очень неприятную ситуацию... В этом смысле мы уязвимы.

Суть вопроса в том, что «посередке» мы не удержимся. Ничто даром не дается. Если мы хотим эффективно работать и соответственно жить, то надо понимать, что, во-первых, это требует очень большой энергии, а не просто – пару раз проявить смекалку. Упорства и энергии это требует – раз. Хорошего управления требует – два. И три – это требует соответствующих жертв. Все сохранить все равно не удастся.

– Жертва от кого?

– Структура экономики будет меняться за счет выбыивания. Если мы действительно – хотя я не вижу, честно сказать, реальных перспектив для этого, – но если мы действительно попытаемся перейти на инновационную экономику, нам придется пожертвовать неинновационной. Ее придется сдать. Как американцы сдали свое автомобилестроение. Но Америка в этом смысле

металлургия. То и дело начинается паника: век металлургии кончился, заводы работают на четверть нагрузки, заказов нет. А эти идиоты модернизировали заводы, которые никому не нужны! Продается месяц. Российская металлургия работает в четыре смены, рабочих нет, захлебываемся, откачиваемся от заказов. Что ж эти идиоты не построили заводов вдвое больше?!

Эта ситуация абсолютно типична для всего мира. Те производства, которые были абсолютно массовыми, работают рывками. Вдруг кому-то понадобились какие-то болванки, турбины, прокат, что-то в мире сломалось, лопнуло, прорвалось. Аврал, работа, спрос. Хотя в принципе почти всегда есть возможность то же самое то ли купить на Гаити, то ли продать на Таити. Совершенно колоссальные импортные потоки тут же возникают в самых неожиданных местах. Наша «экономика трубы» в этом смысле, если говорить о цифрах, выглядит нормально. У нас, как и у всех, как и у подавляющего большинства...

– Что это за экономический критерий – «как у подавляющего большинства»?

– Есть, видимо, достаточно разумный показатель – вот этот самый валовой внутренний продукт на душу населения по паритету покупательной способности (ВВП). Он рассчитывается по единой методике для всех стран, он учитывает различия уров-

«Мы, если иметь в виду все человечество, все-таки пришли к коммунизму. Причем к такому изобилию, которого ни Маркс, ни Хрущев даже вообразить себе не могли. Уровень благосостояния, который они считали достаточным для коммунистического общества, был на самом деле тем уровнем, с которого в действительности стартовала потребительская гонка конца XX – начала XXI века».

ле – уникальная страна. Американцы ввозят мозги и вывозят технологии. Вот, собственно, чем они живут с точки зрения внешних связей вообще-то. Можно говорить, что Америка ничего не производит. Как сказать? Если какая-то электронная штуковина изобретена в Америке, сделана в Китае и продана в Америке за 300 долларов, то китайцы в среднем получают за это 10 долларов. А 280 пополам делятся между тем, кто изобрел, и тем, кто продал. Способны ли мы на такое?

– Не убежден.

– Поэтому современная ситуация в экономике очень многих устраивает. Тем более что в мире (не говоря только о России) экономика работает как? Крайне неритмично. Та же черная метал-

ной жизни и структуру потребления. Единственное, чего он не учитывает, – это социальное и региональное расслоение. То есть оценка по ВВП – это, скажем так, сравнительная оценка стран со стороны внимательного туриста. Но различия в уровне жизни в разных странах могут быть колоссальные – а этого оценка по ВВП не учитывает совершенно. Скажем, один норвежский профессор мне говорил, что получает столько же, сколько уборщица в его университете. 50 тысяч крон. Это низкий уровень социального расслоения. В Норвегии он варьируется в три-четыре раза, в США – в 15, у нас – в 30, если учитывать тех, кто говорит правду о своих доходах.

– Но современные процессы в экономике эта оценка по ВВП никак не характеризует.

– Не совсем так, но не это главное. Современные процессы в экономике затрагивают незыблемость таких фундаментальных экономических законов, которые считались неизменными, как законы природы. Скажем, утверждалось совершенно категорически, что потребление энергии должно расти быстрее, чем производство. Это был общепринятый вывод на основе исторически документированных результатов. Но с середины 70-х годов рост ВВП стал значительно обгонять потребление энергии: собственно, так мы столкнулись с одним из параметров, который характеризовал переход к «постиндустриальному» обществу. И этот «фундаментальнейший» закон больше не работает. Сейчас положение еще более запутанное. За последние полвека в мире произошли глобальные изменения, которые не могли не сказаться на экономике. И сейчас нужны новые, очень сложные модели, которые характеризуют «экономику разнообразия». То, что мы привыкли считать массовыми производствами, работает, во-первых, рывками, во-вторых, по конкретным заказам, между прочим. Большие серии ушли в далекое прошлое.

– *А вот, скажем, автомобильная промышленность?*

– По заказам. Как сейчас покупается автомобиль? Берешь каталог, заказываешь марку автомобиля, выбираешь опции, лично для тебя автомобилю присваивают номер, и прямо под этим номером тебе привозят ту модель, которую ты заказал, да еще с твоими личными опциями. Правда, приходится ждать, когда ее сделают, привезут. Никаких заранее сделанных автомобилей не существует.

– *То есть вот эти потоки, конвейеры, система Форда – все это ушло?*

– Все это ушло. Там стоят роботы с перенастройкой. Они все время что-то варыируют. Со мною лично был случай: ботинки износились. Хотел купить похожие. Но чего-то похожего нет. Я поговорил и узнал, что нереально сейчас найти «ту же» модель. Сегодня, если удастся произвести и продать партию модельной обуви в 100 пар, – это успех!

– *Вот сейчас?*

– Да. Вот сейчас в Москве. 500 пар – это просто уже золотое дно, это просто чудо какое-то. Такого просто не бывает. Раз в десять лет! Нормальная продажа – это 50, 70, 100, 120 – это уже успех значительный.

– *А у вас нет ощущения, что мы со всем этим производством и потреблением зашли в какой-то глобальный тупик?*

– В более или менее богатых странах материальное потребление, конечно, практически насытилось. Дальнейший рост идет за счет взаимных по-глаживаний... Услуг, я имею в виду. И новшеств. Мы покупаем не телефон, мы покупаем новый телефон. Мы покупаем новизну и обслужива-

ние. А собственно материальное потребление, по-видимому, насытилось... Количество рост, который обеспечивало конвейерное производство, больше не нужен. И дальнейший рост будет идти именно за счет увеличения разнообразия. Будет качественный рост, а не количественный. Наращивать объемы никому уже не нужно, а вот за счет индивидуальной адаптации будет идти изобретательство. Трудно сказать, есть ли у него большие перспективы. Это вопрос тонкий. Он связан с тем, насколько это интересно, насколько это трудно. Но в принципе, я думаю, это, опять-таки, не тупик... Тупик – для количественных показателей объемов производства. Это абсолютный тупик. Они больше расти не будут. Таких рывков, которые происходили в конце XIX или в середине XX века, не будет. Мощности достигнуты колоссальные, прирост населения, который стимулировал производство, в развитых странах давно прекратился, а в развивающихся – заметно замедлился. Это одна из причин новой экономической ситуации. Мы, если иметь в виду все человечество, все-таки пришли к коммунизму. Причем к такому изобилию, которого ни Маркс, ни Хрущев даже вообразить себе не могли. Уровень благосостояния, который они считали достаточным для коммунистического общества, был на самом деле тем уровнем, с которого в действительности стартовала потребительская гонка конца XX – начала XXI века.

Просто они ошиблись раз в сто примерно. Потому что они представляли себе удовлетворение действительно насущных потребностей, которые можно по карточкам удовлетворить. Вот когда это кончилось, вот тогда началась погоня за...

- *За всем. И началась «эпоха одержимости»...*
- Да. Но сейчас и она подошла к концу. Люди жгались... И эпоха, как вы говорите, одержимости – она в основном уже в прошлом.
- *А дальше? Вот я видел у вас в кабинете книжку «Новая парадигма развития России в XXI веке». В авторах – три академика. Новая парадигма опирается на экологическую, во всем мире распространенную стратегию устойчивого развития. Устойчивое развитие требует достойного уровня жизни для всех сегодня без ущерба для потребностей будущих поколений. Вот, казалось бы, шанс для нашей страны: пока одни непроизводительно тратят деньги на вооружения, на окормление чиновников, на роскошь – приступить непосредственно к «экологическому будущему»: производить альтернативные источники энергии, солнечные батареи, строительные материалы с уникальными качествами...*

тали, что последствием либерализации цен, которая тогда предлагалась как панацея от «застоя в экономике», станет колossalное – до сотни раз – расслоение населения по доходам и последующий – от сотен до тысяч раз – рост цен на все. Тогдашие «прорабы перестройки» только посмеялись над нами, сказав, что на такой рост цен просто денег не хватит. Но денег, к сожалению, как мы знаем, хватило.

Сейчас проблема в другом: чтобы начать какие-то существенные изменения в экономике, нужна консолидация общества. Общественная солидарность. А в России главный дефицит сейчас – это дефицит солидарности и доверия.

– *Солидарность и доверие – это тоже экономические факторы?*

– Причем такие, которых нам больше всего не хватает.

– *Тогда что остается? Выбирать между «стабильностью» и «эффективным развитием», будучи заранее убежденным, что большинство выберет «стабильность», то есть застой, потому что не доверяет уже никаким оптимистическим*

«Если человек принес в мир любовь – вот тут я полностью согласен с христианством, – это уже творчество, он уже сделал что-то в мире вполне достойное. Поэтому творчество будущего состоит, возможно, в межличностных отношениях. Это бесконечно богатый мир... Вполне способный быть полигоном для очень богатых и неожиданных открытий... И не будем гадать, какую роль могла бы сыграть в этом экономика...».

– Тут проблема состоит в том, на мой взгляд, что при таких, как сейчас, бурных изменениях в мире, в социуме мы не понимаем, что наши потомки захотят завтра. Я боюсь, что если бы мы такую задачу «на перспективу» поставили в 70-е годы и стали бы ее честно решать, то, скажем, производство персональных компьютеров мы бы выкинули к чертовой матери как совершенно ненужную игрушку, ерунду какую-то. А это оказалось не просто основой новой индустрии. Компьютеры изменили образ жизни, сознание людей, язык, произвели революционные изменения в связях между людьми... Ну, что говорить...

- *Вы описываете «существующую реальность» и не занимаетесь прогнозированием?*
- Почему же, были прогнозы, и весьма удачные. Скажем, в 1990 году совместно с моим покойным учителем, академиком А.А. Петровым, мы посчи-

прогнозам? «Культурное потребление»? Мир без творчества?

– Мне все время хочется вскричать: сама история, сама эволюция мира – это и есть творческий процесс. Мир еще не сотворен! Все новое как раз проявляется в том, что вдребезги разбивает наши неразрешимые контроверзы... Новые поколения сами ответят на вопрос, что ждет нас в будущем. Какой мир они выберут. Какое творчество. И что под ним понимать.

Но, вообще говоря, если человек принес в мир любовь – вот тут я полностью согласен с христианством, – это уже творчество, он уже сделал что-то в мире вполне достойное. Поэтому творчество будущего состоит, возможно, в межличностных отношениях. Это бесконечно богатый мир... Вполне способный быть полигоном для очень богатых и неожиданных открытий... И не будем гадать, какую роль могла бы сыграть в этом экономика... ■

КАТЕГОРИЯ НЕИЗБЕЖНОСТИ ТЕКСТА

— Д

О ЭТОГО Я БАЛЕТА НЕ ЗНАЛ вообще. Я человек не хореографический. А продюсеры начали меня водить в Большой театр. Сажают в первый ряд и говорят: сиди, внимай. Я сижу и ничего не понимаю. Меня-то всегда интересует драма, а не внешнее выражение. Балет же – искусство строго внешнее. В нем драма явно на вторых, на десятых ролях. Хотя не везде... В «Жизели», например, драма... Я на «Жизели» плакал. Когда Света Лунькина бежит, и я понимаю, что – все, в последний раз, и я понимаю, что прощаться надо, что утром наступает, – я сижу и чувствую, что глаза блестели... Так вот, до своей балетной эпохи я не понимал внешней стороны искусства. К десятому походу мне начало нравиться. А теперь я только этого и хочу. Недавно разговаривал с Игорем Яцко – это мой однокурсник бывший, он сейчас руководит театром «Школа драматического искусства». Говорю: ты знаешь, Игорь, мне кажется, драматический театр должен умереть. В драматическом театре люди просто выходят на сцену и разговаривают. А в балете... Первые такты увертюры, и вдруг как снежинка влетает девушка, встала в позицию, руку подняла – и все, я уже умер

БЕСЕДОВАЛА

ЕКАТЕРИНА КОСТИКОВА

ФОТОГРАФИИ

АНТОНА БЕРКАСОВА

РОМАНЫ АНДРЕЯ ГЕЛАСИМОВА ПЕРЕВЕДЕНЫ НА 12 ЯЗЫКОВ. ЕГО «СТЕПНЫЕ БОГИ» СТАЛИ «НАЦИОНАЛЬНЫМ БЕСТСЕЛЛЕРОМ». В 2005-М ГЕЛАСИМОВ БЫЛ ПРИЗНАН САМЫМ ПОПУЛЯРНЫМ РОССИЙСКИМ ПИСАТЕЛЕМ ВО ФРАНЦИИ, ОБОЙДЯ УЛИЦКУЮ И АКУНИНА. ПОСЛЕДНИЕ ПОЛТОРА ГОДА АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ РАБОТАЛ НАД СЦЕНАРИЕМ О РУССКОМ БАЛЕТЕ XX ВЕКА: ПИСАЛ О МАТИЛЬДЕ КШЕСИНСКОЙ ИСТОРИЮ ПОД РАБОЧИМ НАЗВАНИЕМ «МАТИЛЬДА», КОТОРУЮ БУДЕТ СНИМАТЬ АЛЕКСЕЙ УЧИТЕЛЬ.

от счастья. Сейчас для меня существует только такой театр. И я считаю, в нашем фильме с Учителем должно быть много балета. Я вчера смотрел «Ромовый дневник» с Джонни Деппом. Там есть эпизод с бойцовыми петухами. Они взлетают, музыка красивая латиноамериканская, и вдруг эти петухи – в рапиде... Я Надю, жену, tolкаю и говорю: Надя, вот так надо балет снимать! Нужно, чтобы Учитель посмотрел бой петухов! Вот так голова балерины поворачивается, и вот так вдруг она – фух! – раскрывается и летит, и мы в рапиде летим за ней... Для Учителя это не первый опыт, он уже снимал про балет – «Манио Жизели». Но там нет хореографии. Я говорю: «Алексей Ефимович, как же так? Нет танцев!» А он: «Меня интересовала история сумасшествия этой балерины»... Но сейчас я просто даже настаивать буду, что должно быть очень много балета. Хотя решать режиссеру, конечно.

– *Интересный переход. Насколько я понимаю, все, что вы писали раньше, оно очень такое... мужское, а тут – балет, пачки, бриллианты...*

– Цари, великие князья, революция, Гражданская война, бегство в Париж... И триумф там еще потом. Такая золоченая дворцовая история...

– *С чего вдруг такая перемена?*

– Мне просто предложение сделали. Появились продюсеры, сказали: хочешь такую историю? А для меня это действительно новое плавание. Мне стало любопытно. Думаю, продюсеры рисковали, предлагая мне такую тему. Хотя, возможно, они считали, что я, со своей прозой, со своими взглядами, со своими диалогами, смогу привнести в балет, в это очень оформленное искусство, которое существует в строгих рамках, современную, живую жизнь.

– *Герои ваших романов в основном очень молодые люди...*

– Да. Я начинал писать, когда еще помнил свои подростковые опыты. Мне было тридцать. А потом дети начали подрастать, и я за ними наблюдал. Это совершенно другое поколение, и во многом они были моими учителями – мои дети. С возрастом возникает интерфейс компромисса: тебе нужно добиваться успеха, надо какое-то пространство отвоевать, должны поступать какие-то ресурсы и так далее. И с детским максимализмом приходится прощаться. Приходится тупо слушать продюсера. Продюсер говорит: я хочу так. И ты делаешь, как ему нравится. А у мальчишек иначе. У сына, например, с педагогом конфликт в университете. И Борька мой говорит: «Она не права». Я говорю: «Это да, но власть у нее. Если ты не получишь зачет, тебя выгонят, и ты пойдешь в армию». Боря походил-походил, через неделю приходит и говорит: «Я сходил в военкомат и взял повестку. И идет она лесом, педагог этот!» Ушел в армию с третьего курса. Жена рыдала. Но как я могу вмешиваться? Парень так решил... Это ведь поступок на всю жизнь. Он моего парня отстраивает в его дальнейшем течении.

чении. Я подумал: кровь в нем казацкая бежит, крепкая, что я буду сейчас вмешиваться?

...Мои предки, забайкальские казаки, искали прежде всего личной свободы, уходили от помещиков, расширяя свое личное пространство. Казаки искали свободы для себя и при этом расширяли, увеличивали страну, для того чтобы мы сейчас не испытывали того, что испытывает Европа, всех этих диких кризисов. Я сейчас читаю книгу Дельбрюка «История военного искусства». Он пишет, что в Риме уже в III веке были исчерпаны золотые рудники. Все. Не было золота. И монеты стали делать из сплавов. Я думаю: ничего себе! А у нас-то сколько?! У нас – вся Якутия, Бодайбо... Когда я об этом думаю, говорю своим предкам-казакам: спасибо, дедуля. Прямо так и говорю.

Мой дед-казак умер в 82 года. Сам. Сказал: надоело. Лег и умер. Он воевал, был председателем колхоза, поднимал целинные земли в Забайкалье... А потом, в 82, просто сказал: надоело. Понимаете? Когда такая кровь, я не могу своему парню ничего сказать.

– *Вы сами в армии служили?*

– Нет, не получилось из-за перелома позвоночника. Я уже призывался, попросился в Афганистан... Написал заявление: прошу взять меня в ограниченный контингент интернациональных войск. Я был мальчик, пронизанный советской идеологией, хотел выполнить свой интернациональный долг. Мне отказали. Записали в пограничные войска. Я отстригся наголо, собрался в армию. Устроили проводы, напились сильно. Я шел с этих проводов домой, проходил мимо дома своей школьной подружки. И думаю: а дай-ка я с ней попрощаюсь! Она жила на третьем этаже. В Якутске дома на сваях, тамошний третий – это как здесь четвертый. Я полез по балконам, добрался до третьего этажа, а дальше надо было от балкона дойти до ее окна. Там приступочек такой узкий... Я носок поставил туда, одной рукой еще держусь за балкон, другой взялся за ее подоконник. И вот когда вторую руку-то отпустил – вниз и полетел. Это я уже вспомнил только через месяц в больнице, после того как мне операцию сделали. Потом пришло воспоминание о разжимающихся перчатках. И я проснулся от ужаса... Я в «Жажде» описал все свои больничные ужасы. Потом я еще год ходил в корсете, стоя учился, стоя возле туалета в самолетах летал. Мне говорят: садитесь, а я говорю, мне нельзя. Как рыцарь в доспехах.

А потом я женился на девочке, к которой тогда по балконам лез. Я когда лез, не думал, что это моя судьба, никакого романа у нас на тот момент не было. Роман случился потом, и тут уже, мне кажется, нас судьба соединила. По мне – браки заключаются на небесах. Бывает так, что это какая-то неизбежность. Такая категория неизбежности... Это бывает и с текстами. Я для себя определил так: книга должна быть написана, только если возникает категория неизбежности текста. То есть этот текст неизбежно должен быть написан – как в случае с «Войной и

миром», с «Анной Карениной». Без него человечеству будет хуже. Если нет этой неизбежности – лучше не пиши. Поэтому я многие тексты свои не пишу. Я подхожу к ним, а потом говорю: человечество явно проживет без этой истории. И оно проживает... Мне кажется, с людьми так же. Есть категория неизбежности человека в твоей жизни. Какого-то конкретного человека. Вот с этим конкретным взглядом, с этой конкретной улыбкой, смехом... Без этого человека жизнь пойдет по-другому, хуже, не так, как ты хотел. И вопрос только в твоей внимательности. Насколько ты вдруг – в движении, в улыбке, в том, как человек курит, – понимаешь: я без этого человека не могу. У меня так получилось. Я понял, что все остальное – это чужие сюжеты.

– Поворачивать в тридцать с преподавателя на писателя, все бросать – не страшно было?

– Было весело. Это был реальный и очень важный бунт. Потому что я понял: можно одну жизнь прожить, а можно несколько. А дальше – выбирай сам, как ты хочешь, одну жизнь или разные. Я подумал: разные интереснее. Уволился из университета, ушел с места заведующего кафедрой, хотя там нормально все было. Еще через пять-семь лет стал бы я деканом, сейчас был бы профессором... Но я понял, что не хочу.

– У вас тогда уже дети были?

– Да, трое. Когда я уволился из университета, мы перебрались в Москву. Мы жили в Якутске, прода-

досталось? Ну кафедра, ну студенты, бесконечные дипломники ходят, девочки волоокие, – я им про Оскара Уайльда, а у них вот такие вот глаза... И ничего не меняется – год, два, пять лет... И ты начинаешь задыхаться. А когда осталось 80 долларов и гроза в окне – оказывается, впереди длинная дорога. Возникает перспектива, и ты говоришь: ну, я пошел. Рюкзачок на спину и двигаешься. Это было, я думаю, самое умное, что я сделал в своей жизни. Хотя все сказали: «Ты – дурак. Как это можно – бросить карьеру?»... Но – нет. Это было мое самое умное решение.

Сейчас я нахожусь примерно в той же ситуации, что тогда. Мне скучно. Возник некий формат. Ты снова куда-то прилетишь, выйдешь из аэропорта, тебя встретит человек с табличкой, на которой написано «Месье Геласимов». Тебя привезут в дорогую гостиницу, вы вечером будете сидеть с издателем в дорогом парижском ресторане, такие почтенные господа. Будете выпивать, в девять утра разбудит телефон, портье скажет: «Господин Геласимов, вас ждет фотограф и машина, чтобы отвезти на салон». Вы поедете, сядете на круглом столе с Акуниным и Прилепиным, расскажете, как в Москве прошли митинги на Болотной... Придет – ну, я не знаю – 200 человек, будут сидеть, будут в конце аплодировать. А ты смотришь на это все и понимаешь: так уже было, так уже будет...

Когда возникает формат, возникает некое законочение. Нет ощущения жажды. А оно должно быть всегда. Не должен быть сосуд наполнен. За-

«Пытаться шокировать читателя, удивить темой – глупо, это не работает. И тогда возникает только одна категория, которая остается у писателя, – интонация. Вот здесь определяется писатель. Интонация, дыхание».

ли там квартиру и купили в Подмосковье небольшое жилье, у нас осталось 80 долларов. Я посчитал деньги и Наде говорю: вот, все, что есть. Мы пошли, купили бутылку какого-то вина, открыли окно, сели на подоконнике. Гроза была дикая, то-поля освещаются, ливень льет, я пью это вино из горлышка, мне за тридцать, я понимаю, что ничего нет, и от этого – колоссальное ощущение свободы. Можно все начать с нуля. Ты обнуляешься, ты обновляешься абсолютно. Кровь становится новой, свежей, приходит масса новых идей... Я бы вообще советовал всем это делать. На тот момент у меня был серьезный кризис. На Западе говорят: кризис среднего возраста после сорока... У меня он в тридцать случился. Я поставил под сомнение ценности, которые у меня были. Я смотрел на свою жизнь и думал: это все? Все, что мне

дacha, наверное, в том, чтобы мы все время ходили куда-то на ручей и все время приносили воды. Потому что, если у тебя в доме все сосуды наполнены, видимо, надо, как мой дед, лечь и сказать: все, идите, надоело.

Раньше успех работал как манок. Пока человек молодой, успех работает как мотивация. Мужчины важно добиться успеха – это такой мужской комплекс, мачизм. Доказать, что я могу. Пока ты себе это доказываешь – это колоссально двигает вперед. Но когда ты уже знаешь: я могу... И что дальше? Тут остается молиться, видимо.

– Вы верующий человек?

– Да, очень. Но не воцерковленный. Я сам по себе. Я нечасто причащаюсь, не очень соблюдаю ритуалы, не держу посты, не хожу в церковь. Но я

все время молюсь. Не то чтобы громко. Бубню тихонечко. Ну, детская такая история. Наверное, это у меня комплекс... Как сказать... Нехватки отца. Отец был военный, он был очень строгий человек, такой суровый, подполковник. Мало проводил со мной времени и рано погиб. Наверное, когда я молюсь, я ищу фигуру отца. Нужен кто-то, большой, сильный, добрый, тот, кто тебя защитит. Это же очень умное чувство, когда ты просишь помочь, и – раз! – в сердце как-то спокойней становится, и ты думаешь: я не один, кто-то обо мне заботится. Мне важно это ощущение заботы, потому что очень рано пришлось заботиться о себе самому. Я женился в 18 лет, параллельно учился, работал. Дети как-то быстро начали рождаться. Приходилось очень много давать частных уроков, бегать, деньги зарабатывать. А время было тяжелое – 90-е годы. Я сразу взвалил на себя очень много ответственостей не подростковых. Поэтому я для своих сыновей стараюсь быть той фигурой, которой у меня не было. Я сижу у себя в комнате, сын – в соседней, домашнее задание делает, и для меня очень важно, когда из соседней комнаты раздается голос: «Па, слушай, а вот этот глагол как спрягается? Английский». И я говорю: он спрягается так-то...

Для меня ощущение Бога, моей внутренней религиозности состоит в том, что я себя ощущаю как ребенок, который сидит в детской, дверь

входная далеко, а между детской и входной дверью есть еще комната, где сидят родители. Они сидят и смотрят телевизор. А я у себя, со своими игрушками. Но я знаю, что никто чужой не попадет ко мне, минуя их. И мне в детской очень безопасно и уютно. Моя религиозность вот в этом состоит.

– И всегда есть у кого спросить, как спрягать английский глагол?

– Да. Они помогут, подскажут, решат. Когда мне надо будет, я крикну, и мне что-то дадут. Такое ощущение. Оно наивное, детское, но мне здорово помогает. Есть набор молитв, которые я знаю, я их проговариваю, но часто я вступаю в такой диалог сумасшедшего, как в фильме «Рассекая волны». Вот у меня примерно такие диалоги и происходят. И это дает очень много сил и уверенность. Прежде всего мысль о том, что я умру, что жизнь конечна. Сразу, как только ты говоришь: все кончается, это не важно, а важно – не пойти на компромисс, например... Знаете, что те же древние римские моряки писали на кораблях? У них на носу была вырезана надпись: «Плавать по морю необходимо, сохранять жизнь не так необходимо». Понимаете? Необходимо плавать, потому что это помогает торговле, поддерживает жизнь и так далее, а держаться за собственную жизнь – не так необходимо. И это, конечно, тоже ресурс свободы

ды, согласитесь. Поэтому я горжусь, что Борька принял такое решение.

Когда я молюсь, я прошу сил, чтобы избавиться от страхов. Говорю: дай мне сил увидеть, что это не страшно, что это меня просто что-то пугает, что на самом деле оно не имеет большого значения. Страх выпасть из обоймы, страх, что тебя забудут, страх не понравиться читателю, издателю, продюсеру. Вот эти страхи нас, конечно, корректируют в жизни. И в этот момент нужно отодвинуться и спросить: это действительно важно? Ты точно этого хочешь? Ты кто вообще? И надо вспомнить, кто ты, вспомнить, что ты здесь ненадолго и отпущенное тебе время надо провести с удовольствием, с пользой и с достоинством.

И знаете что? Господь очень добр, и когда ты поднял голову и говоришь: «Кажется, я хочу»... Тут же – раз! – кто-то появляется и говорит: «Кофе, сэр». И ты говоришь: «О! Точно! Кофе я хочу!» Когда у меня случился кризис среднего возраста, так и произошло. Это было в Йоркшире. Я там жил полгода, преподавал. Я как всегда, помню, перед сном молился... Обычно я благодарю. А если прошу, то только спокойствия, чтоб меня избавило от соблазнов или силы придало. Но в тот раз я просил света. Я чувствовал, что заблудился. Это было еще в мою университетскую эпоху, этот формат жизни уже начал меня тяготить, я не понимал, что делать... Вроде преподаю,

платят хорошие деньги, все нормально, но я чувствую: что-то не то, как-то не так. И вот, я помню, вечер. У меня в спальне большое окно. Знаете, такие переплетчатые британские окошки – маленькие, но их много, и окно – во всю стену. Я жил на окраине небольшой деревушки, и за окном у меня – пастбище, а за ним лес начинается. Такие йоркширские поля, как в «Грозовом перевале». И ничего: ни огонька, ни света в той стороне нет. Темно абсолютно. От горизонта до горизонта все небо черное – полночь. Я стою у окна и начинаю свой разговор: позаборься о моих детях, все такое, и мне как-то помога. Я, говорю, заблудился, темно очень, Господи, дай света. И вдруг все это черное небо освещается белым. Все небо. Я в этот момент испытываю дикий ужас. Я понимаю, что услышан, что я не одинок на этом мосту, что на том конце адресат есть, и он говорит: я тебя слышу. Света хочешь? На! ...Не знаю, может, это где-то зарница ударила, может, где-то далеко гроза была. Может, дискотека какая-то была где-то за лесом. Но я просил света – и небо вспыхнуло. Просил? Получи! А буквально через год после этого я изменил свою жизнь.

– *Что вы читаете? Наше, зарубежное, современное, классику?*

– Наше, в основном классику. Как-то так получилось, что начинаешь читать современных авторов... Ну, коллег, друзей... Мишу Шишкина, Захара Прилепи-

на, Люсю Улицкую... Но все время берешь с полки другую книгу. Из иностранного мне вот Фоер понравился – молодой американский писатель. Сильное влияние на меня оказал Исаак Башевис Зингер. Роман «Шоша». Мне он просто снес башку конкретно. Думаю, я во многом под его влиянием написал «Жажду». Она поэтому такая эмоциональная. Но, вообще, я уже мало от чего получаю удовольствие в литературе. А вот кино смотрю с удовольствием, очень нравится скандинавское. Норвежские фильмы потрясающие есть. Та же «Девушка с татуировкой дракона». Не американский вариант с Дэниелом Крейгом, а норвежский. От этих же продюсеров «Охотники за головами». Очень нравится Аки Каурисмы – финский кинорежиссер. Просто лучший. С удовольствием смотрю Жака Одиара – «Мое сердце биться перестало», «Пророк»... Роберт Редфорд иногда показывает хорошее кино на своем фестивале «Сандэнс». Из последнего, что я смотрел, – потрясающее кино «Замерзшая река». Там такие мощные истории, персонажи. Причем очень малобюджетное кино, но это такие живые люди... Такое шершавое, живое кино... И если бы такая была литература, если бы писались такие истории, я бы просто был в восторге. Это та жизненная плоть, которой я бы хотел, – не стилистических поисков и не политических каких-то там манифестов... У нас в российском пространстве такого пока нет. Может быть, потому что все как-то увлечены самопрдвижением, что ли. Сидит писатель у Бермана и Жандарева и с гордостью заявляет: а вы знаете, меня Путин с Медведевым читают. А я вот тут с Водяновой сфотографи-

зал однажды в издательстве: Андрей, ваши тексты не в дискурсе. Я говорю: но это же ужасно, если писатель будет в дискурсе! У вас уже совсем крыша поехала?! Я понимаю, что вам надо книги продавать, но если писатель окажется в дискурсе, то это не писатель. Вы представляете себе, как бы стал думать Фолкнер: в дискурсе я или нет? Это же чепуха! Он должен писать про то, как самогон люди варят, как убивают друг друга и так далее. А дискурс его – это маленькая деревня в окресте Джефферсон, штат Миссисипи. И все. Вот и весь дискурс. Но он про это пишет и создает великое произведение...

Я понимаю, что никогда в жизни не напишу как Достоевский или как Толстой. Этих величин достичь невозможно. Так же как, скажем, существует в хореографии современный Начо Дуато, который делает свои замечательные мини-шедевры. Он никогда не будет Петипа. Ну и что? Они играют на разном поле. И не думаю, что Начо Дуато от этого страдает.

Сейчас появляется много молодых писателей, которые пытаются пройти на экзальтации читателя, эпатировать обнаженкой или какими-то странными перверсиями. Но это все уже было. Можно открыть Апулея, «Золотого осла», и вы увидите, что эротика была такая, что мама не горюй. Или, я не знаю, «Сатирикон» Петрония. Пытаться шокировать читателя, удивить темой – глупо, это не работает. И тогда возникает только одна категория, которая остается у писателя, – интонация. Вот здесь определяется писатель. Интонация, дыхание. Если ты это нашупал, то у тебя все в порядке, и дальше уже не важно, эпатируешь, шокируешь, развлека-

«Тема придет. Она не важна абсолютно. Она может быть про соседа, про солдата, про войну, про любовь – не важно. Главное – голос. А дальше – умеете вы складывать композицию, как вы существуете в языке, в ритме, каков у вас синтаксис – это уже вторичные вопросы».

ровался – мы с ней были на вечеринке... А я думаю: блин, ну ты писатель, ну нашел чем гордиться! С Водяновой сфотографировался. Ну молодец. Вон сколько ее плакатов. Встань рядом и сфотографируйся. А потом, «меня Путин и Медведев читают» – ну что, такие литературно продвинутые люди, что ли? Авторитеты в литературе? Если бы он пришел и сказал... Ну, я не знаю... Майкл Ондаатре, тот, что «Английского пациента» написал, прочитал мою книгу, или Корнек Маккарти тащится, тогда бы я сказал: это круто, ты молодец! А Путин и Медведев – люди другой профессии. И писателю интересоваться этими плоскостями, мне кажется, суетливо. Но у нас считается, что надо быть в тренде. Или как мне мой редактор ска-

ешь, смешишь. Важно, что ты услышал свой голос и у тебя есть возможность пропеть какую-то ноту. Вот это и нужно, собственно говоря: тратить все силы, чтобы услышать только свой голос.

Тема придет. Она не важна абсолютно. Она может быть про соседа, про солдата, про войну, про любовь – не важно. Главное – голос. А дальше – умеете вы складывать композицию, как вы существуете в языке, в ритме, каков у вас синтаксис – это уже вторичные вопросы. Они касаются только техники. Главное – голос. Поскольку мне кажется, что я иногда слышу свой голос, узнаю свои интонации, то я, в общем, ощущаю себя довольно гармонично в этом смысле.

В СОПРОВОЖДЕНИИ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ОТЕЦ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА БЫЛ КУПЕЦ, И МАТЬ, МАРИЯ НАЙДЕНОВА, ТОЖЕ РОДОМ БЫЛА ИЗ КУПЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ. ДЯДЯ ЕЕ МНОГО ЛЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОВАЛ В МОСКОВСКОМ БИРЖЕВОМ КОМИТЕТЕ, ОСНОВАЛ ЕГО БИБЛИОТЕКУ – ВООБЩЕ БЫЛ ОДНИМ ИЗ ТЕХ ПРОСВЕЩЕННЫХ КУПЦОВ, КОМУ МНОГИМ ОБЯЗАНА РУССКАЯ КУЛЬТУРА.

МАША НАЙДЕНОВА, как подобает девушке из культурной семьи, занималась поисками себя и своего предназначения, состояла в кружке нигилистов, была страшно влюблена. И на зло любимому, из мести, вышла замуж за галантнейшего Ремизова, родила ему пятерых сыновей, а потом без объяснения причин забрала детей, ушла от него и потребовала развода. Отец Ремизова, человек глубоко порядочный, недоумевал, пытался добиться объяснения, понимания, руководства какого-нибудь... Вернул братьям бывшей жены ее приданое и, кажется, так никогда и не понял, что и почему она сделала с ним, с собой, с детьми. Братья, красильщики, поселили сестру с детьми на территории фабрики, в одном из корпусов, там и прошло детство будущего писателя. Биограф Ремизова Наталья Резникова рассказывала, что мать писателя, поглощенная собственными страданиями, запиралась в комнате и целыми днями читала и пила, не обращая внимания на детей, иногда страшно кричала; постепенно сходила с ума. Братья прибрали

Алексей
Михайлович
Ремизов
(1877–1957).
Начало XX века

ее приданое к рукам, а потом, когда умер отец младших Ремизовых, та же судьба постигла и их наследство. Так что в юности Ремизов довольно сильно нуждался.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Детство его было особенное – купеческая среда совершенно по Островскому: жадная, богатая, умеющая считать деньги; среда, где говорили старым, сдобным московским языком – Ремизов просто и естественно говорил им, как мать, нянюшка, кормилица, рабочие фабрики. В этой среде просто и естественно умели петь знаменным распевом по крюкам, читали дома вслух старые Четыи-Минеи, где мученик Меркурий шел, держа в руках свою отрубленную голову, и «любезно лобызал ее»; где бытовали страшные сказки и чудесные истории; где сказочные чудища какой-нибудь старинной «Александрии» или «Шестоднева» были живой частью жизни – все эти мравольцы или люди с песьими головами. Был дядин круг – историки, археологи, профессора, искусствоведы; а были цыганки, богомолки, староверки; была тетушка-хлыстовка; тут тебе и жизнь как она есть, и осмысление ее, умственное постижение.

Мальчик Алеша, некрасивый, странный, большеголовый, с носом «чайником», с малолетства был влюблена в красоту мира вокруг: в его цвета, звуки, краски, очертания. Он везде находил сказку и тайну – замирал от счастья, вглядываясь в квадратики лоскунного покрывала, слушая колокольный звон ближайших и отдаленных церквей, разглядывая тонкие рисунки на обоях... Он любил окружающие его вещи, и они отвечали ему взаимностью: во всякой находилась поэзия и волшебство: ходил, стучал по стенам стальной кочергой и вслушивался в ее звон... Он рано полюбил каллиграфию и довольно скоро стал изображать удивительно интересные буквицы; любовь его к старинным шрифтам, к уставу, полууставу и неразборчивой скорописи древних рукописей осталась в нем навсегда и укрепилась еще, когда он вместе с женой, палеографом Серафимой Ремизовой-Довгелло, разбирал старинные книги.

ДЕРЕВЬЯ ШЕЛЕСТЯТ ПЕСНЯМИ

Частью души он, наверное, на-всегда остался в детстве – ста-ринном, полухристианском-по-луязыческом, полном наивной поэзии, тайны и повседневных, почти бытовых чудес. Он жил в этих чудесах естественно – сказочник он был прирожденный, невыдуманный, сказочные об-разы сами складывались у него легко – легче дыхания. В одном из писем к Наталье Кодрянской, которую он называл своей вну-ч

кой и которая издала его пись-ма целим томом, он начал вдруг перечислять такие сказочные об-разы, которые он старатель-но отыскивает: «кусающиеся двери; двери с зубами; дождь из горного хрустали (если все-го замочить, человек полетит); «волшебный песок» из кварца. Дочь солнца замотала свои ало-шелковые волосы на серебря-ный кол, расчесывает золотым гребнем. Идти не по звездам, а в сопровождении утренней звезды (зеленый сокол). Дере-

вья под ветром шелестят песня-ми. Уточка – золотой хвостик». Каждый образ – тугу свернутая сказка, а он сыплет ими щедро, с кажущейся легкостью, даже расточительностью. Сказочни-кам непременно надо читать Ремизова: он поразительно рас-ширяет горизонты возможного, позволяя не циклиться на зна-комых образах афанасьевского собрания, у него сказкой дышит каждая строчка.

Может быть, все дело в его уни-кальном зрении, его «подстри-женных глазах» – так называ-ется его поздняя книга прозы, посвященная детским впечат-лениям. Там он рассказывает о счастливом, богатом, красочном предметном мире, окружавшем его с детства; о том, как предме-ты жили своей жизнью, обнару-живая свою тайную сущность; как на его детских рисунках с натуры вылезало «испредмет-ное» – загадочные чудовища, таинственные существа, приво-дившие в отчаяние и недоуме-ние его учителей рисования.

Мир предстает его глазам уди-вительным единством звука и краски, пятен, плоскостей, образов; из него выплывали чудесные мелкие детали вроде морозных узоров на стекле; тайну этого зрения открыл учи-тель географии, когда Ремизову было 13 лет. Тогда он провалил задание у доски, ткнув указкой в карту невпопад; учитель за-подозрил, что мальчик плохо видит, а доктор нашел 11 диоп-трий – странно, как при этом он ухитрялся заниматься калли-графией, что-то рисовать, как-то учиться... Взгляд на мир через подобранные очки, писал он в «Подстриженных глазах», при-вел к шоку: мир оказался скуч-но-подробным и мелочным, полным пошлых деталей, и к нему пришлось долго привы-кать. Волшебство будто изъяли из его мира, но он уже был сам себе волшебник.

Михаил Алексеевич
Ремизов, отец писателя.
1870-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Александровна Ремизова
(урожденная Найденова),
мать писателя. 1870-е годы

Вид Яузы
с Высокояузского
моста в сторону
Андроникова
монастыря.
Слева – берег,
где в доме
Найденовых
проводил детство
и юность Алексей
Ремизов.
Лист из альбома
«Москва. Виды
некоторых
городских
местностей,
храмов,
примечательных
зданий и других
сооружений»,
изданного дядей
А.М. Ремизова
Н.А. Найденовым.
1888 год

КОЛПАЧКИ ЗАДОМ НАПЕРЕД
Друзья и знакомые, скорее, признавали его родство с раз-нообразными «чудовищами»,

полулюдьми, полунечистью из русских сказок – не то леший, не то домовой, не то и вовсе кикимора; что-то такое скорченное, съеженное, хитроватое – не то одарит золотом, не то окончательно погубит. Блок таким и запечатлел его в своих стихах, в «Пузырях земли», болотным чертеным:

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.

Тише вод и ниже трав –
Захудалый черт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.

За плечами – вдалеке –
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, –
Нежить, немочь вод.

Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Да и сам он, обращает внимание читателя Андрей Синявский в своей статье о Ремизове, изображает себя, больного, не поблоковски – падшим ангелом, а травмированной лягушкой: «Я лежу на земле, обтянутый сырой перепонкой, и не разбитое крыло, прячу я за спиной мою переломанную лягушиную лапку». Ремизов в своей автобиографической прозе часто говорит о своих «безобразиях» – каких-то шутках, выходках, иногда глупых, иногда удачных, никогда не скучных. Правда, если кто пострадал от его «безобразия» – он жалел и раскаивался, как тогда, когда постриг под пуделя дворовую собачку Шавку, а она стала мерзнуть, лишившись шубки. Болотный, странный, двоящийся, путающий следы – таким он вошел в русскую литературу по гоголевскому следу, с Гофманом под мышкой, мистификатор и жизнетворец. Но пошел своей дорогой, и был на этой дороге мало ком понят. Удивительно, что вышедшая после первых, мрачных и реалистических, его повестей насквозь светлая и волшебная «Посолонь» была так плохо принята окружающими, которые решили, что это вообще не по-русски. Академик Шахматов, впечатленный красотой и свежестью книги, выдвинул ее на Пушкинскую премию, но пре-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Едет-едет
царевич, едет
да пощупает:
тут ли она?»
Иллюстрация
А.М. Ремизова
к книге
«Посолонь»

мии Ремизову не дали: великий князь Константин Романов, он же поэт К.Р., решил, что написано не по-русски. Ремизов публиковал свои сказки в модернистских журналах – и те брали их неохотно, упирались, просили убрать областные словечки, «Кота Котофеича» в «Золотом руне» не захотели брать потому, что у них тексты выходили сразу с переводом на французский, а «Кота» оказалось трудно переводить. И в самом деле: «А Коза всех перебодала, да и опять в лес за кленовым листочком, только Козу и видели. А Чучела-чумичела чуть было Котофеи Котофеич не съел: такая у Чучела соблазнительная мышиная мордочка выросла!» А ему самому, с его густым, совершенно аутентичным московским языком вымученные, головные петербургские литераторы, стилизаторы казались нерусскими, и ненастоящим – стиль рюсс, и Билибин, образец, на наш сегодняшний взгляд, иллюстратора русской сказки, – тоже ненастоящим. Потому что Ремизов был из тех, которые не только помнят, но и гениальным своим художническим чутьем знают, как оно – правильно, где оно – настоящее, русское, подлинное до каждой буковки.

КРЫЛЬЯ МОИ БЕЛЫЕ

Возвращаясь назад, в детство: мало радости было в его жизни – кроме вот этой тайной радости растворенного в мире волшебства. О детстве и юности он написал жестокий и страшный роман «Пруд» – по количеству свинцовых мерзостей сравнимый, может быть, с горьковским «Детством», но ледяной и жуткий в своем безвыходном отчаянии. В этом романе появился в первый раз сквозной образ крысы, которую казнят, поливая кипятком – а крыса плачет, кричит и умывается лапкой. Ошпаренная крыса, прибитая собачка Розик со сломанной лапкой, которая лежит и молча плачет, – Ремизов умеет надорвать читателю сердце и даже не слезу вышибить, а вопль ужаса и отчаяния. Ползет, ползет по миру страшная змея Скарапея о двенадцати головах: пухотных, рвотных, блевотных, тошнотных, волдырных... Мир его юности ужасен: в нем нет радости, нет даже Воскресения в Пасху: недаром именно в пасхальную ночь вешается спившаяся Варенька, мать главного героя. А в finale – дьявол тоскует в своем царстве, Матерь Божия плачет над бессмысленно мучающими друг друга людьми:

«Прости им» – и Христос висит на кресте... И вроде бы его воспитывали в вере – он жил в монастырях, читал церковные книги, ходил в паломничества, – но веру надломили ужас и тоска; какое-то примирение нашел он в религии сострадания; его лучшие герои – кроткие страдальцы и мученики, возносящие из тошной жизненной каши хрустальные, чистые молитвы. «Крылья мои белые, тяжелые, вы в слипшихся комках кровавой грязи». «Моя душа, обжигаясь, плачет тяжелыми слезами», – написал он однажды; вот эти вскипающие, набухающие в душе слезы – совершенно неотъемлемое ремизовское; без них нет и его повестей.

И не только купеческая Москва у него страшна, но и Петербург доходных домов – гоголевский, некрасовский, достоевский, мучающий маленького человека; страшна вообще жизнь – это, пожалуй, не с Достоевским его уже сближает, а с Сологубом – с его недотыкомкой, с его «бабицкой румянной» – жизнью...

В общем-то немудрено, что от такой жизни юноша решил стать революционером. Времена были переломные, Россия в конце XIX века закипала, социал-демократические идеалы казались близкими и понятными. Ремизов уже поступил вольнослушателем на математический факультет Московского университета, но не доучился: за участие в студенческих волнениях был арестован, судим и выслан из Москвы на Север на шесть лет. Жил в Пензе, в Вологде, в Усть-Сысольске, там написал свой «Пруд», там же встретил Серафиму Довгелло, любовь на всю жизнь. Оба они отошли от революции: литература была интересней. Из ссылки он приехал в Петербург в 1905 году, получив разрешение жить в столицах, и занимался с тех пор уже только литературой, а не революцией. Впрочем, литература довольно долго его не кормила, друзья пытались устроить его на службу – и он чем только не занимался: участвовал в переписи петербургских собак, хотя их бо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Серафима
Павловна
Ремизова-
Довгелло.
1926 год

А.М. Ремизов.
Фотография
Е. Хоршева.
Пенза. 1900 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ялся, вел какую-то статистику по грудным младенцам... Впрочем, в глазах друзей и эти странные занятия ему шли: казалось, и со зверями, и с бессловесными младенцами он умеет говорить на их языке. В 1904 году родилась его дочь Наташа. Прозрачная, нежнейшая «Посолонь» рождена его счастливым отцовством: Наташа там Зайка, в сказках полно ее словечек; отца она звала Алалеем – от Алексея. Он все пытался одарить ее, осчастливить тем, что знал и любил, но Наташа, которая воспитывалась у теток на Украине, подрастая, его странноватым дарам не особенно и радовалась – это его горько печалило.

Уже первые книги Ремизова показали, что в русскую литературу пришел незаурядный и сильный автор. В Петербурге Серебряного века Ремизов прижился, будто специально для него был создан – со своими стилизациями, мистериями, дурачествами и мистификациями. Тогда и сложился его привычный образ – сутулого, сгорбленного человека в больших очках, кутающегося в какие-то экзотические тряпки, бесхитростно-лукавого, непростого... В Петербурге он много работал со старинными рукописями – перерабатывал, писал сказания и пьесы на их основе, пересказывал сказки – поднимал это лежащее под спудом богатство, приносил в современный мир, заставляя звучать, удивлять и восхищать. В одной из пьес появился обезьяний царь Асыка – образ, который остался с Ремизовым на всю жизнь.

Это была ремизовская игра, охотно подхваченная окружающими: Обезьяня Великая и Вольная Палата, Обезвельволпал, которой он был вечным канцеляриусом. О царе Асыке, «верховном властителе всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился» никто, как говорил Ремизов, ничего не знает, и его никто никогда не видел. Обезвельволпал – это было тайное общество, членам которого Ремизов вручал «собственнохвостно» царем Асыкой подпанные грамоты. Грамоты были исполнены по всем правилам древней каллиграфии и снабжены ремизовскими рисунками. В палату принимали тех, кто был Ремизову симпатичен. Кто был готов играть в эти игры, кто любил литературу, свое дело – и самого Ремизова. Современники охотно включались в игру; Ремизов рассказывал во «Взвихренной Руси», как уже после революции Гумилев попросился в графы Обезвельволпала, а графский титул был уставом не предусмотрен. Впрочем, царь Асыка пожаловал Гумилева графством – кого же еще, как не Гумилева?

РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ

Игра эта особенно расцвела в голодном послереволюционном Петербурге – писатели в это время вообще много играли и дурачились: иначе было не выжить. Ремизов работал в театральном отделе Наркомпроса. Бедствовал. Писал своим затейливым почерком с завитушками замечательные по красоте и совершенно бестолковые просьбы о помощи продуктами и вещами – обращая их не к тем людям, которые могли помочь. «Революции он не принял», пишут биографические справочники. Да – понимал, что великая буря, что уничтожает старое и дает прорасти новому, но в этом новом были зачатки страшного зверства. Недаром еще до Октябрьской революции, ранней осенью 1917 года, Ремизов написал свое «Слово о погибели русской земли», «в котором раскрыл свою реакционную сущность», как утверждало советское литературоведение. О послеоктябрьской жизни Петрограда он рассказывает в своей «Взвихренной Руси» – книге, которая пришла к русскому читателю только на волне возвращения запретной литературы, в перестройку. Служба в Наркомпросе, голод, смерти друзей, приют в Доме искусства, бытовые трудности, которые он решал странно, по-ремизовски: ходил за водой и заполнял ею десятки стоящих в квартире бутылок из-под боржоми... У него были свои ученики: Пришвин, Леонов, Замятин, Пильняк – что-то неуловимое ремизовское видно в каждом. В день смерти Блока Ремизов с женой выехали за границу на лечение: в измученном, голодном и нищем Петрограде даже бинтов в аптеках не было. Думали, вернутся. Дочь-подросток осталась на родине. Какое-то время жили в Берлине, затем перебрались в Париж, где и осели навсегда. Там Ремизов и прожил до конца своих дней, пережив и жену, которая умерла в 1943 году, и дочь, умершую в том же году в оккупированном

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.М. Ремизов
и Н.В. Кодрянская.
Париж, улица
Буало

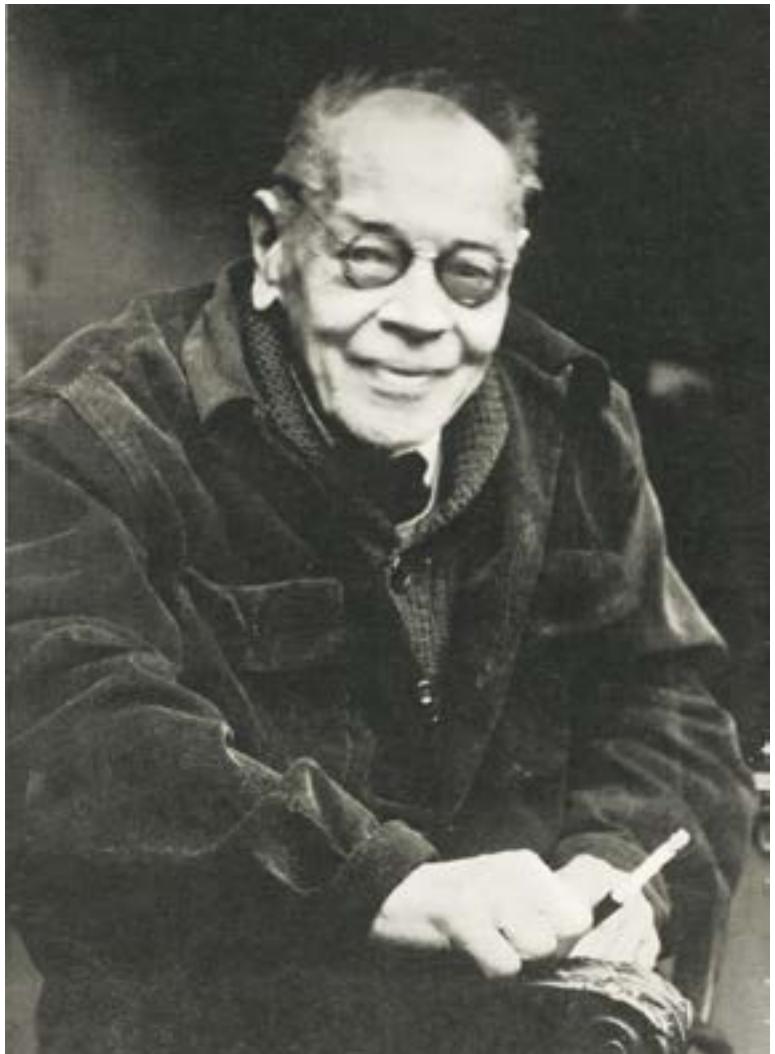
Наталья
Владимировна
Кодрянская
(урожденная
фон Генгресс;
1901–1983),
детская
писательница,
литературовед,
мемуарист,
ученица и биограф
А.М. Ремизова.
1936 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Киеве, но о смерти ее отец узнал только спустя два года... Горе не убило его, не сделало жестким; всегда чуткий и сострадательный, он умел утешить и подбратить нужные слова там, где все теряются. Наталье Кодрянской, потерявшей мать, он писал: «Послушайте меня, тихо примите ване горе... но это верное: горем растет душа». И дальше, рассказывая о своем опыте жизни с горем: «И я заметил, все надо принять, не отбрыкиваясь, но и не поддаваясь. Надо научиться как-то побеждать, крепко держась за жизнь. Вам сейчас надо тишину. И она придет. Я знаю, всякое прикосновение сейчас больно. Вас чем-нибудь надо обрадовать или сами себя удачей

обрадуете». Вот это всегда в нем было живо: обрадовать кого-то, пусть рукописной грамотой, рисунком, игрушкой. Радовать, удивлять – во «Взвихренной Руси» он, довольный, рассказывал, как замирали при виде висящих у него на стене игрушек непрошеные гости: красноармеец, какая-то баба из комиссии, которая уплотняла буржуев... Игрушки, трубки, шкурки, слоненок, птички, безделушки – все это у него было живое, теплое, дышащее – или, вернее, его дыханием согретое и оживленное; со всякой собакой, со всякой мышью ему было о чем поговорить, может, поэтому у него такие все настоящие – и мышки, и собаки, и зайчики. Впрочем, и старуха Буроба настоящая, и дед Корочун... бррр. Во Франции он перерабатывал русские сказки, занимался историей древнерусской литературы, много писал, но публиковался мало, ничтожными тиражами. Много рисовал; сохранились книги с его собственоручными иллюстрациями. Графику Ремизова – таинственную, тугую, плотную, вплетенную в его каллиграфию – очень ценили профессиональные художники, в том числе Пикассо. Удивительно твердая линия, характерные плоскости цвета, пуганища древних букв – ремизовская рука узнается сразу, если

А.М. Ремизов.
1950-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

хоть раз довелось посмотреть на его работы. Когда у него совсем не было денег, а книги не издавали (за двадцать лет, с 1931 по 1953 год, у него не вышло ни одной книги) – он делал на продажу рукописные альбомы. Он много бедствовал, одно время питался бесплатным супом, его подкармливавший знакомый повар. С Серафимой Павловной было легче: она работала, преподавала палеографию; после ее смерти – уже совсем немощный, слепнувший – зрение упало до 15 диоптрий и продолжало погреться – он целиком полагался на друзей и зависел от них. И такие друзья у него были, притянутые к нему крепко, привязанные не только его талантом, его местом в литературе, но и его кроткой человечностью и неподдельным обаянием. Друзья создали для него издательство.

Друзья читали ему вслух – сам читать не мог; записывали под его диктовку. Ходили по поручениям, опекали. Александр Бахрах, который часто у него бывал, рассказывал: «Не могу забыть, как среди всей внешней неорганизованности его жизни, среди всех ее повседневных трудностей он как-то в случайном разговоре воскликнул: «Боже, как я богат!» В этих словах не было ни позы, ни иронии. Он действительно считал себя богатым той ревниво им охраняемой творческой свободой, богатым нежеланием подчиниться жизненной прозе, богатым неспособностью идти навстречу читателю, хотя бы в какой-то крошечной степени заискивать перед ним». В конце жизни он даже не был так заброшен, как на то жаловался: его ценили, переводили на французский, звали выступать

на радио, о нем писали французские газеты...

Улица Буало, каштан под окном – то белая свечка, то темная зелень, то зеленые ежики; когда-то он мечтал, что эмиграция окажется сном, и он проснется в России... «Но странно, или так всегда бывает и иначе не мог бы человек вынести разлуку, с годами этот сон, я чувствую, меня окутал, и все плотнее, и порой мне снится, что Россия – это только мой волшебный сон». Одно время он стремился в Россию, думал поселиться с дочерью... Оказалось, стремиться некуда. Тем не менее в 1946 году он получил советское гражданство – на волне всеобщего возвращения, но возвращаться не стал. Куда ему было – старому, почти слепому, с «реакционной сущностью» и «звериной ненавистью к революции». Уже в 1957 году, когда Россию наконец отпустил ужас террора, с Ремизовым вступил в переписку филолог Владимир Малышев из Пушкинского Дома, он позвал Ремизова на торжественные заседания по случаю 275-летия со дня смерти протопопа Аввакума – литературной фигуры, которая была предметом неизменного интереса Ремизова и его текстологических штудий. Началась переписка, обмен книгами; Ремизов задумал передать в Пушкинский Дом свой архив... Но через месяц с начала переписки он умер. Малышев пытался в «Литературной газете» опубликовать некролог, однако газета его публиковать не стала. И в русскую литературу Ремизов вернулся только через тридцать лет – сложный, неуловимый, неповторимый.

Принес ужас, жалость, мольбу, сердечный надрыв – но и безмятежное счастье, живую весеннюю ветку, как его монашечек из «Посолони»:

– Что это, монашечек, никак листочки!
– Листочки, – и улыбается.
А я уж от радости не знаю, что и делать. Комната, рамы и вдруг эта ветка с зелеными, совсем-с-всем крохотными масляными листочками».

ПОБЕДА С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

АВТОР
МИХАИЛ БЫКОВ

КУТУЗОВ, БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ, БАГРАТИОН – ТРИ ИМЕНИ, СТАВШИХ СИНОНИМАМИ ПОБЕДЫ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА. И КТО БЫ С ЭТИМ СПОРИЛ. ВОПРОС В ДРУГОМ: ПОЧЕМУ ЭТОТ СПИСОК СТОЛЬ КОРОТКИЙ? ЗА ДВЕСТИ ЛЕТ, ЧТО МИНУЛИ С ТОЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ПОРЫ, ОН ТАК И НЕ ПОПОЛНИЛСЯ ЕЩЕ ТРЕМЯ ФАМИЛИЯМИ ТЕХ, КТО ИМЕЕТ НА ЭТО ПОЛНОЕ ПРАВО. В 1812-М ГЕНЕРАЛ ВИТГЕНШТЕЙН, ГЕНЕРАЛ ТОРМАСОВ И АДМИРАЛ ЧИЧАГОВ КОМАНДОВАЛИ РУССКИМИ АРМИЯМИ, ПРИКРЫВАВШИМИ СЕВЕР И ЮГ ИМПЕРИИ. ПОЧЕМУ ОНИ ТАК И ОСТАЛИСЬ НА ФЛАНГАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Переход
французской
армии через
Неман.
Гравюра Бейера
по рисунку
Раффе

ДИСЛОКАЦИЯ РУССКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПЕРЕД ВТОРЖЕНИЕМ наполеоновской армии «двунадесяти языков» была такова: по центру, на оперативной линии «граница – Смоленск – Москва», стояли 1-я армия Барклая и 2-я армия Багратиона. Северо-западное направление держал 1-й корпус Петра Витгенштейна, которому предстояло остановить 100 тысяч солдат двух французских корпусов на пути к Петербургу. Дорогу на Украину защищала 3-я обсервационная армия Александра Тормасова. Юго-западные пределы, граничившие с союзной Бонапарти Австрией, охраняла Молдавская (она же – Дунайская) армия Павла Чичагова, освободившаяся после окончания в апреле 1812 года войны с турками. В отличие от главного направления, где русские войска дрались, но отступали два с лишним месяца вплоть до сентября, и Витгенштейн, и Тормасов первые удары французов выдержали. Более того, нанесли наполеоновским генералам и первые чувствительные поражения. Итак, в ночь с 23 на 24 июня 1812 года у города Ковно (Каунас) французские саперы навели четыре понтонных моста через Неман, и главные силы Наполеона вступили на территорию России. В тот же день севернее, у городка Тильзит (Советск), форсировали Неман части из корпуса маршала Макдональда. Спустя 8 дней австрийский корпус генерала Шварценберга перебрался через Западный Буг и с ходу взял Брест-Литовск и Кобрин. В паре с ним корпус генерала Рейнье перешел границу у Белостока.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ТОРМАСОВ

Дворянский род Тормасовых известен с XVI века. В 1600 году предок генерала Павел Тормасов служил приставом у английского посла при московском дворе. Будущий герой родился в 1752 году в Первопрестольной, в 10-летнем возрасте оказался в пажах. В 1772 году, имея чин поручика, перешел на службу в Вятский пехотный полк. Образованный и энергичный офицер быстро обратил на себя внимание отцов-командиров. К 1778 году он уже подполковник и командир им же сформированного Финляндского егерского батальона. Внимание начальствующих лиц не ослабевало, но особенно важно, что среди этих лиц оказался светлейший князь Потемкин. Властитель Тавриды вытребовал Тормасова к себе. В 1784 году Александр Петрович уже полковник, командир Александрийского легкоконного полка. Того самого, что позже войдет в историю как полк бессмертных Александрийских гусар. Дальнейшему карьерному росту помогла очередная русско-турецкая война. Весной 1791 года генерал-майор Тормасов успешно командует кавалерийской бригадой, а 9 июля в крупном сражении при Мачине отличается особо. Награда не заставила ждать – и сразу орден Святого Георгия 3-го класса! В 1794 году Тормасов воюет в Польше. В первом же сражении с отрядами Костюшко он терпит поражение. Но долг платежом красен, и осенью генерал принимает активное участие в бою при Мацеевицах, где армия повстанцев была разбита, а сам Костюшко пленен. Важно отметить, что в этой войне Тормасов находился под непосредственной командой Александра Суворова. В царствование Павла I у Александра Петровича судьба сложилась так же, как у многих боевых генералов. Сначала – милость государя, чин генерал-лейтенанта, потом – гнев императора и опала. Наконец, прощение и возвращение в строй. На сей раз – в Петербург, командиром лейб-гвардии Конного полка.

Александр
Петрович
Тормасов
(1752–1819).
Портрет работы
К. Рейхеля.
1813 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сие означало близость ко двору и личное знакомство с величими князьями Александром и Константином Павловичами. Едва первый взошел на престол в 1801 году, как Тормасов получил чин полного генерала. Далее была служба скорее административная, чем боевая. Военное губернаторство в Киеве и Риге. Но когда в 1809 году Турция и Персия вознамерились проверить на прочность русские границы в Закавказье, Тормасов, назначенный главкомом на Кавказ, приступил к ликвидации этих позывов. Заодно приводил в чувство мятежные аулы в Имеретии и Абхазии, успокаивал разолновавшийся Дагестан. Приказ принять 3-ю обсервационную армию стал для него весьма неожиданным.

Что представляла собой эта группировка? Элитных войск там не было. А были обычные армейские пехотные и егерские полки, сводные гренадерские батальоны, полки легкой кавалерии и драгуны, казаки... В общей сложности чуть более 40 тысяч человек, включая запасных, и 168 орудий. Сила? Конечно. Правда, командир 15-й дивизии князь Вяземский позже писал о том, что боеспособных солдат под рукой Тормасова оказалось не более 25 тысяч. А супротив стоял австрийский корпус Шварценберга – 33 тысячи штыков и сабель и саксонский корпус Рейнья числом в 17 тысяч, присланный Наполеоном на подмогу. Французский император плани-

ровал разбить русских на юго-западе молниеносными ударами и открыть дорогу из южной Белоруссии на Украину. Но ошибочно посчитал, что для этого будет достаточно одних саксонцев. Шварценберг, выполняя приказ, двигался на соединение с главными силами под Смоленск. Семнадцатого июня Тормасов получил приказ атаковать. И приступил. План генерала от кавалерии был таков: наносить резкие удары в разных местах 170-километрового фронта, дабы запутать австрийцев и саксонцев. 24 июня врага выбили из Бреста, 25-го – из Пинска. А 27-го главные силы Тормасова подошли к Кобрину. Городок небольшой, но стратегически выгодный. Его занимала саксонская бригада генерала Кленгеля. Бой под Кобрином начался ранним утром, а к полудню от саксонской бригады уцелело менее половины. И то, что уцелело, сдалось в плен: 2300 солдат и офицеров, 8 орудий и... сам генерал-майор Кленгель. Русская армия потеряла 250 человек, из них убитыми 77.

Спешивший на помощь Кленгелю генерал Рейнья остановил свои части и на всякий случай повернул назад. Тормасов получил оперативный простор. Едва о случившемся стало известно Наполеону, тот тут же распорядился вернуть корпус Шварценберга на прежние позиции и остановить Тормасова. Стало ясно, что на юге в Россию не прорваться и в то же время необходимо держать там значительные силы, чтобы русские не

вышли Великой армии в тыл. Тем более что французы знали: вот-вот с Дуная выступит на соединение с Тормасовым адмирал Чичагов с 30 тысячами солдат. Конечно, это было не первое столкновение. Отступать-то мы отступали, но не лишали себя возможности жалить авангарды Наполеона. Случилось дело у мелкого Мира, где 9 июля арьергард Багратиона под командованием Платова уничтожил три полка польских улан Турно. Сильный бой произошел у деревни Салтановка на Днепре. Это там, согласно легенде, генерал Раевский лично пошел в атаку вместе с двумя сыновьями-подростками. Однажды именно победа под Кобрином стала первым крупным успехом русской армии в 1812 году. Это не был обычный арьергардный бой вроде тех, что вели отступающие армии Барклай и Багратиона. Это было спланированное сражение, которое привело к изменению стратегической обстановки. Тормасову удалось стянуть и до конца кампании приковать к себе значительные силы Великой армии.

Это стало очевидно к концу августа, когда австро-саксонские войска после сражения с тормасовцами у Городечно утомились и стали выполнять единственную доступную им задачу: сдерживать армию Тормасова в районе Луцка. Четвертого октября корпуса Шварценберга и Рейнья переправились на правый берег Западного Буга в районе Брест-Литовска. То есть вернулись туда, откуда начали свой поход на Россию. Правда, сам Александр Петрович это

Сражение при
Малоярославце.
Гравюра
с картины
Мартина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

го уже не застал. Несколько днями ранее обсервационную и Дунайскую армии слили и поставили над ней адмирала Чичагова. Тормасов был отозван в главную квартиру. Его административный опыт потребовался главному Кутузову. Генералу пришлось заниматься вопросами внутреннего управления и организации всей наступающей русской армии. Это не помешало Тормасову принять участие в сражениях под Малоярославцем, Вязьмой, Красным, форсировать Неман и начать подготовку к кампании 1813 года.

Весной 1813-го в течение короткого периода, связанного с болезнью и смертью Кутузова, Тормасов был исполняющим обязанности главнокомандующего. Правда, нездоровье настигло и его самого. Тормасов, больной и по-прежнему чувствующий себя оскорбленным в связи с отзывом из обсервационной армии, подает в отставку. Государь реагирует так: «Александр Петрович был незаслуженно обижен. Обещаю исправить ошибку». И держит слово, сообразно моменту и возможностям самого генерала. Тормасов становится генерал-губернатором Москвы. За семь лет, что Александр Петрович занимается восстановлением сожженного в 1812 году города, он успевает очень много. В 1816 году, прибывший в Белокаменную император Александр I вводит губернатора в графское достоинство.

Тормасов уходит из жизни в 1819 году. Похоронили генерала, члена Государственного совета, кавалера всех российских орденов, в том числе Андрея Первозванного и Святого Георгия 2-го и 3-го класса, на Донском кладбище. Единственный сын Александра Петровича, тоже Александр, умер в 1837-м, не оставив потомства. И род пресекся.

Нельзя сказать, что о Тормасове забыли совершенно. Его портрет висит в Военной галерее 1812 года в Эрмитаже, другой – в галерее руководителей Москвы, что в здании мэрии. Но разве этого достаточно?

ПЕТР ХРИСТИАНОВИЧ ВИТГЕНШТЕЙН

О таких говорят: из офицерских детей. В том смысле, что никакой иной судьбы, кроме как воинская служба, у них и быть не может. Род графов Витгенштейнов – из Рейнской Франконии. Отец будущего генерал-фельдмаршала поступил в русскую службу при Елизавете Петровне и закончил ее в чине генерал-поручика.

Петр родился в 1769 году в Полтавской губернии. В 12 лет, согласно традиции того времени, был зачислен в лейб-гвардии Семеновский полк, но действительную службу начал 20-летним, в кавалерии. Девять лет понадобилось Витгенштейну, чтобы из корнетов Конной гвардии превратиться в генерал-майора. Но паркетным офицером он не был. Сражался в Польше, во время подавления восстания Костюшко. Там и получил орден Святого Георгия 4-го класса. В бою под Остроленкой генерал-майор Козенц поинтересовался у 25-летнего офицера, не желает ли тот получить «Георгия». Командир гусарского эскадрона молча кивнул. «Тогда заставьте ее замолчать», – сказал генерал, указывая на вражескую батарею. Через считанные минуты эскадрон уже развернулся в боевой порядок и пошел в карьер. Витгенштейн первым рубанул саблей...

Дрался Петр Христианович на Кавказе, где брал Дербент – крепость, считавшуюся наравне с Измаилом неприступной. Именно Витгенштейна отправили в Петербург с ключами от этого города.

При Павле I граф попадает в опалу. При Александре Павловиче возвращается к командованию Елисаветградским гусарским полком. С гусарами в жизни Витгенштейна связано многое. Впоследствии он станет шефом Мариупольского гусарского полка, потом – лейб-гвардии Гусарского. Потому, наверное, самый известный портрет Петра Христиановича – в генеральском гусарском парадном мундире. «Георгия» 3-го класса генерал-майор получил в 1805 году, ког-

Пётр
Христианович
Витгенштейн
(1769–1843).
Портрет работы
Дж. Дуу

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

да в кампании против Наполеона русская армия особыми успехами похвастаться не могла. В военной среде хорошо знают, что ордена в победоносных войнах раздают куда обильнее, чем в войнах неудачных. Генерал-лейтенантский чин граф обрел в 1807-м. Тоже не самое лучшее время. Можно спорить, были ли сражения при Фридланде и Прейсиш-Эйлау проиграны нами, но что Наполеон в них не был побит – это точно. Если посмотреть на список войн, которые велись Российской империей в начале XIX века, то фамилия Витгенштейна присутствует в каждой позиции. Отечественную же войну 1812 года граф начал командиром 1-го пехотного корпуса 1-й армии Барклай-де-Толли. Но это – формально. На самом деле корпус Витгенштейна напоминал, скорее, небольшую армию, призванную действовать самостоятельно на важном стратегическом направлении.

Насколько оно было опасно, можно судить по тому, что в самом начале войны из Петербурга в Петрозаводск вывезли ценные коллекции и архивы. Сомневались, значит, в возможностях Витгенштейна остановить маршалов Макдональда и Удино, чьей задачей был захват столицы. Да и как тут не сомневаться? Против 100 тысяч французов оказался 26-тысячный корпус!

План выхода к Петербургу у Наполеона был таков: Макдо-

нальд забирает севернее, ближе к Риге, а Удино идет южнее, на Псков. Далее корпуса объединяются, сбивают русских и прижимают их к колоннам главных сил, двигающихся через Витебск к Смоленску. Витгенштейн, разумеется, сдается. И дорога на Петербург открыта. Но русский генерал посчитал иначе. Понимая, что маршалов Франции надо бить поодиночке, он сделал по-кавалерийски рискованный, но одновременно и толковый выбор. Бить Удино! Местом встречи Витгенштейн выбрал селение Клястицы.

Остальное, как говорится, было делом техники. 30 июля первыми французов потрепали Гродненские гусары генерала Кульгина. Но куда важнее было то, что командующий 1-м корпусом ясно понял силу Удино. Тот умудрился растянуть свои дивизии и под Клястицами расположил неполным корпусом. Витгенштейн решил атаковать рано утром. Бой получился долгим и кровопролитным. Но как ни крепились французы, а побежали. Сначала – вернулись в захваченные ими ранее Клястицы, потом – и оттуда, за Западную Двину. Общие потери французской армии втрое превысили потери русских.

Под впечатлением случившегося Макдональд остановил движение на Ригу, а Наполеон отправил к двум маршалам третьего, Сен-Сира, лишившись таким образом еще одной части войск в главной армии. Назад Сен-Сир уже не вернулся, а Макдональд и Удино замерли на дальних рубежах, пока их всех, вместе взятых, осенью не погнали вон.

Витгенштейн не стал медлить с победной реляцией, дабы успокоить напряженный Петербург. В ответ получил извещение о награждении орденом Святого Георгия 2-го класса. Неофициально из столицы уже катилась волна признания – Витгенштейна называли «спасителем града Петрова».

После ухода Великой армии из Москвы граф действовал весьма энергично и успешно. В октябре

Атака у Клястиц
20 июля 1812 года.
Хромолитография
Н. Самокиша.
Начало XX века

он освободил Полоцк от войск Удино, под Чашниками разгромил части Сен-Сира и Виктора, присланного в помощь, в канун зимы добил Виктора при Смоленцах.

Осечка произошла на Березине. Александр I мечтал о том, чтобы ни один вражеский солдат не пересек Березину. Не меньше жаждал пленения Наполеона там же, на стылых берегах этой реки. Отсюда и – приказ! Всем силам сойтись к Борисову, где, скорее всего, французы и постараются навести переправы. С юга должна была подойти армия Чичагова, на плечах отступающего неприятеля – Кутузов с главными силами, с севера – теперь уже полный генерал Витгенштейн.

Подойти-то армии подошли, но и Кутузов, и Витгенштейн повели себя странно. Остановились в отдалении да так всерьез и не вмешались в процесс. Впрочем, сей факт нисколько не уменьшил любви императора и народа к Витгенштейну. После смерти Кутузова в апреле 1813 года, вопреки мнению Тормасова и Милорадовича, Александр I назначил Петра Христиановича главнокомандующим. Современники признавали, что Витгенштейн был прекрасным генералом, но такой масштаб руководства ему не по

плечу. Что и показали дальнейшие события. Вскоре случились битвы при Люцене и Бауцене, хороших результатов армии союзников не принесшие. Наполеон вновь продемонстрировал мощь личного полководческого искусства. А Витгенштейн благородно подал прошение об отставке с поста главкома.

Последнее сражение наполеоновских войск для графа – бой в феврале 1814 года у Бар-Сюр-Об. Против Витгенштейна выступил старый знакомец маршала Удино. По такому случаю генерал сам сел в седло и повел в атаку Псковский кирасирский полк. Получил тяжелое ранение, но бой не покинул, пока не выиграл его.

Настал мир, и Витгенштейн получил под начало 2-ю армию, дислоцированную на юге империи. В 1825-м тяжело пережил известие о том, что его сын Лев, офицер-кавалергард, замешан в деятельности тайных обществ и восстании на Сенатской. По личному распоряжению Николая I персональное дело Витгенштейна-младшего замяли. А отец в утешение получил чин генерал-фельдмаршала.

В 1828 году началась очередная русско-турецкая война. Витгенштейн двинул армию через Прут и захватил дунайские княжества. Но затем в ар-

Павел
Васильевич
Чичагов
(1767–1849).
Портрет работы
неизвестного
художника

мию приехал государь со свитой, и фельдмаршал оказался практически не у дел. Не желая терпеть такое положение дел, он подал в отставку. Жил скромно, в усадьбе Каменка, что в Подольской губернии (ныне – Приднестровская Молдавская Республика). Умер ставший к тому времени светлейшим князем Пруссии генерал-фельдмаршал Витгенштейн в 1843 году во время путешествия на лечебные воды в Лемберге (Львове). За шесть лет до смерти Петр Христианович появился на Вознесенских маневрах под Киевом. Навестил родных ему мариупольских гусар, полковым шефом которых числился с 1826 года. Там же перед строем его увидела императрица и обронила: «Первый раз вижу вас перед войсками, фельдмаршал». Витгенштейн поклонился и ответил: «И, вероятно, последний, ваше Величество».

Так оно и оказалось. Памятники-бюсты Витгенштейну стоят в Приднестровье – в Бендерах и Каменке. В Пскове собирались было, да все никак. А в Гатчинском районе Ленинградской области сохранилась усадьба Витгенштейнов, купленная Петром Христиановичем на деньги, преподнесенные ему жителями Петербурга в знак благодарности. Называется усадьба – Дружноселье. Впрочем, усадьба – это громко сказано. Скоро совсем развалится.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИЧАГОВ

Род Чичаговых был богат на яркие индивидуальности. Довольно вспомнить Леонида Чичагова, более известного как митрополита Серафима, заново открывшего России преподобного Серафима Саровского и расстрелянного на Бутовском полигоне в 1937 году. Отцом будущего адмирала и героя войны 1812 года был Василий Чичагов, первооткрыватель Северного морского пути.

Сам Павел Чичагов родился в 1767 году в Петербурге, в районе под названием «Коломна». Там жили моряки и портовые работники. Да и где еще должна была жить семья капитана российского флота?

Однако военную службу Павел начал не во флоте, а в гвардии, в 1779-м. Спустя три года получил офицерский патент. И вот тут судьба в лице императрицы Екатерины вернула его на должную стезю. Отец, получивший под команду эскадру, собирался в долгий поход к берегам Италии. Ему позволили зачислить сына в корабельный штат адъютантом. Видимо, государыня угадала.

В 1790 году Павел Чичагов уже командовал 100-пушечным линейным кораблем «Ростислав». Позади – три сражения со шведским флотом, об одном из которых стоит сказать подробнее. Русская эскадра стояла на якорях в Ревельской бухте, когда неожиданно появился шведский флот в составе 22 линейных кораблей и 4 фрегатов. Командующий эскадрой Чичагов-старший стоял перед простым выбором: по уставу сняться с якорей, развернуться в боевой порядок и сгореть под огнем шведских пушек или остаться на месте, уповая на меткость русских канониров. Он выбрал второе. И правильно сделал. Шведы мазали на высокой волне, а русские пушкари соревновались в меткости. Лучше других стреляли орудия «Ростислава», они-то и подожгли шведский флагман, а заодно взяли в плен другой корабль.

Павел Чичагов стал георгиевским кавалером и капитаном 1-го ранга.

Будучи прекрасным офицером, Чичагов слыл за либерала и новатора. А таких при дворе не очень жаловали. Имея независимый нрав, морской офицер принципиально не примыкал к каким-либо партиям, за что вскоре и поплатился. Когда на престол взошел Павел I, Чичагов испросил разрешения на женитьбу с подданной британской короны. Государь поначалу ничего плохого в этом не увидел и дал согласие, добавив непременное условие службы на Балтийском флоте в чине контр-адмирала. Но нашлись люди, сумевшие убедить Павла в том, что брак – это лишь предлог для перехода на службу к англичанам, а то и к шпионскому делу. В результате вместо плавания в Англию пришлось переселиться в Петропавловскую крепость. Едва избежав там смерти от горячки, Чичагов счастливым образом был помилован и... отправлен с эскадрой в Англию, где взял на борт британский десант и осуществил успешную операцию против французов в Голландии. За что получил «Анну» 1-й степени и право жениться на англичанке Элизабет Проби.

Александр I, как известно, флот не любил. Однако вынужден был считаться с его существованием и понимал необходимость морской реформы. Лучше других, по его мнению, добиться этого мог Павел Чичагов. В 1802 году он уже вице-адмирал и товарищ морского министра. А вскоре – исполняющий онье обязанности. Новый «почти министр» очень близок к Александру. В 1807 году Чичагов – полный адмирал и министр. Его реформы, как государственного, так и собственного хозяйства, – это предмет отдельного разговора. В любом случае их прервали два события. Смерть жены в 1811 году и назначение на должность командующего Дунайской армией весной 1812-го. Вместо Кутузова. Императору казалось, что против турок сухопутная армия и Черноморский флот должны действовать слаженно. Потому и понадобился адмирал. Однако Кутузов успел заклю-

ПРЕДОСТАВЛЕНО МИРОЗОЛОТАРЕВЫМ

чить победоносный мир раньше, чем Чичагов прибыл к войскам. Впрочем, не за горами была следующая война — с Наполеоном. Вплоть до соединения с армией Тормасова 14 сентября 1812-го чичаговцы не воевали. 30-тысячная армия медленно двигалась в сторону Луцка. Боевые действия для новоприбывших начались по большому счету лишь 23 сентября с очередной оплеухи саксонскому корпусу генерала Рейнья. Вскоре в главную квартиру отбыл Тормасов, а Чичагов остался на хозяйстве. Медленно, но верно его части гнали саксонцев и австрийцев к границе, а 30 октября двинулись к Березине. Каких-то ярких событий вплоть до конца ноября не происходило. Ясно было одно: остатки Великой армии надо, согласно желанию Александра, добить на этом берегу белорусской реки. Тут и случилось то, что в итоге выдавило Чичагова за пределы России в вечную эмиграцию, что фактически стерло из нашей исторической памяти эту сильную и яркую фигуру.

Наши командующие долго гадали, где же именно попытается наладить переправы противник. Наполеон пустился на хитрости и войну разведок выиграл. Заставил ждать себя в другом месте, а сам навел мосты у Студенки и 25 ноября вместе с полуразбитой гвардией пересек Березину. Да, с ним ушло около 10 тысяч человек. А десятки тысяч навсегда остались в районе белорусского городка Борисов: кто погиб в

бою, кто утонул, кто замерз вместе с конем в бродах. Но приказ государя оказался не выполнен, ошибки совершили все, а козлом отпущения хотелось сделать кого-то одного. «Спасителя Петербурга» Витгенштейна — нельзя: он спаситель. Кутузова — нельзя: он победитель. Остался Чичагов, за которым не было в этой войне сверхзаслуг. Ведь это именно он повернул свою армию на юг от Борисова, в то время как Наполеон поддался севернее. И не важно, что и Кутузов, и Витгенштейн были убеждены в том, что француз уйдет на юг. Ведь это именно Чичагова счастливый от чудесного спасения Бонапарт назвал «глупым адмиралом». Ведь это подчиненный Чичагову генерал потребовал от другого генерала срочно снять охранение на «чужом» берегу Березины. Как раз там, где и проскочил противник. Наконец, независимый нрав Чичагова не являлся секретом. И его поведение в случае придиорок и гонений легко предсказывалось. Уж этот точно интриговать не станет.

Так и вышло. Павел Васильевич довел свою армию до польской крепости Торн, осадил ее и получил-таки бессрочный отпуск вместо запрошенной отставки. С чем и уехал из России навсегда. Осед у младшей дочери во Франции, где и умер в 1849-м. В 1816 году он начал писать «Записки». Надо думать, весьма острые и точные, каким и сам был всю жизнь. Но «Запискам» не повезло. Перед смертью адмирал просил их скечь, но дочь умоляла остан-

А. Боголюбов.
Ревельский бой
2 мая 1790 года.
1860-е годы

вить для потомков. Ее муж граф де Бюзе сначала без разрешения опубликовал их в купированном виде, чем сильно исказил смысл написанного. А во втором издании дополнил собственными измышлениями. Только в XXI веке приступили к корректному изданию «Записок» Павла Чичагова. Но тогда, при жизни адмирала, «Записок» никто не читал. Читали, писали и говорили другие и другое. Баснописец Крылов написал басню «Шука и кот», где прямо намекал на адмирала строчкой «беда, коль пироги начнет печи сапожник». Изощрялся в эпиграммах Державин, которого Чичагов в бытность министром уличал в недобросовестности при поставках флоту угля и леса. Шумели в праведном гневе паркетные генералы и адмиралы. Шушукались в свете. В 1827 году не включили фамилию Чичагова в списки военачальников, чьи портреты планировалось разместить в Военной галерее войны 1812 года в Зимнем дворце. В 1834-м согласно указу Николая I на родину должны были вернуться все пребывающие за границами. Не подчинились многие. Наказали только Павла Васильевича, лишив его обещанной навсегда пенсии члена Государственного совета. Как-то забылось, что французов на переправах через Березину встретили солдаты Чичагова. Что это 26 тысяч подчиненных адмиралу воинов оставили там навечно более 50 тысяч вражеских трупов. Что до сих пор во французском языке живет нарицательное слово *berezina*, означающее полную катастрофу. На кладбище парижского пригорода Со силами представителей чичаговского рода привели в порядок могилу полководца, а 18 мая 2012 года в присутствии офицеров российского ВМФ и посольства установили памятник. Правда, на доме, где жил Чичагов и который местные доселе называют «Усадьба адмирала», мемориальной таблички пока не появилось. В этом доме сейчас контора каких-то электросетей...

Бывший узник Рижского гетто Эльмар Ривош в мастерской со своей работой – бюстом латышского писателя и педагога Яниса Грэсте. 1951 год

ЖИЛ-БЫЛ СКУЛЬПТОР

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

КАЖДЫЙ ГОД 4 ИЮЛЯ В РИГЕ У МЕМОРИАЛА БОЛЬШОЙ ХОРАЛЬНОЙ СИНАГОГИ НА УЛИЦЕ ГОГОЛЯ СОБИРАЮТСЯ ЖИТЕЛИ ГОРОДА, ДЕПУТАТЫ, ДИПЛОМАТЫ, ГОСТИ ЛАТВИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ, ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ТРАУРНОЙ ЦЕРЕМОНИИ В ЧЕСТЬ ДНЯ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ГЕНОЦИДА ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

В 1941 ГОДУ В ЭТОТ день, вошедший в историю как Хрустальная ночь, в Латвии было сожжено 8 синагог вместе с сожженными туда людьми. Только в одной рижской синагоге тогда сгорело около 400 верующих, в основном женщин, детей и стариков. Акция была выполнена отрядом добровольцев из числа местных патриотов, командовал которым один из самых жестоких нацистских приспешников, Виктор Арайс. На совести

всегдаляемой им латышской команды СД несколько тысяч людей, убитых за годы немецкой оккупации. За 1941–1944 годы было уничтожено почти все еврейское население Латвии: из более чем 70 тысяч человек в живых осталось около тысячи. В числе уцелевших был и замечательный скульптор, работавший до войны на Рижской кузнецовой фарфоровой фабрике, Эльмар Ривош. Его работы хранятся в музеях Латвии и частных коллекциях.

СЛОН И РЫЦАРЬ

На Кузнецовой с 1935 года до начала войны был руководителем скульптурного цеха. Его работы выставлялись в Париже и Кенигсберге. Ривош считался хорошим мастером, особенно ему удавались фигурки зверей: Эльмар с детства был страстным голубятником и собачником. Однажды в Ригу приехал знаменитый Цирк Гагенбека, гвоздем программы которого были три дрессированных слона. Ривош решил воспользоваться живой натурой – с позволения начальства фабрики он целый месяц фактически проработал вместе с дрессировщиками. Часами сидя в ложе с блокнотом в руках, скульптор делал зарисовки. Как-то раз ему даже разрешили забраться на спину самой смиренной слонихи. А когда мастер принес директору цирка двух слонов, отлитых в фарфоре, восторгам не было конца! Даже се-

годня, спустя почти 75 лет, слон работы Эльмара Ривоша с лихом задранным кверху хоботом по праву считается одним из лучших произведений фарфоровой анималистической пластики. А тогда молодому скульптору за его талант и любовь к цирку подарили контрамарку на двоих, и в течение года он бесплатно посещал все премьеры...

Однажды по личному заказу владельцев фабрики Кузнецовых Эльмар изготовил скульптуру рыцаря на белом коне – литовского князя Витовта. Восхищение работой скульптора выразил сам хозяин фабрики. Было изготовлено всего лишь несколько подарочных экземпляров, которые предназначались для почетных гостей Кузнецовой. Одна из скульптур до сих пор хранится в запасниках Национального музея истории Латвии.

До 35 лет Эльмар Ривош жил как обычный человек, занимался любимым делом, которому когда-то обучался на архитектурном факультете Латвийского университета и в Академии свободных искусств в Париже. Дома общались в основном по-русски, но Эльмар без акцента говорил на латышском и немецком, что позже не раз спасало ему жизнь. Ривош был женат на красивой, умной и веселой женщине. Алия – так звали музу рижского скульптора – в 1937 году родила ему сына Диму, а через три года дочь Лиду. Семья жила в Риге в небольшом уютном двухэтажном домике на улице Кулдигас, держали кота, двух собак и пару десятков голубей.

Все их благополучие рухнуло, когда началась война. 22 июня 1941 года Эльмар записался добровольцем в качестве мотоциклиста-вестового в рижскую Рабочую гвардию. Борьба с врагом в один миг стала для него важнее любимого дела. Он пытался уговорить Алию уехать вместе с детьми в Россию, пока это еще было возможно, но она отказалась: не хотела бросать стариков-родителей. Он не стал настаивать, чего себе потом никогда не мог простить...

Фарфоровые слоны
скульптора Рижской кузнецовой фабрики Э. Ривоша
(1930-е годы)

Незадолго до прихода фашистов в Латвии начали действовать их сторонники из местных патриотов. Отряды боевиков нападали на отступавших красноармейцев, обстреливали бойцов Рабочей гвардии, преследовали беженцев, пытавшихся эвакуироваться... В город немецкие войска вошли 1 июля, одни их встречали с цветами, другие – с ужасом и страхом. «У немцев все делается по «закону», – запишет в своем дневнике Эльмар Ривош. – Евреи и коммунисты на законном основании становятся вне закона. Воры собак не любят, но когда вор забирается в чужой огород или собирается взламывать двери, то он собаку угощает. Немцы латышам бросили кость – евреев. Латыши (большинство) зубами в эту кость вцепились. Кость оказалась жирная. Пир горой...». Вскоре из числа добровольцев была создана латышская вспомогательная полиция порядка, Hilfspolizai, бойцы которой носили на рукаве зеленые повязки, за что их называли «повязочники». С благоволения немецко-

го командования они рьяно взялись за «решение» еврейского вопроса по всей Латвии. Но сначала им было дозволено вдоволь поиздеваться над беззащитными людьми, безнаказанно их грабить, насиливать, избивать и убивать. Они врывались в квартиры, где проживали известные и до недавнего времени уважаемые в городе евреи – адвокаты, врачи, владельцы магазинов, аптек, салонов. Жильцов гоняли в одну комнату, обыскивали помещения, забирали ценное и уходили, чтобы вернуться через пару дней. Налеты на квартиры нередко сопровождались арестами мужчин. Ривошам в этом плане повезло немного больше других благодаря соседям, чей шикарный двухэтажный особняк располагался как раз напротив их дома. Хозяева, две семьи Розенталь, принадлежали к высшим слоям общества. В 1940 году одну из них как ненадежный элемент арестовали и депортировали советские власти, через год за оставшееся семейство взялись ставленники нового режима. За одну ночь в их доме в поисках наживы старались побывать по нескольку различных «патрулей». Выходя с богатой поклажей от Розенталей, «повязочники» упирались в неказистый с виду домик Ривоша, иногда все же заглядывали к нему, но, оглядев скромную обстановку, с презрением поворачивали обратно.

ГОРОД В ГОРОДЕ

В Риге началась регистрация евреев, 28 июля 1941 года были введены правила, в соответствии с которыми они должны были носить слева на груди шестиконечную желтую звезду диаметром 10 сантиметров. В сентябре вышло распоряжение о необходимости ношения желтой звезды еще и на спине. Им запрещалось ходить по тротуарам, лечиться в больницах, стоять в очередях в магазинах вместе с другими покупателями, ездить на транспорте. В местных газетах началась дикая травля еврейского населения под лозунгом «Убей жида!». В «патриотах», желающих вопло-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА НАТАЛИИ КАЖАРИВОШ

тить этот лозунг в жизнь, недостатка не было, так что немцам практически не пришлось беспокоиться, всю грязную работу за них в Латвии делали местные «арийцы», как их называл в своих записках Эльмар Ривош. Но среди латышей нашлись и другие – смельчаки, которые, рискуя своей жизнью, помогали евреям, спасали их и от голода, и от смерти. Для Ривоша таким спасителем стал его бывший знакомый по мастерской Рудольф Анкравс. «Психологическая загадка... У меня не было с ним никаких отношений – ни плохих, ни хороших, – записал Ривош. – Когда я очутился вне закона, все бывшие друзья детства, все друзья по работе исчезли, и тут, как чудо, является этот человек. Пришел просто и заявил, что хочет помочь мне и моей семье, что готов сделать все, что будет в его силах... Зная, что я сижу без денег и заработка, предложил мне делать для него всякие фигуры. Приносил Димочке угощения, играл с ним, стал проявлять самый глубокий интерес к нашей судьбе. Для этого нужна немалая доля храбрости, мы привыкли в нужде терять друзей, тем более странно находить в нужде новых». Руди на время обеспечил Ривоша работой и заказами. Четырехлетнего Димочку хотела забрать с собой его няня, Меланья, она специально приехала из небольшого городка Лимбажи, умоляла Ривошьей отпустить с ней мальчика. Эльмар не возражал, но Аля отказалась: «Если нам всем суждено будет погибнуть, пусть так, но сиротой оставлять его не собираюсь». Право распоряжаться детьми принадлежит матери – так рассудил отец, и ребенка няне не отдали. Может быть, это мало что поменяло бы, ведь в маленьких городках или деревнях истребление евреев носило тотальный характер. В том же Лимбажи, где до войны проживало около 100 евреев (из 2870 человек населения), в июле и сентябре 1941 года было убито примерно 80. В Екабпилсе в первые два месяца войны «команда Арайса» при участии местной

За год до войны.
Аля и Дима
во дворе своего
дома и их
верный друг
Чарли

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА НАТАЛИИ КАХА (РИВОШ)

челм переселять людей? Не для того же, чтобы потом их уничтожить? Прагматичные немцы никогда такого не сделают. Ну помучают нас немножко, заставят работать на себя, но не убьют же всех! – так, успокаивая себя, рассуждало большинство населения гетто. Среди них крепла уверенность, что до зимы фашистам победить не удастся, а зима может многое изменить, как когда-то было с Наполеоном. Они понимали, что спасти их могут только русские, поэтому с жадностью ловили каждое слово о событиях на фронте.

АКЦИЯ

К ноябрю 1941 года в 12 кварталах Латгальского предместья разместилось около 30 тысяч евреев. Для них была уготована ужасная участь. До первой акции оставалось всего несколько дней...

«Димочка поставил меня в глупое положение, – написал Эльмар в своем дневнике. – Я не смог удовлетворительно ответить ему на вопрос: «Папочка, скажи, почему немцы так нас мучают?» – «Ты же знаешь, что немцы не любят евреев, а мы – евреи». – «Я знаю... А что такое евреи?» – «Ну, это все те, кто любит советских, а не немцев, понял?» – «Немножечко, совсем немножечко». Я постарался заговорить ему зубы, но, кажется, не совсем удачно. Как объяснить такому клопу, что такое евреи и антисемитизм, когда даже нам самим это не совсем ясно?» Эльмар Ривош стал работать печником – единственным в гетто. Поэтому он мог обеспечивать свою семью едой и дровами. Мужчин и женщин выводили на работы вне гетто: на уборку улиц, стройку, заводы, фабрики, швейные мастерские, разгрузку вагонов, рытье ям. У ворот гетто уставших и изможденных людей частенько встречали полупьяные местные «патриоты», под хохот и улюлюканье начинялось избиение – палками, кулаками, ногами. «Бьют вслепую, не разбирая, кого и как, просто так, чтобы отвести душу», – пи-

группы «самоохраны» расстреляла на болотах 418 евреев (при их численности по переписи 1935 года в 793 человека).

В августе 1941 года было объявлено о создании Рижского гетто на территории одного из рабочих районов города, Латгальского предместья (Московского форштадта). Для этого примерно 7 тысячам живших здесь рижан нееврейского происхождения пришлось переселиться в другие районы. А евреи кинулись выкупать освобождаемые квартиры. Эльмару достался полуразвалившийся сарай на улице Маза Кална, 5. Он довольно быстро превратил постройку во вполне сносное жилище, куда перебрались его мать, жена и дети, прихватившие кота и Алиного любимица, пса Чарли. Все свое ценное имущество, в том числе и некоторые работы Ривоша, они оставили на хранение старенькой няне-латышке Мими, жившей в маленьком флигеле во дворе дома Ривошьей. Мими, вырастившая Алию и нянчившая ее годовалую Лидочку, рыдала в голос, когда они прощались. Она была уверена, что всех евреев нарочно собирают в одну мышеловку, чтобы было сподручнее с ними расправиться. Тогда никто из них еще не догадывался, насколько няня окажется права. Евреи понимали, что для них наступили трудные времена, но сам факт создания гетто на многих подействовал даже успокаивающее. «Ну в самом деле, за-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА НАТАЛИИ КОЖА (РИВОШ)

сал Эльмар. Иногда он с тоской глядел на проходивший по Московской улице напротив гетто 5-й трамвай. Когда-то скульптор каждое утро ездил на нем на Кузнецовку, где сейчас, наверное, сидят его фабричные знакомые. И они ничего не знают, да и особо не хотят знать, что творится за колючей проволокой... В гетто вскоре начался голод. Эльмар и тут нашел выход: бывший страстный голубятник с помощью рогатки обеспечивал семью и родных «дичью», благо прекрасно знал повадки голубей.

На окраине Риги, в Бикерниекском лесу, начали копать длинные и глубокие ямы. Евреи эту новость встретили с оптимизмом: это будущие укрепления, предположили они, значит, ждут наступления советских войск. Страшные мысли о другом предназначении рвов старались отгонять как безумные и невозможные... (В рижском Бикерниекском лесу и у железнодорожной станции Румбула за годы войны нацистами и местными пособниками гитлеровцев было расстреляно более 46 тысяч местных и привезенных из других стран евреев, а также советских активистов, антифашистов, пленных красноармейцев. В 2001 году здесь был открыт мемориал. – Прим. авт.) 29 ноября 1941 года всем мужчинам от 17 до 60 лет было приказано выстроиться в колонну для перевода в другие кварталы гет-

то. А старикам и женщинам с детьми велели утром 30 ноября приготовиться к переселению в лагерь. Каждому разрешалось взять с собой не более 20 килограммов вещей. Участь старииков ни у кого сомнения не вызывала: для них это смертный приговор. «Насколько лучше корове, барану, – запишет Ривош. – Их кормят, гонят на бойню, общество покровителей животных следит за тем, чтобы их не мучили понапрасну, их глушат и левой рукой перерезают горло... Нас, перед тем как перебить, кидают из стороны в сторону, лишают самых примитивных прав человека, прав животного и то нам не оставляют. Постепенно тупым ножом режут душу, оставляя вопрос о том, когда нам перережут глотку, открытым»... Накануне вечером в семье Ривош, когда дети легли спать, взрослые решали, что им делать. Бежать с годовалой дочкой на руках было невозможно, оставалось погибнуть всем вместе. И они были готовы. Эльмар предложил сделать это своими руками, если все со-

Лудзас – главная улица Рижского гетто. 1942 год

Те самые звезды, сорвав которые Эльмар вышел на свободу

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА НАТАЛИИ КОЖА (РИВОШ)

гласны. В сарае у него лежал острый плотницкий топор... Сначала мама, потом Аля, дети, а за ними – он сам в петле. Но Аля не смогла допустить, чтобы ее муж стал убийцей собственных детей. Решили положиться на Бога. «Как тяжело напускать на себя «мужественность» и силу духа, когда душа разрывается, когда плачешь ни для кого не заметными слезами. Девочка, если погибнет, как травка, как цветок, без моральных мук, без страданий. Она маленькая и глупая. О Диме больно думать. Он для своих лет очень развит... и страдает уже не только как зверек, он – маленький человек со всеми чувствами. Единственное, чего он не может понять, – это за что», – запись в книжке Ривоша о той страшной ночи, когда они прощались навсегда, приготовившись к расставанию и смерти. «У мамы губы холодные, лицо каменное. У Али губы еще теплые, податливые, но в них уже нет жизни. Девочка спит, лежа на животике, вылезает розовая пяточка из-под одеяла. Пяточке щекотно от усов, и она исчезает под одеяло. Диму слишком крепко прижал, но он не крикнул. Что с ними будет, куда их денут? Зачем, для чего и за что? Ненависть, отчаяние и надежда сплелись в один ком. Этот ком нельзя проглотить, он давит и сжимает горло. Самые сильные страдания причиняет не наше личное горе, а горе наших близких и наших любимых».

Но в тот день судьба смилилась над семьей скульптора, им была дарована жизнь. Еще на 9 дней. В ночь на 30 ноября нервы у многих обитателей гетто не выдержали, несколько человек покончили с собой. Родственница Ривоша Леля Бордо перерезала вены на руках себе и своему пятилетнему сыну. В еврейской больнице ее откачали. Спрашивается – зачем? Ее малыш к тому времени был уже мертв... В ходе первой ноябрьской акции по уничтожению евреев Рижского гетто были вывезены и расстреляны в Румбуле почти все старики, а также большинство женщин и

детей. Уцелеть удалось немногим, их черед настал 8 декабря. В тот день снег на улицах Рижского гетто стал кровавым. Повсюду — следы бойни, валялись трупы стариков, видимо, их убивали на месте. Брошенные детские коляски, саночки, сапожки, мешки с едой, бутылочки с сосками. Эльмар вылезал в похоронную бригаду в надежде увидеть кого-то из родных. Но он их больше никогда не увидит — ни мертвыми, ни живыми. Трупы убитых сложили штабелями на Старом еврейском кладбище. Ривош снял с руки обручальное кольцо и зарыл его в могиле. Так он похоронил свое прошлое и надежду. Когда над ямой вырос большой бугор, наступила пронзительная тишина. И вдруг в этой тишине сорок-пятьдесят мужчин, встав у могилы полукругом, начали хором читать поминальную еврейскую молитву. Как потом запишет Эльмар, атеист по натуре и социалист по убеждениям, эта молитва была сильнее его понимания и разума. Он не понимал ее слов и смысла, но он уже никогда не сможет забыть этой молитвы, она каленым железом останется въязженной в его памяти.

ПРОЩАЙ, ГЕТТО!

В тот день он фактически умер. Иногда оживал, когда слышал обрывки разговоров о том, что якобы женщины и дети из гетто увезли в лагерь в Саласпилс, и они там неплохо устроились. Этой надеждой торговали латышские шуцманы, выманивая у евреев ценные вещи в обмен на обещания разузнать что-нибудь об их семьях. Эльмар знал, что это неправда, но так хотелось верить!.. Через неделю им разрешили вернуться в их квартиры за едой и одеждой. На подгибающихся ногах, он пробрался к своему домику, со всех сторон занесенному снегом. Следов нет, значит, нет и жизни — погас едва тлевший уголек надежды. В доме каждая мелочь кричала о том, что здесь происходило: тарелка с остатками каши, детский чулочек на полу, Диминь книжки, Алина полочка с фарфоровыми безде-

Наталия Кажа (Ривош) бережно хранит память о своем отце. Рига. 2012 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

лушкиами, фотографии на стене... И вдруг Эльмар увидел, как под грудой одеял на кровати что-то зашевелилось! Это был их исхудавший и перепуганный пес Чарли. Эльмар обхватил его за шею и зарыдал в голос.

В квартиры расстрелянных рижских евреев в декабре 1941 года заселили новых жильцов, привезенных из «рейха» — Германии, Австрии, Чехии, позже к ним добавились их соплеменники из Литвы. В феврале 1942 года в Рижском гетто насчитывалось около 11 тысяч зарубежных евреев. По неполным данным, в Латвию было депортировано более 30 тысяч евреев из других европейских стран, выжили из них только 1073 человека.

Сговорившись со своим приятелем Рудольфом Анкравсом, с которым они встретились, когда Ривоша с группой рабочих под конвоем привели в центр города на ремонтные работы, Эльмар решил бежать из гетто. Здесь его больше ничто не удерживало, даже Чарли пришлось отдать знакомому полицейскому. Утром 4 февраля 1942 года Ривош, смешавшись с колонной рабочих, проскользнул через узенькую щель между домами. Здесь он спорол желтые звезды и твердой походкой направился к дому Руди, стараясь идти по тротуару, хотя его по привычке тянуло на отведен-

ную нацистами для евреев проезжую часть. С гетто он распрощался навсегда!

ЗАПИСКИ РИЖСКОГО УЗНИКА

Несколько месяцев скульптор прятался в погребе у Анкравса и его жены, делая им для продажи фигурки зверушек, которые с охотой раскупали немецкие солдаты для отправки семьям в «фатерлянд». Знали бы они, что этих глиняных кошечек и собачек слепил беглец-смертник из еврейского гетто! Эльмар даже отважился несколько раз навестить старенькую Мими. Вскоре у Рудольфа находиться стало небезопасно, и он перебрался в подвал другого дома. Здесь Ривош оборудовал маленькую мастерскую, где к Пасхе изготавливали цыплят, забавных зайцев, держащих в лапах пасхальные яйца. Мне довелось подержать в руках чудом сохранившуюся с 1942 года гипсовую модель такого зайчика, трудно было себе представить, что автор этой веселой фигурки — скрывающийся в погребе узник гетто. Но жизнь брала свое. Эльмар влюбился. Его спасительницей стала бывшая одноклассница и подруга жены Людмила Знотынь, она навещала Эльмара в подвале. Здесь почти два года, вплоть до освобождения Риги, беглеца укрывали баптисты, дворничи-

ха Эмма Приеде и ее муж Петер. Они обеспечивали скульптора едой и теплыми вещами, а он чинил им обувь и даже научился шить из обрезков кожи босоножки и сандалии. Под влиянием Людмилы Знотынь Эльмар в пособии начал писать обо всем, что с ним случилось. У него сохранился дневник из гетто, в котором в зашифрованном виде были записаны все события с начала войны и до его бегства из ада. В ожидании Люси он писал свои «Записки» карандашом на обороте больших нотных листков, добывших для него Эммой. Люся, уходя, забирала их и относила подруге Татьяне Соллогуб, которая ночью закапывала «ноты» в своем саду. В письмах к Людмиле Эльмар писал, что было бы хорошо, если бы эти записи могли прочесть и другие люди. «Мы должны всеми силами стараться выжить. Если мы сами об этом не позаботимся, то даже свидетелей не будет, мстить нужно не для своего успокоения, а ради памяти убитых, ради справедливости. Наша будущая жизнь должна быть не эгоистичной, маленькой, а тяжелой обязанностью, жизнью для расплаты», – писал Эльмар. Они поженились после освобождения Риги, а в 1946 году у них родилась дочь Наталия – единственный уцелевший ребенок Эльмара Ривоша, как она сама про себя говорит.

– Папа тяжело заболел, когда мне было 8 лет, а еще через три года, в 1957 году, он умер. Ему был 51 год, – говорит Наталия, с которой мы беседуем в том же самом доме на улице Кулдигас, откуда ее отец с семьей был вынужден выехать в Рижское гетто. – О его детстве и юности я знаю главным образом из рассказов, записанных мамой под его диктовку, один рассказ, о жизни в Париже, я сама записала с его слов. Пока папа был здоров, мы с ним очень часто пропадали на голубятни, я, наверное, была единственной девчонкой-голубятницей в Риге. Как и отец, я всю жизнь любила собак, вот и сейчас в нашем доме живут две собаки, а несколько лет назад

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА НАТАЛИИ КАЖА (РИВОШ)

мне принесли голубя-подранка, которому кот ободрал крыло. Птицу удалось подлечить, но летать она уже не может, так и живет у нас в доме...

Из рассказов родителей Наташа знала о трагедии, случившейся с первой семьей своего отца. Иногда она слышала, как он спорил со своим тестем, ее дедом, с которым они расходились в вопросе, кто был хуже – Гитлер или Сталин. «Папа доказывал, что Сталин все-таки на две копейки был лучше, – говорит Наталия, – он ведь ждал Красную армию с нетерпением, но потом в подвалах ГБ из него эту эйфорию выколотили...».

В 1948 году Ривош, чтобы прокормить семью, пытался продать сохранившуюся у него монету царской чеканки. По донесу соседки его арестовали и обвинили в торговле валютой. О том, что с ним делали, Эльмар никому не рассказывал, но за его освобождение семье пришлось отдать все драгоценности, принадлежавшие родителям его жены. Его исключили из Союза художников, скульптор остался без заказов и без заработка. Однажды по какой-то надобности он зашел в соседний дом к учителю физики Берману и вдруг увидел в его квартире свой собственный довоенный буфет и стоявшую на нем скульптуру литовского князя Витовта на белом

Чеканка по меди.
Портрет
рижского
скульптора
работы его друга
Карлиса Муши.
1957 год

коне. Ту самую! В невероятном волнении Ривош подошел к своей работе, не веря глазам своим. Он объяснил хозяину дома, что эти вещи во время войны оставил на хранение у няни своей жены, Эльмар готов был выкупить хотя бы рыцаря, но... Новый владелец резко оттолкнул Ривоша со словами: «Не трогайте – вы ее разобьете!» Тогда дело чуть не закончилось дракой, а маленькой Нате строго-настроено было запрещено играть с детьми «буфета», как они прозвали папиного обидчика...

Ривош устроился помощником в мастерскую скульптора Александры Бриедис, на жизнь зарабатывал изготовлением бюстов коммунистических вождей. Один бюст, общественной деятельницы Северной Кореи Пак Ден Ай, даже удалось отлит в его любимом фарфоре. Почти полвека эта работа хранилась на чердаке у дочери скульптора, пока недавно ее не приобрел рижский коллекционер. В малой пластике в послевоенные годы Ривош практически не работал: не было заказов. Исключением стали работы «Репка», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Встреча» (собака и лягушка). После отсидки в подвалах ГБ его долго терзали головные боли, он пытался покончить с собой, чтобы избавиться от мучений. Несколько раз жена Людмила буквально вытаскивала мастера из петли... При жизни ему так и не довелось воплотить в фарфоре свои работы на тему Рижского гетто, они остались в гипсе, макетах и в забвении. А уникальнейшие дневниковые записи выжившего узника Рижского гетто, выдержки из которых здесь процитированы, увидели свет лишь в 2006 году, вместе с другими рассказами и эссе этого замечательного и талантливого человека. Перевод на латышский язык «Записок Ривоша» сделали его дочь Наталия Кажа (Ривош) и ее сын Раймонд. В семье бережно хранятся оригиналы его записей и желтые звезды. Те самые, сорвав которые в феврале 1942 года Ривош вышел на свободу.

САМА СЕБЕ АНОМАЛИЯ

АВТОР
ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

ФОТОГРАФИИ
ДЕНИСА ТЕРЕНТЬЕВА

МАЛЕНЬКАЯ ТОТЬМА С НАСЕЛЕНИЕМ 10 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК НАХОДИТСЯ НА ПОЛПУТИ МЕЖДУ ВОЛОГДОЙ И РОДИНОЙ ДЕДА МОРОЗА – ВЕЛИКИМ УСТЮГОМ. ВОКРУГ НЕПРИВЕТЛИВЫЕ ЛЕСА, ДО МОРЯ – ТЫСЯЧА ВЕРСТ, И НЕВОЗМОЖНО ПОВЕРИТЬ, ЧТО ИМЕННО ИЗ ЭТОГО ГОРОДИШКА НАЧАЛОСЬ ОСВОЕНИЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ, ЗАВЕРШИВШЕЕСЯ СОЗДАНИЕМ ФОРТ-РОСС В КАЛИФОРНИИ.

НЕ ВЕРИТСЯ, ЧТО В ЭТОЙ ГЛУШИ ВОЗВОДИЛИ ХРАМЫ в стиле барокко, не имея представления о Бартоломео Растрелли. По российским меркам Тотьма и сейчас представляет собой аномалию: в отсутствие градообразующих предприятий здесь нет ни безработицы, ни повального пьянства, а уровень доходов выше, чем в областном центре.

РУССКИЕ БЮРГЕРЫ

Тотьма – это российская провинция из сладких снов демографов: ухоженные деревянные дома, аккуратные снопы в поле, 170 видов узоров на наличниках и много молодежи. Здесь не найти ни одного брошенного дома с заколоченными ставнями, каких полно, например, в 100 километрах от Москвы. Отсюда до Вологды – более 200 километров, и на работу в центр никто не ездит: далеко и незачем.

– Глушь? Согласен, глушь, – считает владелец авторемонтной мастерской Игорь Скобелев. – У вас в столицах считают, что, если нефти с газом нет, украдь нече-

го, работать негде – все, вешайся с голода. А земля? А лес? А река Сухона? До самой Вологды по асфальту езжу – что еще надо? Скобелев говорит, что работы у него немного, потому что большинство тотьмичей ремонтируют свои машины сами. По мнению мастера, в этом – особенность логики крепкого хозяина: что можешь, сделай сам. А в больших городах логика иная: заплати и не заморачивайся. Скобелев разговаривал с коллегой в Вологде: поменять лампочку на фаре стоит 200 рублей, и каждый день по 10 человек приезжает. В Тотьме – ни одного за всю жизнь.

Тотьма не вечна перед временем, зато избежала глобальных перестроек

Этот город древнее Вологды

– В поле три месяца работаю, по 30–40 тысяч имею, – говорит тракторист Андрей Миронов. – Урожай вырастить и собрать, понимаешь, не проблема. Проблема сбыта наладить и обобрать себя не дать. Ведь обычно как бывает: собрались

мужики артель основать, подбили капитал, а им предлагают сто справок собрать. Что мужики сделают? Все бросят, деньги пропьют и будут рассказывать, что у нас чиновники фермера душат. А там делов-то с бумажками – на полторы недели.

В итоге в Тотемском районе остались четыре сельхозпредприятия вместо 20 колхозов, которые выдают вдвое больше продукта.

– Поедешь в Тотьму, обрати внимание: там все считают, что сейчас лучше жить, чем при большевиках, – предупреждал знакомый чиновник вологодской обладминистрации. – В провинции такое редко встретишь. Можно скотину держать и продавать, бизнесом заниматься, очередь за хлебом с пяти утра занимать не надо, а деревенские лузеры обычно все равно тоскуют по советам и не хотят видеть своих возможностей. В соседнем поселке Туровец условия лучше тотемских. Пять лет назад его включили в губернаторскую «пионерскую программу»: вологодские специалисты возрождают здесь ремесла и праздники, поощряют трезвость и раздают 300-тысячные беспроцентные займы на «развитие малого бизнеса».

– Муж по пьянке нас с дочкой гоняет, как и раньше, – вздыхает жительница Туровца Свет-

Здесь сохранилась патриархальная старина...

...Но продолжают рождаться дети

ланы. – Только теперь его в милицию не сдать, он – участник программы. На кредит нанял двух работников, а сам лежит, ничего не делает. У нас окрестные болота ягодой богаты, так люди в сезон два месяца пашут, продают ягоду дальнобойщи-

кам у трассы и весь год пытаются на эти деньги прожить.

В Тотьме мне рассказали, что ягоду тоже собирают, но продавать возят в Вологду или Москву – даже если сдавать оптом, выходит в два-три раза дороже. «Это другой народ», – говорят про тотьмичей все вокруг, как будто это какие-нибудь бургундцы. Но, заметим, наивысшее для России количество музеев на душу населения по большому счету ничего не говорит о культуре горожан. Настоящая проверка на вшивость – это День города.

ЛЕТНИЕ ВАЛЕНКИ

Вроде все как обычно: люди ручейками стекаются к городской площади, где стоит сцена, на которой зажигают бабки-частушечницы и пляшут дети. Полицейские в белых рубашках строго оглядывают толпу, вокруг идет торговля сувенирами, пыхтят самовары, за столами под шашлыки разливают пиво, медовуху и водку.

– А где у вас все пьяные? – спросил я у Нины, продающей местный квас.

Суббота, два часа дня. На аналогичном празднике в одном псковском городишке в такое же время и на таком же празднике я уже наблюдал бесчувственные тела, разъяренных женщин и спонтанные драки.

– Ну, бывает, кто-то напьется, – отвечает Нина. – Ну, отвянут товарищи домой. А чтобы вся компания перепилась до чертей – такого не бывает.

Недалеко от площади, где гремел праздник, шел футбольный матч областного чемпиона. Тотьмичи играли с соседями: на большом поле, с собственной формой, с бригадой арбитров и полусотней зрителей. Не в каждом провинциальном городе молодые люди будут вот так смотреть футбол, когда в 300 метрах весь город ест и пьет.

– У нас молодежь спортивная: футболисты, велосипедисты, борцы – кого только нет, – рассказывает бывший физрук Василий Павлов. – И никакие

они не трезвенники. Доиграют матчи, помоются, переоденутся и пойдут праздновать.

За шашлык и пару пива за столом на улице я заплатил около 500 рублей. Для глубинки это много, однако во второй половине дня здесь не найти свободных мест.

– Цены у нас выше вологодских, – подтвердил Олег, у которого я купил местную сувенирную подкову. – Зато и ассортимент лучше. Вот, например, летние валенки, видите – с вырезами, чтобы нога дышала. Это, конечно, прикол, но туристы покупают охотно.

– У нас нет крупных производств, но все население при деле, безработицы нет, – рассказывает пенсионер Иван Рябушкин. – Заправку при въезде видели? Туда человека месяц найти не могли. В Тотьме все с руками, поэтому и заработки хорошие.

На доме Рябушкина висит пять звезд и табличка «Здесь живет ветеран Великой Отечественной войны». Никаких отрядов «тимуровцев» здесь нет, но иногда приходят подростки – помогают по дому и огороду. В школе уверяют, что никого приказом не посыпали.

Празднуют в Тотьме иногда в бразильских тонах

Футбол – тоже часть праздника

ПЬЯНЫЕ БРАЗИЛЬЦЫ И МЕДВЕДИ

– Многие ребята после школы едут поступать в большие города, а получив диплом, возвращаются домой, – говорит школьная учительница Марина Брейдер. – Это дорого стоить, значит, у нас есть особый уклад, который даже образованные люди, повидавшие мир, ценят выше всего.

Я спрашивал у тотьмичей, что такого изобрели местные педагоги. Ведь никто же не поверит, что, например, образ прославленного мореплавателя Ивана Александровича Кускова сделал местную молодежь цельной, работающей и патриотичной. В ответ услышал массу путаных объяснений. Суть примерно такая. У Тотьмы было несколько веков расцвета в самых разных областях: мореплавании, солеварении, производстве игрушек, за которые Тотьму называли «русским Нюрнбергом». Простые истины, что процветание приносят труд и порядок, что деньги надо вкладывать, а не проедать, ушли на семейный уровень и пережили советскую власть. В провинциальной глупи старый уклад лучше сохраняется, но идеализировать ситуацию, как обычно, не надо. В местной газете мне показали заметку «Найден мертвый

ребенок, которого, вероятно, задушила мать».

— Мы же в России живем, а не в Швейцарии: есть и коррупция, и бытовуха, и бандиты, и плохая медицина, — говорит Марина Брейдер. — Но никто не хочет понять, почему население растет и люди живут хорошо, а никаких предпосылок к этому нет. Тут порода, понимаете? Ее веками создавать надо, тогда и сохранится надолго. Когда советская власть пришла, здесь не было люмпенов, чтобы своих же расстреливать. Здесь мальчишки всю жизнь соревновались, кто сколько ремесел знает.

Купцов уже сто лет нет, а деньги в долг до сих пор без расписок дают и домов не закрывают. Приезжают тысячи туристов в надежде увидеть наши прекрасные храмы и ужасы нищей глубинки. А храмы разве не тотьмичи строили?

Из 17 храмов великолепного «тотемского барокко» после советской власти осталось пять. Разрушены все колокольни, которые купцы-спонсоры норовили построить повыше, чтобы превзойти конкурента.

Считается, что Тотьма возникла в 1137 году. Хотя на самом деле это — дата первого упоми-

нания города в летописях: в XII веке Тотьма платила Новгороду 40 куных мехов, которые шли в казну Софийского собора. Город был славен пушным промыслом. Мимо Тотьмы по реке Сухоне проходил Северный торговый путь: до тысячи голландских, английских судов в год. Местные купцы вышли из мореходов и умели пользоваться моментом: Тотьма снарядила 19 экспедиций в Америку — больше, чем Москва и Вологда, вместе взятые.

Экспедиция тотьмича Ивана Кускова в 1789 году достигла берегов Нового Света с целью составить карту побережья Аляски. 23 года спустя Кусков спустился почти до Сан-Франциско и основал знаменитый Форт-Росс. Работники тотемских купцов Черепановых, Холодиловых, Пановых вывозили из Нового Света пятую часть добытой здесь пушнины. На гербе Тотьмы изображена черная лисица на золотом поле — это единственный случай, когда на гербе российского города помещен зверь, никогда не водившийся в России. Считается, что здесь в XV веке стали варить соль, а стоила она тогда на вес золота. Остатки старых солеваренных заводов сохранились, в соседней

В этом городке
не надо
объяснять, что
о ветеранах
нужно
заботиться

деревне Варницы можно даже увидеть остаток рассолоподъемной трубы. В XIX веке производство соли упростилось, ее стали делать на огромных заводах в Соликамске, и тотемский промысел сошел на нет. Но к тому времени Тотьма уже была сказочно богата.

В начале XX века на деньги местного мецената Николая Токарева открыли ремесленную школу для крестьянских детей, где обучали изготовлению игрушек и предметов домашнего обихода. В школе действовало несколько мастерских: слесарная, токарная, плотницкая, жестяницкая, корзиночная, игрушечная. Уже в 1905 году на международной выставке в Льеже школа из российской глубинки была удостоена Гран-при, тотемские игрушки успешно продавались в Париже и Берлине, а саму Тотьму называли «русским Нюрнбергом» (до трибунала 1945 года Нюрнберг ассоциировался в мире исключительно с производством игрушек).

– В разных регионах России всегда находились небольшие города, относительное благополучие которых базировалось на

культурное наследие часто нуждается в реставрации

Однако в вологодскую глушь не прекращается поток туристов

традициях и трудолюбии населения: Мышкин, Выборг, Александров, Утулик, Тотьма и многие другие, – говорит социолог Сергей Прозоров. – Если бы кто-то всерьез анализировал их опыт, можно было бы продвинуться в создании эффективной программы спасения глубинки. Но социального заказа нет, разрозненные записки отдельных исследователей не дают полной картины.

ТОТЕМСКАЯ ПОРОДА

Глава Тотемского района Николай Трофимов вполне серьезно говорит, что проблем в городе больше, чем достижений: дороги все-таки неважные, на неко-

торые инженерные должности не найти специалистов. Район собрался вложить деньги в новую больницу, а привлечь молодых врачей непросто.

– Потихоньку решаем проблему, приобретаем для них квартиры за счет бюджета – две-три в год, больше пока не можем, – объясняет Николай Трофимов. – Основой экономики должен стать туризм, но сложно рассчитывать, что частные фирмы обеспечат нам нужный поток гостей. Создали свое муниципальное турагентство, пытаемся реформировать инфраструктуру, но хорошие дороги слишком много стоят. Феномен Тотьмы в ее людях, поскольку

нефти с газом у нас нет, а церквей и красивых пейзажей полно по всей России. Значит, для развития нам нужно создавать условия для достойной жизни тотьмичей.

Трофимова слушаешь, словно иностранца. Ведь едва ли не самый модный тренд провинциальных управленцев – сокращать количество школ и больниц, чтобы снизить нагрузку на бюджет. Но в Тотьме большая часть чиновников – не варяги, а местные жители, которые почему-то редко уходят на повышение в Вологду.

Главный управленческий принцип в Тотьме прост как помидор: делать все на перспективу. Например, в любом провинциальном городишке больше половины бюджета уходит на ЖКХ. Гнилые трубы, убитые подстанции – это крест на любых планах. Чаще всего градоначальник постоянно латает бреши в полуживой системе, чтобы успеть уйти на повышение до того, как случится серьезная авария. А в Тотьме в течение пяти лет тратили львиную долю бюджета на дорогие металлопластиковые трубы, не требующие замены лет сто. И в итоге

получили результат – свободные финанссы, которые сегодня можно потратить на квартиры для врачей. Ведь только при налогии больниц и школ в городе будут оставаться жители. А дальше – нужно везение.

В 2010 году знаменитый путешественник Федор Конюхов выбрал Тотьму среди десятков городов, чтобы основать здесь детскую школу своего имени. Традиционным «хитом» будет сплав по реке Сухоне. Конюхов пояснил, что по рождению к Тотьме никакого отношения не имеет и пороги на Сухоне не самые интересные, но местные власти приложили массу усилий, чтобы оборудовать качественные маршруты. Вроде бы не сильно перетрудились, но бренд «Федор Конюхов» уже повысил число иностранных туристов в Тотьме.

– Едут американцы, китайцы, японцы, австралийцы, даже бразильцы – и все готовы фотографировать на наших улицах голодных детей и пьяных медведей, – подтверждает Галина, администратор гостиницы «Варницы». – Но медведи у нас только в лесу и в краеведческом музее – и то в виде чучела. А вот

«Тотемское барокко» смотрится среди русской природы вполне гармонично...

...Как влюбленные на берегу реки

сами иностранные гости иногда напоминают животных: напытятся, заблудятся и ночами ломятся в жилые дома. Гостиниц у нас всего две, поэтому жители вздыхают, сажают интуриста в машину и привозят к нам на «опознание»: мол, смотрите, ваш или не ваш?

Вечером в День города я бродил по улицам и фотографировал резные элементы домов. Навстречу мне шли двое местных парней, один из них был сильно навеселе. Он что-то пробурчал по поводу моей фотокамеры, но товарищ подхватил его под руку и повел быстрее. «Не позорь нас», – услышал я за спиной. ¶

ГРИШКЕ И НЕ СНИЛОСЬ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТОГРАФИИ

ВЛАДИМИРА КОЛЕСНИКОВА

25–27 МАЯ В ДОНСКИХ СТАНИЦАХ КАРГИНСКАЯ И ВЕШЕНСКАЯ ПРОШЕЛ ТРАДИЦИОННЫЙ РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ФОЛЬКЛОРНЫЙ ПРАЗДНИК «ШОЛОХОВСКАЯ ВЕСНА», ПОСВЯЩЕННЫЙ 107-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ШОЛОХОВА.

КТО В РОССИИ НЕ СЛЫХАЛ про станицу Вешенскую? Но многие даже не догадываются, что добраться до нее нелегко. Самолеты туда не летают, хотя скромный аэропорт с полуторакилометровой взлеткой имеется. Теплоходы по верхнему Дону давно не ходят, фарватер гуляет. Железной дороги рядом нет.

От ближайшей станции Миллерово – 146 километров по автотрассе местного значения. Остановиться на ночь в Вешенской тоже непросто. Гостиницы есть, но на «Шолоховскую весну» приезжает до 100 тысяч человек, на всех не хватит. Хорошо, когда на Дону есть добрые друзья. Встретят, помогут, проводят.

«НАД ДОНОМ ИДЕМ...»

...Идем над Доном степью. Вдоль южного берега – упирающиеся в берег меловые курганы, прячущиеся в глубоких балках шапки акаций, редкие нитки проводов на крестообразных столбах. И – ковыль, серебристыми волнами накрывающий пока невысокую и жестковатую майскую траву. Эта дорога – из древней станицы Усть-Медведицкой. От нее до Вешенской около сотни верст. И вся сотня – высокое плато, покрытое где степной травой, где вспаханными полями. Полоса донской воды сверкает вдали по правую руку редко. Придорожные таблички сообщают у съездов с главной колеи: станица такая-то, хутор такой-то... Но жилья не видно. Казачьи хутора спрятаны у самого берега

в распадках и рощах. Так уж привыкли. Со времен Дикого поля, когда первые верхнедонские казачьи городки граничили с кочевьями степняков.

Пересекаем границу Волгоградской и Ростовской областей. Спускаемся с крутояра. Хутор Плещаковский. В шолоховском «Тихом Доне» о нем тоже есть. Сюда приезжал на покос Пантелеев Прокофьевич Мелехов и, прежде чем начать работу, крестился «на беленький стручок далекой колокольни». Это на том берегу Дона, в станице Еланской. Храм стоит и сегодня. Белый, состройной колокольней «стручком».

Исследователи творчества нобелевского лауреата до сих пор пытаются определить, какой именно хутор или станица ста-

ли прототипом для вымышленного Татарского, где жили герои романа. Называют станицу Каргинскую, где сам Шолохов прожил в общей сложности лет пятнадцать, хутора Калининский (раньше – Семеновский) и вот этот – Плещаковский.

– Остановимся, – предлагает замечательный донской фотограф Владимир Колесников, он же – друг, ставший нашим поводырем в дни «Шолоховской весны».

Вылезаем из машины. Небо в темно-серых разводах, вот-вот польется дождь. Ветер холодный и чем-то сильно недовольный.

– Повезло, – говорит Владимир. – Если и в Вешках такая же погода, значит, мошки не будет. Жрет этой весной, проклятая, как давно не жрала. Вода на Дону высокая. Вот и развелось... Так уж снял Герасимов свой фильм, что люди сверяют собственные впечатления с картинками из «Тихого Дона». Да и Шолохов написал – дай Боже. Стою-смотрию в степную даль и вижу, как идет этими дорогами Григорий Мелехов, спокойно и уверенно приближаясь к хутору Ягодному, что верстах в 15 отсюда. Идет с армейским сидором на плече, позякивая крестами на шинели, – к Аксинье идет. Ягодный, между прочим, живой и нынче.

Проселочная дорога втекает в станицу Базковскую, тоже – «героиню» шолоховского романа. А дальше – самая трасса Миллерово–Вешенская. На высоком кургане, нависающем над дорогой, громадный коршун на постаменте. Чуть ниже надпись, высаженная травой, – «М.А. Шолохову». А под надписью несколько человек, маленьких-маленьких, точно стрижки. Задрав головы, глядят на коршуна, завороженные.

Дело за малым: пересечь мост над Доном, успев взглянуться в Вешки, разбросанные на северном берегу. Затем – попытаться понять происходящее, увидев дорожный указатель «Вешенское сельское поселение».

– А где станица? – спрашиваю друга-поводыря.

– Это и есть станица, – отвечает он, поводя густыми казачьими усами. – У казаков теперь нет станиц. У казаков теперь станицы и хутора – целые сельские поселения. Вот так...

Развязка, правый поворот и две полицейские машины, перегородившие въезд в Вешенскую. Дородный старлей устало, но вежливо объясняет, что никак нельзя на машине, что нужно было заранее заказать пропуска по электронной почте, что народу много и, если всех пускать, Вешки в Москву превратятся. А потому, ребята, вот вам парковка – и три километра до центральной площади пешим порядком.

Но Вешки – не Москва. И хорошо, когда на Дону есть добрые друзья.

Один из них, живущий в Вешенской, промышляющий медом, рыбалкой и охотой, встречает нас недалеко от полицейского поста и показывает лихую дорогу. Через несколько минут машина уже в центре станицы. Автомобилей на самом деле множество. Аккуратно выстроились вдоль частных заборов на нешироких улицах – и никаких тебе пропусков на лобовых стеклах.

– Можно было бы прилично пополнить бюджет сельского поселения, – делюсь меркантильным опытом жителя мегаполиса.

– Можно, – отвечает встретивший нас казак. – Но скучно...

НА ДОНУ НЕ ПОЮТ, А ИГРАЮТ

Тут и вправду так говорят – сыграем песню!

Игра уже началась. Песни льются со всех сторон. Все «умные» мероприятия под крышей привились на предыдущий день. В пятницу 25 мая состоялись официальные концерты, круглые столы, встречи с писателями и исследователями творчества Шолохова. А сегодня – все на улицу!

Центр Вешенской – это две площади, соединенные короткой и широкой аллеей с фонтаном. Ну и, конечно, – берег Дона, где стоит весьма потрепанное вре-

менем здание гостиницы «Дон», архитектурно напоминающее речной теплоход, и памятник Григорию и Аксинье внизу, рядом с береговой кромкой.

К Гришке, однако, не подойти. Берег огорожен турникетами. На временной эстраде-дебаркадере идут последние репетиции вечернего шоу. На сцене – до сотни молодых людей, мегафон разносит грозные команды режиссера. Вокруг памятника и эстрады суетятся молчаливые пиротехники. К ночи устроители фестиваля обещались запустить невиданный фейерверк. Ну, фейерверками нас не удивить. А вот на верхних площадях, стоило туда вернуться, удивляемся без конца.

Перво-наперво – количеству народа. Солнце явно не обещается, воздух не более 12 градусов, то и дело затевается дождь, но людей все прибывает. Кстати, в последующих отчетах пытались найти какие-нибудь цифры. Напрасно. У донцов свои ценности. Какая разница сколько? Пришел народ, забил площади и аллею до отказа – и хорошо. Это вообще характерная черта казачьего мира, подмечен-

ная мною за несколько лет путешествий на верхний Дон. К сути тут относятся куда более серьезно, чем к форме. Рядом с главной сценой – огромный баннер: «107 ШОЛОХОВСКАЯ ВЕСНА». Формалист тут же придрался бы: фестивали проводятся с 1985 года, и нынешний никак не может быть 107-м. А число «107» – это шолоховский день рождения. Правильно. Только казакам до этого, как до Мурманска. Ведь понятно же? Понятно! И слава богу!

Только к одному виду формы отношение более чем серьезное – к казачьей форме одежды. Вот мужчина, купивший казачью фуражку прямо тут, на развале казачьей справы, водружает синюю тулью с красным околышем и кантом на голову супруги – и сразу слышит спокойное, но настойчивое: «Сними. Не забава. Жинкам не положено»...

Но и тут – без формализма. Кто – при полном параде: донцы в синих гимнастерках, шароварах и фуражках; кубанцы в черных черкесках, папахах, красных бешметах и с красными же башлыками; астраханцы

в желтых лампасах, терцы – в голубых бешметах и черных черкесках. Кто – в «элементах», довольствуясь либо головным убором, либо штанами с широкими красными лампасами. Есть казаки с нагайками и даже шашками, есть – вооруженные только фото и видеокамерами. Однако форма у всех пригнана, сапоги у многих шиты на заказ с чуть расширенными голенищами, в которые при случае можно засунуть нагайку – в правый и ложку – в левый.

Есть ныне расхожее выражение: «ряженые казаки». В России так называют всех без разбора, предпочитающих ходить не в цивильном, а в казачьем платье. На Дону «ряжеными» считают не тех, кто в форме, а тех, кто таким образом, извините, выпендривается. Кто, потеряв казачью суть, формой только балуется.

Удивляемся дальше. Казаки в форме, конечно, хороши. И естественны. Но казаки!.. Фольклорных ансамблей и групп собралось столько, что не сосчитать. И каждый хор – свой цвет, свой колорит, свои рюши и воланы, свои кружева и узо-

ры на платах. Глубокий синий, розовый, фиолетовый, молодой травы; цветы и крестики на темной ткани широких юбок... И все это двигается в неудержимом хороводе, поднимается на сцены, пляшет, обнимается, смеется, пританцовывает!

Вот сходят с главной сцены казачки в платьях цвета свежей сирени. С ними два казака, только что отыгравших песню вволю.

– Откуда будете? – спрашиваю.

– Станица Мигулинская, – охотно отвечает высокий казак с шальными глазами.

– А как называется ваш ансамбль?

– Да никак не называется. Станицы Мигулинской ансамбль... Тут почти нет профессионалов. Большинство коллективов – любительские: станичные, а то вовсе хуторские. В основном из Ростовской области. Оно и понятно: одновременно с Шолоховым чествуют Ростовскую землю. Области в этом году – 75 лет.

Хотя что значит – чествуют? Чествуют на официальном уровне, растижками и плакатами с соответствующими надписями. На сцену поднимаются человек двадцать в темных костюмах и при галстуках. Лица ответственные, глаза неулыбчивые. С ними – несколько батюшек во

главе с архиереем. Тоже почему-то мрачноватые. Звучит речь. От имени... позвольте... 75 лет... Шолохов... приветствуем!..

Эти – чествуют! Не слишком, вероятно, задумываются о том, что земли Всевеликого войска Донского были распилены в советское время на не существовавшие ранее административные единицы, а также отчуждены в пользу соседних губерний. Что поделаешь, должности обязывают.

Группа в костюмах сходит со сцены и отправляется к Дону, возлагать цветы Григорию и Аксинье. Их провожает взглядом изваяние Ленина, стоящее перед зданием администрации Вешенского сельского поселения. Стоит себе Владимир Ильич, будто и не подписывал никогда письмо, адресованное Дзержинскому в апреле 1920 года, в котором имелись такие строки: «Задача органов В.Ч.К. заключается в том, чтобы само слово «казачество» исчезло из русского языка раз и навсегда». И будто не он же в 1919-м телеграфировал в областной ревком Донской области об упразднении понятия «станица».

Цитировать Ленина на тему казачества можно бесконечно долго. И все – не в радость. А на площадях вновь грохочет празднник. Играет песню пожилой азовский казак с седыми

вислыми усами и георгиевской ленточкой на портупее под пепрепев женского хора. Да так играет, что вся тысячная толпа шевелится в притопах и выдыхает слова припева.

По периметру вокруг фонтана разбиты курени. Имитация казачьих хат, дворов, хозяйств. Курень Верхнедонской, Боковский, Милитинский, Советский... Последнее сочетание смотрится даже весело. На сплетенной из ивняка сторожевой вышке замер манекен в казачьей форме. Внизу, у лотков и столов, совсем не манекены. Казаки демонстрируют справу, казачки угощают яствами и напитками. В одном из куреней все желающие катают вареники.

– Неужто самогон? – кивая на впечатительную четверть с прозрачной жидкостью, интересуюсь у казачки, едва успевающей наливать в стопки и подавать на закуску ломти соленого арбуза.

– Истинно, – отвечает с улыбкой. – На попыни настоящий...

Мысленно отвлекаюсь на секунду и представляю профессиональный интерес к процессу, неизбежный в такой ситуации у представителей правопорядка в Москве. Мимо куреня медленно и безразлично следуют два омоновца.

Эх, воля! Вспоминается хрестоматийное: с Дона выдачи нет! Под вечер выезжаем из Вешенской. Той самой дорогой, по которой утром не пустили. Пост. Ба, и старший лейтенант тот же. Машина у нас приметная. Смотрит во все глаза. И вдруг широко улыбается. И фуражку ладонью – набекрень.

ДОНЦЫ: КОНИ И ЛЮДИ

Один замечательный человек при должности отмечал 60-летие. Статус требовал превратить личное в общественное. Гостей собралось человек 200. И вот когда все уже расселись за столами в знаменитом ресторане, юбиляр шепнул мне на ушко:

– Что ж, пошел работать...

Вновь дорога в степи. Маршрут уже знакомый. Коршун и «стри-

жи» под ним. Последний день Шолоховского праздника, но на Вешенской развязке поворачиваем не к станице, а в противоположную сторону. Скаковой круг – на полпути между Вешками и хутором Дубровским. Подъезжаем к 10 утра, строго по графику. Но казаки просыпаются рано. Везде, где можно, уже стоят табором сотни автомобилей. Над скаковым кругом с западной стороны холмы высотой метров 30 и углом наклона под 45 градусов – так и туда машины забрались. И ладно бы «нивы» и прочие внедорожники. Нет, любые, даже «карманные» микролитражки. На огромной поляне внутри скакового круга вовсю разминаются другие кони – настоящие, в одну натуральную лошадиную силу. Не сказать, чтоб шибко много, голов 40. Я по наивности думал, что на скачки в Вешенскую прискакут эскадроны. Вернее, казачьи сотни. Но со скаковыми лошадьми нынче на Дону не слишком хорошо. Не так плохо, как лет десять-пятнадцать назад, но и не так здорово, как перед Первой мировой. Что в общем-то объяснять и не требуется. «Железный конь пришел на смену крестьянской лошадке». Извините, казачьей. Хотя в степи верховые изредка попадаются. Все больше пастухи при хуторских стадах.

Однако интерес к любительским скачкам на Дону от этого не падает. На холме и вдоль старого ограждения, сбитого из посеревших от времени и ветров тонких акациевых стволов, – тысячи зрителей. От старых казаков и казачек до детишек, прилипших в ожидании к скаковой дорожке. Сама дорожка – взбитая серо-коричневая земля безо всяких ипподромных наворотов. Идти по ней наметом – мало не покажется. Длина круга – километра три. Перед скачками – показательные выступления казаков из добровольческих дружин Ростовской области. Или – войска Донского? Тут все – джигитовка, владение пикой, шашкой на скаку... Видно, что не цирк. Ребята работают с ограждами, но и с настроением. Сразу понятно – это не только не цирк, но и не спорт. Это – не работа, связанная с утомляющими юбилеями. Это – удовольствие. А по большому счету – жизнь. Из мощных колонок, питаемых от установленного в «уазике» генератора, несется «Пчелочка златая, что же ты жужжишь?». Над бричкой, запряженной парой, развевается флаг войска Донского – три горизонтальные полоски. Сверху вниз – синяя, желтая, красная. На насекомо сбитом подиуме – несколько человек. Организаторы. В руках одного, видимо, судьи-информатора, не-

сколько листов бумаги. Подхожу ближе, интересуюсь, нет ли какого протокола соревнований. Смотрят как на чумного.

Здесь тоже все – неформально. Всадники в большинстве одеты в казачью форму. Два жокея в профессиональной амуниции выглядят странно. Позже узнаю, что это – ростовские. Остальные – из станиц: Вешенской, Калининской, Белой Калитвы, Миллерово. Кое-кто прибыл из соседней Воронежской области. Как-то быстро и по-свойски объявляют первый заезд. Стартовая черта условна, и кони играют прямо перед глазами публики, окружившей судейский подиум. Поехали! Лошади уходят к дальней дуге круга. Казачий термин «намет», кавалерийский «аллюр три креста», общепринятый «карьер» – все годится, чтобы представить, как в пыльной пелене несутся кони под всадниками. Считаные минуты – и лошади, точками мелькавшие вдали, укрупняются и превращаются в тире финиширующих фигур. Аплодисменты, награждение, следующий заезд.

Судья-информатор не утруждает себя точностью сообщений.

– На награждение вызывается такой-то, – голосит он в микрофон. – С конем по кличке Азалия...

Не знаю, обиделась ли Азалия, но должна бы. Какой же она конь?

По результатам одного заезда зрители узнают фамилии победителей, по результатам другого – географическую принадлежность всадников. А то и вовсе подарок – сообщаются клички лошадей-призеров. Но публика не за этим пришла. Публика просто наслаждается красотой самих скачек. Это не цирк, чтобы знать прозвища клоунов. Это не спорт, чтобы помнить фамилии голеадоров. Это не работа на собственном дне рождения. Это – удовольствие. Это – жизнь.

На вершине холма в первом ряду стоит какой-то скромный «шевроле». На переднем сиденье – дед во сто лет. А перед

«шевроле» застыли трое молодых людей, глядя на очередную скачку. Сбоку голос, негрубо, но настойчиво:

– Эй, братцы! Дайте старику посмотреть...

И молодые люди послушно меняют позицию, не бросая в ответ такое знакомое по столично му муравейнику: «Э, слыши! А ты чего ваще, а?»

Проходит полтора часа – и финиширует последний заезд. Солнце рвет плотную ткань облаков. Вновь «кужжит пчелочка» в усилителях. Уже расседленные кони шагом покидают внутреннее пространство круга, отправляясь к коновозкам, притулившимся к полосе деревьев в стороне. Машины, словно взнужденные лошади, бросаются с косогора вниз. Аккуратно сползает и «шевроле» с дедом. Следом и мы, пристраиваясь к колонне на Вешенскую.

Уже по дороге домой Владимир делится секретами:

– Третьего июня большая скачка на Перелазе.

– А где это?

– Это уже в Волгоградской области, недалеко от станицы Клетская. 80 километров с лишком от Вешенской по прямой. Хутор такой – Перелазовский. Там на Троицу частенько скачут...

Жаль, далеко до Перелаза. Не дорога далека. Время не пускает. За полдень о дожде и суровом небе можно было только вспоминать. Солнце накрыло степь теплым покрывалом, колеи дороги, рассекающие шевелящийся ковыль, высохли на глазах. Из-под колес то и дело выносятся крохотные овсянки. Роняет последние лепестки отцветающий тут и там дикий шиповник. Вот и внимательный коршун, изловив поток нагретого воздуха, расправил крылья и парит, подрагивая кончиками перьев. Выше, выше. Слева вдали, в провале меж двумя материами курганами, миражом высветилась станица Еланская. Редкие теперь уже крыши хат, зелень по окраинам и на берегу Дона, белый «стручок» колокольни храма Николая Чудотворца. Жаль, далеко Еланская...

Второго июня – еще один памятный день на Дону. Пятьдесят лет назад, в 1962-м, в старой казачьей столице Новочеркасске случилось восстание. О нем молчали в советское время, не слишком вспоминают и сейчас. Когда начались беспорядки среди населения, вызванные тяжелейшими условиями жизни, в город ввели солдат и бронетехнику. Был открыт огонь на поражение. Погибло 26 мирных жителей, более 80 получили ранения. После подавления восстания свыше 100 человек пошло под суд, семерых «зачинщиков беспорядков» расстреляли. Понятно, что в дни Шолоховского фестиваля в Вешенской об этом не говорили. Говорили об этом в Еланской, 2 июня на конференции, приуроченной к памятной дате и организованной великим энтузиастом казачьего мира Владимиром Мелиховым. Но прежде – молились за души невинно убиенных. Тихий-то он тихий, батюшка-Дон, а сколько всего? Гришке Мелехову и не снилось. Хотя, что говорить, и ему судьба выпала истинно казачья.

ПО СЦЕНАРИЮ ИСТОРИИ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТОГРАФИИ

АНАСТАСИИ ПЕТРОВИЧ

МАЛЕНЬКИЙ ВОЛОГОДСКИЙ ГОРОДОК КИРИЛЛОВ ГОТОВ ЕЖЕГОДНО СПАСАТЬ РОССИЮ ОТ СМУТЫ XVII ВЕКА.

ЗА ШУМНОЙ ПОДГОТОВКОЙ к юбилею Отечественной войны 1812 года несколько забытым оказалось 400-летие освобождения России от польско-литовских интервентов. Расположенный в Вологодской области Кирилло-Белозерский монастырь, крупнейший в Северной Европе, готов символически выступить в роли главного места сражения Смутного времени. Как, к примеру, Бородинское поле для Отечественной войны. В июне в Кирилло-Белозерском монастыре прошел фестиваль, посвященный осаде обители в 1612 году. Реконструкция осады, в которой приняли участие 16 военно-исторических клубов из десятка городов России и Польши, собрала более 6 тысяч зрителей. Замыслы авторов (в оргкомитете туляки, москвичи, калужане и череповчане) превратить фестиваль, посвященный событиям XVII века,

в крупнейший в СНГ, имеют все шансы претвориться в жизнь. Ведь под юбилейным стягом 400-летия осады его можно проводить еще пять лет – осаждающие не отходили от стен Кирилло-Белозерского монастыря до 1618 года.

НА ВСЮ ЖЕЛЕЗКУ

...Осада монастыря началась с раннего утра первого дня фестиваля: рев клаксонов сотен легковушек и автобусов заставил дрожать древние стены. Тысячи зрителей из окрестных городов, Москвы и Санкт-Петербурга разместились вокруг огороженного веревочками ристалища и на галереях стен Нового города, превратив их в театральные ложи. Стены не возмущались: в 1612 году участия в сражениях они не принимали, поскольку были возведены полувеком позже. После парада участников началась собственно реконструкция.

Под бравурную музыку русские воины за полчаса отразили три набега захватчиков, убили предводителя интервентов, полковника Песоцкого, и вытеснили врагов за веревочки, то есть за границы монастырских владений. «Монастырь устоял, как устояла Россия, возродилась ее былая мощь и величие», – произнес в завершение боя диктор. Лязг мечей, гром пушек и особый, ни на что не похожий запах пороха, многими почитаемый за аромат самой Истории, заставляли публику то в восторге замирать, то неистово аплодировать. За защитников монастыря болели почти как за сборную России по футболу. Помимо реконструкции осады зрители увидели турниры среди лучников, фехтовальщиков и конников, на скаку разрубавших кочаны капусты, побывали на средневековой ярмарке, постреляли из лука и арбалета и прослушали несколько интерактивных лекций по истории Смутного времени.

– Посмотрите, как реагируют люди на происходящее, – радуется директор Кирилло-Белозерского музея-заповедника Михаил Шаромазов. – Мы, безусловно, заинтересованы в развитии этого фестиваля. Кирилло-Белозерский монастырь многие до сих пор считают «великой государевой крепостью», как назвал его патриарх Никон, и мы хотим, чтобы эта слава не угасала. Сегодняшний музей не может ограничиваться академическими экспозициями. Посетитель с каждым годом становится избирательнее и ждет от музея погружения в эпоху.

Пороховой дым – запах эпохи. В Кирилло-Белозерском монастыре пороха не жалели ни в 1612 году, ни четыреста лет спустя

Во время фестиваля стены нового города монастыря превратились в зрительские ложи

Чтобы согласиться с директором, достаточно было посетить посвященную 400-летию осады выставку, работающую в Архимандритском корпусе музея. В залах, где за стеклом разложены куски кирпича и черепицы старых монастырских стен-укреплений, а также подлинные кольчуги, мушкеты, пищали и пушечные ядра, снаряды не рвались и порохом не пахло. Тишину нарушал шорох музейных тапочек посетителей. Воскрешенная история бушевала за окнами и привлекала тысячи зрителей.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ И САМЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ

Начало XVII века – находка для современных устроителей исторических шоу. В то время уже применяли артиллерию, но еще активно использовали холодное оружие. Сражались как в блестящих доспехах и кольчугах, так и в цветных стрелецких кафтанах.

– Открыть фестиваль по XVII веку – наша старая задумка, и мы очень рады, что она нако-

нец реализовалась, – рассказывает один из организаторов «Кирилло-Белозерской осады», руководитель Тульского молодежного клуба исторической реконструкции и фехтования Олег Лукьянов. – Мы очень долго искали место для проведения такого мероприятия, потому что место – это едва ли не самое главное в фестивале. Оно дает не только картинку, но и особый исторический дух. Кирилло-Белозерский монастырь идеально подошел для наших планов. От Тулы, конечно, далековато, но поверьте, таких комплексов, как в Кириллове, из этой эпохи в России больше нет. Существуют Тульский кремль и Коломенский кремль, но здешнему монастырю они уступают. Гостю из Тулы вторит местный историк Андрей Цветков.

– Уникальность Кирилло-Белозерского монастыря не только в гигантской территории, но и в том, что его архитектурный комплекс за последние триста лет практически не изменился, – объясняет он. – Посетители говорят, что здесь ощущается особая атмосфера древности. А знаете почему? Потому что из-за стен не торчат высохшие и другие признаки современности. Таких монастырей в России осталось очень мало.

Выбор крохотного городка Кириллова, который и сегодня считается глубинкой (железной дороги тут до сих пор нет), отвечает и еще одной цели авторов «Кирилло-Белозерской осады»: показать, что в войнах побеждает провинция, а не столица. Избавление в 1612 году Москвы от захватчиков не спасло от них всю Россию, а переложило головную боль на регионы. Изгнанные из столицы банды отправились на север, грабя и сжигая города. Кирилло-Белозерский монастырь стал одним из десятков обителей и крепостей, устоявших против нашествия пришельцев. Но под стенами этого монастыря сбились более серьезные силы, чем у многих других осажденных русских городов. По слу-

хам, в подвалах монастыря хранилась государственная казна. Породил эти домыслы сам Иван Грозный, покровительствовавший монастырю и заявлявший, что в случае взятия Москвы врагами перенесет царскую ставку в Кириллов. При Грозном монастырь начал строить каменную ограду с 8 башнями. Работы были завершены всего за две недели лет до осады.

И каменные стены, бесспорно, спасли монастырь. Защищали обитель около 200 стрельцов, небольшая конница, состоявшая из местных дворян и их крепостных, и несколько десятков монахов. О численности интервентов говорить сложно: за годы осады отряды нападавших неоднократно менялись. Первые из них появились в Кириллове в августе 1612 года. Почти беззвучно подобрались ночью – пешие и на лодках, с лестницами – к стенам монастыря сразу с трех сторон, но взять крепость не смогли. Набеги разрозненных банд чередовались с атаками обученных войск. Отражать нападения с годами становилось все труднее – согласно сохранившимся письмам и летописям, спустя три года после начала осады съестные запасы в монастыре иссякли, нанятые защитники стали покидать святые стены. Даже деньги не могли их остановить. Купить хлеб в окрестностях Кириллова было невозможно: города, села и деревни лежали в руинах и регулярно грабились польско-литовским воинством. Кульминацией осады стало появление под стенами монастыря в 1613 году польского полковника Песоцкого, который возглавил нападение. Он принес в российскую глушь последние изобретения европейской осадной науки и устроил блокаду монастыря, сопровождая ее неожиданными атаками. Во времена одной из них стрелец, чье имя история не сохранила, выстрелом из мушкета убил полковника (в реконструкции после нескольких самоотводов на эту роль был назначен Андрей из Владимира, который в течение

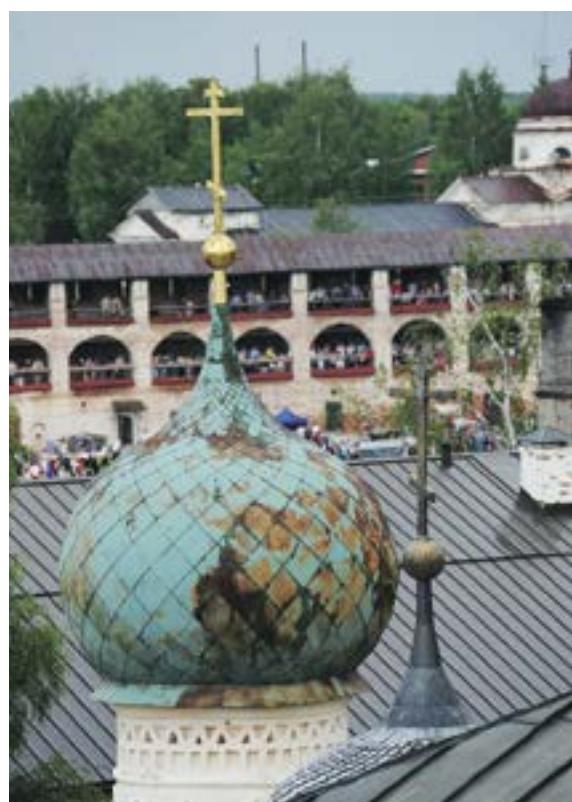

В турнире разрушения кочана на скаку победил Дмитрий Логинов из Владимирской области

Кирилло-Белозерский монастырь считается крупнейшим на севере Европы. Пятнадцать лет назад он отметил 600-летие

суток учился красиво падать с коня). Это был сокрушительный удар по нападавшим – организовать серьезный штурм после этого они так и не сумели. Между тем за период шестилетней осады население края сократилось на две трети, опустело большинство деревень и сел, вдвое уменьшилось число оборонявших обитель стрельцов. Все это убедило насељников Кирилло-

Белозерского монастыря в необходимости возведения второй линии оборонительных стен, к которым с лестницей не подступиться. Но строительство новых, 11-метровых стен и 50-метровых башен по их углам началось лишь через тридцать с лишним лет, когда монастырь оправился от разорительной деятельности непрошеных гостей. К счастью, на обитель больше не нападали. Правда, они неожиданно пригодились во время Великой Отечественной войны. В голодные годы большая монастырская территория использовалась для посадок: урожай за высоченными стенами, защищавшими овощи и злаки от ветра, был щедрый...

В ЛАГЕРЕ XVII ВЕКА

– Для нас фестиваль – это не показательные сражения для зрителей, – говорит один из организаторов «Кирилло-Белозерской осады», Вячеслав Налимов из Череповца. – Это, скорее, наша плата за то, что наспускают в исторические места. Наш фестиваль – это несколько дней жизни по законам тех времен, какие мы выбрали и какие любим. Настоящий спектакль происходит не на сцене, а в лагере. В «миру» Вячеслав Налимов – предприниматель, а на поле реконструированного сражения – неистовый предводитель

После реконструкции сражения зрители могли пострелять из лука и пофехтовать на деревянных мечах

русского войска XVII века в шлеме с крыльышками. В разбитый под стенами монастыря лагерь, куда он нас пропроводил, любым лекарствам путь закрыт. К порезанному пальцу здесь прикладывают подорожник и заматывают его тряпкой. Пищу готовят на костре (преимущественно каша и жареное мясо), едят из глиняной посуды, поют старинные песни, спят на соломе в палатках, сшитых из льняной ткани. Мобильные телефоны отключены. Хочешь поговорить – уходи подальше от лагеря. В одежде и внешнем облике (борода, длинные волосы) аутентичность тоже соблюдается. После недели-двух такой жизни даже лошади, которых возят на места исторических сражений в автофургонах, начинают шарахаться от встречных машин и бить копытом, заслышив горн.

Лагерь «Кирилло-Белозерской осады» состоит из 20 с лишним белых палаток, над каждой из которых реет свой стяг. Его честь каждая из дружин (клубов) защищает на всевозможных турнирах и фестивалях, хотя служить может кому угодно. Воины и сегодня выбирают себе «князя». Чаще всего им является увлеченный историей мэр города, где поддерживают военно-исторические клубы, переманива-

ют экипированные воинства других населенных пунктов, в которых помочь не оказывается. Переезжать не нужно, просто выступай от имени. Потому что нередко смоленские полки квартируют в Твери, а московские забираются на Урал. В лагере пахнет костром и шашлыком, будущие «поляки» устраивают коням разминку, под навесом прячется от солнца ры-

Заразить детей и молодежь интересом к истории России – одна из целей фестиваля

царь в полных доспехах. Неподалеку купаются с десяток молодых людей в белых рубахах – перед сражением, даже таким, где убитые и выжившие расписаны заранее, так положено. На озере девушки стирают белье. Чем занимаются женщины на фестивалях? Еду готовят, ведут хозяйство, как и положено. Встреченная в лагере Мария из Тулы сообщила, что на женщин дружины обычно возлагает одно не средневековое поручение – фотографировать сражение. Сама Мария сегодня без фотоаппарата, поскольку получила роль. Небольшую, но ответственную. Получила, потому что может визжать звонче всех женщин лагеря. «Я играю деревенскую девушку, которую возьмут в плен интервенты, но наши воины меня отобьют», – задорно рассказывает она.

Одного из будущих воинов-спасителей Марии, Дмитрия Логинова, мы застали за седланием коня. Дмитрий живет в городе Радужный Владимирской области и работает на заводе. Но это только по паспорту и трудовой книжке...

– «Хобби» не очень подходящее слово для того, чем мы занимаемся, – говорит он. – Ведь для чего человеку хобби? Чтобы отдохнуть. А для меня история и Средние века – это образ жизни. Я еще немного Наполеоновскими войнами занимаюсь, но в Средних веках мне комфортнее. Рыцарство, благородство, романтика... Для меня идеальный образ настоящего мужчины – европейский дворянин XIII–XIV веков. Я с детства этим увлекаюсь и, наверное, насквозь пропитался историей рыцарских времен. Средневековые сформировали меня. В повседневной жизни это тоже сказывается. Многих удивляет, как я выгляжу, одеваюсь, как разговариваю и как отношусь к женщинам. Кстати, некоторых девушек пугает, когда с ними обращаются как с прекрасными дамами. К счастью, большинству это все-таки нравится.❶

ПРИНЦ БИЛЬЯРДА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

СЛОВО «БИЛЬЯРД» ОДИНАКОВО ЗВУЧИТ В БОЛЬШИНСТВЕ ЯЗЫКОВ. С ВОСТОРГОМ О РУССКОМ БИЛЬЯРДЕ ОТЗЫВАЛИСЬ ЛОМОНОСОВ, ПУШКИН, ГОГОЛЬ, НЕКРАСОВ, ТУРГЕНЕВ, КУПРИН, МАЯКОВСКИЙ. А ЛЕВ ТОЛСТОЙ ГОВОРИЛ, ЧТО КОГДА ЧЕЛОВЕК ИГРАЕТ В БИЛЬЯРД, ТО ЕМУ НЕ НУЖНО ЗЕРКАЛО. ЭТУ ФРАЗУ АВТОРА РАССКАЗА «ЗАПИСКИ МАРКЕРА» ПОДТВЕРДИЛА ЗНАМЕНИТАЯ ПАРТИЯ, СЫГРАННАЯ В ФИНАЛЕ НА ПОСЛЕДНЕМ ЧЕМПИОНАТЕ РОССИИ ПО БИЛЬЯРДУ.

«Л

ЕГКАЯ ПОБЕДА», – записал в интернет-блоге российский би-

льярдист, чемпион мира и Европы Юрий Пащинский, обыграв в Ульяновске в отборочных боях последнего чемпионата России по бильярдному троеборью школьника из Пензы Александра Муравьева. В поединке за право выйти в полуфинал Пащинский одержал победу над Игорем Фомкиным из Тольятти и уже готовился без особых хлопот завоевать свой любимый титул... В полуфинале его соперником вновь оказался тот самый Александр Муравьев. И тут...

«Мой неправильный настрой на соперника привел к отрицательному результату. И я проиграл», – пытался оправдаться Юрий Пащинский после сокрушительного разгрома за бильярдным столом. Это стало сенсацией для всего русского бильярда. Один из королей русского бильярда, любимец и фаворит публики, Пащинский вынужден был бороться за бронзу, а его юный победитель готовился занять его место.

В борьбе за титул первого бильярдиста России сошлись мастер международного класса, член сборной России по бильярду Кирилл Филиппов из Ростова-на-Дону и никому не известный 17-летний Саша Муравьев из Пензы. Через несколько часов битвы за бильярдным столом мальчик добился в итого-

вом счете только минимального превосходства. Окончательно победитель дуэли должен был определиться в «американке». Высшим мастерством в ней считается положить семь шаров, не дав партнери ни одного удара. Сложить партию с кия, как говорят бильярдисты, Именно такой шик показывается в знаменитом фильме о бильярде «Классик». Разбивал пирамиду шаров Кирилл Филиппов. Удар, треск. Яркий свет освещал разлетевшиеся по столу все 16 шаров. Все на столе. Ни один в лузу не попал. И вот поднял кий мальчик из Пензы...

Во всем огромном зале, не слишком доброжелательно настроенным к Муравьеву, только единицы желали ему удачи. Был среди них и пожилой седоволосый бильярдный маркер из Пензы. С замиранием сердца он

Администратор бильярдного клуба «Страйк» Евгений Андросов, тренер Игорь Ясинецкий, чемпион России по бильярду Александр Муравьев, вице-президент Пензенской федерации бильярда Владимир Ледовских (слева направо)

смотрел, как мальчик натирает кончик кия мелом перед решающим ударом. Этот потертый старый мелок, готовый вот-вот рассыпаться, ему был хорошо знаком. Сколько раз он просил сменить его на новый. Но Саша не расставался с ним, как с талисманом, который всегда приносил победу.

«ДИТЁ»

...Когда в начале 2000-х годов в Пензе появилось не меньше десятка бильярдных клубов, один из местных энтузиастов бильярда, Владимир Ледовских, решил создать федерацию, главной целью которой стало бы развитие спортивного бильярда. Ледовских не нравились дикие правила, царившие за бильярдными столами. Ему хотелось, чтобы все было цивилизованно и красиво. Он же и стал первым президентом федерации. А ближайшим помощником Ледовских стал один из бильярдных маркеров города, Евгений Андросов. Оба они считали, что деньги в бильярде надо зарабатывать, только завоевывая призовые места на турнирах. Андросов пошел по школам и стал звать ребят играть в бильярд. Учителя и родители сначала были против, срабатывали стереотипы: бильярд – это бандиты, азарт, драки и лихие деньги. Андросов возражал, уговаривал родителей, объяснял, что ему занятия бильярдом продлили молодость. Он на пенсии уже десять

лет, а форму какую держит! Не пьет, не курит. И родители стали приводить детей. В бильярдный зал, где Андросов работал старшим администратором, он пригласил работать маркером – а по сути, тренером для детей – выпускника Института физической культуры Игоря Ясинецкого. Начали проводить чемпионаты среди школьников, появились подающие надежды молодые игроки. С одним даже случился скандал. Юный бильярдист презрительно порвал врученную ему за победу почетную грамоту. Он рассчитывал на денежный приз, а не на какую-то бумажку. Андросов сбрал клуб, сделал воспитаннику выговор и исключил из бильярдного клуба.

В октябре 2004 года Евгений Владимирович Андросов привел в бильярдный зал двух мальчишек семи-восьми лет, в поношенных куртках и видашивших виды кепках. Он усадил их на кожаный диван и велел напоить чаем с печеньем.

– Зайцы! – коротко объяснил Андросов Ясинецкому. Оказа-

лось, увидел их Андросов в троллейбусе: денег на проезд у мальчишек не было, а выходить по требованию кондуктора на улицу, на 20-градусный мороз, им явно не хотелось. Андросов оплатил за них проезд. А потом спросил: «А не хотите научиться в бильярд играть?» И вот они сидят на скрипучем диване с чашками чая. Ростом мальчишки были чуть выше бильярдного стола. Евгений Владимирович принес мальчишкам маленькие, специально для детей сделанные кии. Евгений Владимирович показал им, как держать кий, какую стойку принимать и как бить. На прощание дал им денег на обратный проезд и пригласил приходить еще.

Чаще приходил Саша Муравьев. Приятель его бильярд бросил, а он все ходил, но, правда, кием до шара не мог дотянуться. Маленький рост. В итоге Андросов заказал для него деревянную подставку. Стал он дотягиваться до шаров и шары класть. Тренировавший мальчика Ясинецкий

За бильярдный стол Александр Муравьев встал в неполные 12 лет

обратил внимание на то, как хорошо работает он кистью при выполнении удара. Да и профессиональной стойке бильярдиста его не надо было учить, она была у него от природы. Один недостаток – мал ростом. Так что завсегдатай клуба не считали, что из Саши Муравьева выйдет толк. И сутулый он. И вид субтильный. И координация движений плохая...

На жизнь Андросов зарабатывал в том числе и установкой столов в новых бильярдных залах. Както позвали его устанавливать столы в соседнем с Пензой Сердобске. Андросов взял с собой Сашу Муравьева. На 12-летнего бильярдиста смотрели снисходительно, но, когда он стал обыгрывать взрослых опытных бильярдистов одного за другим, за головы схватились. Правда, этот первый удачный выход Саши Муравьева в бильярдный мир расценили как счастливую случайность.

...На Кубок по бильярду губернатора Пензенской области собрались спортсмены со всей

страны. Известным игрокам Сергею Лисину и Антону Клячману Саша Муравьев сложил партии, выражаясь на сленге бильярдистов, с кия. Перед финальной партией турнира лучшего игрока Тамбова, Владимира Комарова, предупредили: с тобой не ребенок играть будет! Но тот, оглядев маленького гла-застого мальчишку, отмахнулся: «Да это – дитё!» «Дитё» разгромило мастера спорта наголову. Следующим успехом Муравьева стало выступление в составе областной сборной на турнире в Самаре в 2007 году. Фаворитом здесь считался мастер спорта Иван Кочетков из Барнаула, быстро завоевавший симпатии публики. Перед началом партии с Муравьевым Кочетков, оглядев соперника, обернулся к зрителям и громко, на весь зал, заявил: «Как с детьми играть? Я не понимаю!» После того как Саша разгромил противника, к Андросову подошел первый вице-президент Федерации бильярдного спорта России Владимир Никифоров и сказал: «Так нельзя! Дети мастеров обыгрывают!»

Трофеи, добытые в боях с королями российского и мирового бильярда

ТРИУМФ

В бильярде есть закон: чтобы хорошо выучить игрока, нужен сильный соперник. Не будет партнера, не будет роста. После первых успехов Саши Муравьева для него стали специально приглашать сильных игроков. Но все они просили за это большие деньги. А откуда их взять? Бесплатно, только из любви к искусству, с Муравьевым согласился играть лишь самый сильный игрок Пензы, Сергей Бармыкин.

Кстати, от искушенного в коммерческих играх Сергея Саша узнал о мошеннических уловках, которые применялись тогда, когда турниров не было, а игрокам хотелось выяснить, кто сильнее. И хотя те времена прошли, а в России сейчас проводится шесть масштабных турниров с большими призами, уловки, конечно, остались. Эти знания пригодились, когда в бильярдных залах города объявился очередной гастролер. Обыгранные им местные бильярдисты позвали спасать честь города Сашу Муравьева. Мальчика гастролер воспринял

несерьезно – отказался с ним играть. Тогда ему сообщили, что «мальчик» не так давно обыграл одного из чемпионов мира, Ка-ныбека Сагынбаева. На гастролера титул подействовал, он встал за стол и был разгромлен. Долго после этого гастролер утешивал Сашу согласиться на коммерческие туры по Украине, золотые горы предлагал. Безрезультатно. А Сергей Бармыкин после этих игр заявил Муравьеву: «Теперь я, Саша, у тебя учиться должен». Так Муравьев был официально признан первым бильярдистом Пензы. Атмосфера бильярдного зала таит много соблазнов, погубивших немало молодых игроков. Об этом Андросов часто твердил своему воспитаннику. Может, и не зря: ведь Сашу ни разу не видели ни с сигаретой, ни с бокалом вина в руках. В перерывах между бильярдными партиями он сидит с учебниками, и единственный напиток, который он в это время может заказать официанту, – это молочный коктейль. ...Перед отъездом Саши на чемпионат России по бильярду в Ульяновск в пензенских биль-

ярдных разве что пари не заключали: пройдет он в четвертьфинал, после которого в бильярде дают мастера спорта, или нет? О том, что Саша сможет попасть в финал, никто и не заикался. Победителем все заранее называли Юрия Пащинского. Как раз ему Саша и проиграл первую партию – надо же было сразу угодить на бой с чемпионом мира! В то время как Пащинский писал в своем блоге о легкой победе, Саша не мог уснуть. Как он потом вспоминал, его посещали плохие мысли. Он тренируется уже столько лет! Если опять проиграет, то впору кий ломать... Кий, между прочим, Саше подарили поклонники. Дорогой, сделанный на заказ. Значит, поверили в его талант?

На следующий день он обыграл мастера спорта из Мурманска. Потом еще двух игроков. Для того чтобы получить звание мастера спорта по бильярду, осталось выиграть у Романа Киречука из Санкт-Петербурга. Партия шла сложно, Александр развелся, стал допускать ошибки. День был дождливый, сырой воздух проникал в зал.

Шары катались плохо по сукну. В перерыве Саша выбежал на улицу, отхлестал сам себя по щекам, заставил успокоиться. Вернулся в зал и выиграл. Главная задача была достигнута. На оставшиеся игры Муравьев выходил уже без волнения...

В пензенских бильярдных, которые работают допоздна, новость о поражении Пащинского прозвучала как гром среди ясного неба. У Саши Муравьева появился шанс стать чемпионом России! Группа поддержки всю ночь мчалась на машинах из Пензы в Ульяновск. И то, что увидел прибывший в Ульяновск Андрюсов, он не мог себе представить даже в самых радужных снах. Гордый Пащинский в качестве зрителя грустно наблюдал за финальной схваткой. А Сергей Бармыкин, не скрывая слез, рассказывал, что Саша разгромил чемпиона технично и грамотно.

...И вот Андрюсов смотрит в зал. Там за столом зеленого сукна готовился нанести удар в последней и самой решающей партии на звание чемпиона России Саша Муравьев. Ничего от того

Этого мальчика, способного сделать партию в один прием, многие профессионалы ошибочно называли «дитём». А теперь он – лицо русского бильярда

робкого мальчишки, каким был Муравьев раньше, не осталось. Движения – отточенные, костюм – безупречен, и даже галстук «бабочка», которую он раньше ни за что не хотел носить, выглядит идеально. Только к запонкам, модным у бильярдистов, Саша так и не привык. Андрюсов внимательно приглядывается к ученику, но нет – не видит ни красных пятен на лице, выдающих волнение, ни резинового паука в кармане, которого Саша раньше возил с собой как талисман. Да, это уже не застенчивый мальчик, а уверенный в себе мужчина.

И это превращение с ним сотворил бильярд!

А вот маленький мелок, который Саша считал везучим и всегда пользовался им в самых главных партиях, Андрюсов узнал издалека... Бильярдист, не глядя, заученным движением отбросил мел, и тот упал точно на борт стола. Вымазанный мелом кончик кия застыл над зеленым сукном...

В полной тишине первый шар, а за ним вдогонку еще шесть ушли в лузы. Наступила пауза. Зрители вокруг Андрюсова встали, чтобы лучше видеть то, о чем потом будут рассказывать как об одном из чудес русского бильярда. В финале чемпионата страны в решающей схватке была сделана партия с кия. И еще до того, как последний шар медленно катился в лузу, всем в зале стало ясно, что им в благодарность за аплодисменты поклонился если не король, то принц российского бильярда. Именно этот титул Саша Муравьев буквально через несколько дней завоевал на Открытом кубке Москвы.

С той бильярдной партии в Ульяновске прошло полгода. И сегодня, когда Евгения Владимира Андрюсова, который по-прежнему трудится маркетом в пензенских бильярдных, спрашивают, как он нашел этого «принца бильярда», он честно говорит, что купил ему билет, когда тот зайцем ехал в троллейбусе. Маркету вежливо улыбаются и... не верят.

Памятник «Тысячелетие России», воздвигнутый в 1862 году, венчают фигуры ангела с крестом и преклонившей колени женщины, олицетворяющие православную церковь и Россию

ВОЛЬНЫЙ ГРАД

АВТОРЫ

ЛАДА КЛОКОВА,
АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

УПИТАННЫЙ РЫЖИЙ КОТ РАСТЯНУЛСЯ НА СКАМЕЙКЕ, НЕЖАСЬ НА УТРЕННЕМ СОЛНЦЕ. РЯДОМ НА БРУСЧАТКЕ КРЕМЛЕВСКОЙ МОСТОВОЙ ДРЕМАЛ ЛОХМАТЫЙ СЕРЫЙ ПЕСИК. КОГДА МЫ В ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗ ОБОШЛИ ПАМЯТНИК «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РОССИИ», ОН ПОДНЯЛСЯ И ПОДОШЕЛ К НАМ, ПОМАХИВАЯ ХВОСТОМ. ТАК В ПЕРВЫЙ ЖЕ ДЕНЬ ПРЕБЫВАНИЯ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ У НАС ПОЯВИЛСЯ НЕОБЫЧНЫЙ ЭКСКУРСОВОД.

ПЕСИК, КОТОРОГО МЫ окрестили Ицукеном, оказался отменным гидом. Во-первых, он поддерживал дружеские отношения с дворниками и смотрителями Детинца, а потому все встречные знакомые Ицукена тепло приветствовали и нас. Во-вторых, песик демонстрировал чудеса воспитания: даже когда один из дворников сообщил, что зовут

нашего провожатого Тобик, последний из вежливости продолжал откликаться на имя Ицукен. В-третьих, Тобик-Ицукен не только провел нас по всем уголкам Детинца, но и устроил прогулку вокруг него. От предложенных в знак благодарности конфет Ицукен отказался, дав понять, что меркантильность и новгородские музейные дворняги – понятия несовместимые.

СЕРДЦЕ ГОРОДА

...Памятник Ленину на площади перед древним Новгородским кремлем (он же – Детинец) выглядит нелепо: вождь революции здесь явно лишний. Большинство туристов минуют его, не останавливаясь. И только толпа китайцев с энтузиазмом фотографируется на фоне Ильича, вызывая снисходительные улыбки прохожих. Полчаса спустя те же китайцы, притихшие и растерянные, стоят перед главной святыней Детинца и Великого Новгорода – собором Святой Софии, древнейшим сохранившимся храмом России. София – сердце города, свидетель почти всех главных событий его истории. «Умрем за Святую Софию!», «Где Святая София, там и Новгород!» – кричали новгородцы, собравшись на

вече у стен собора. Здесь принимали важнейшие решения и вершили суд, встречали великих князей и царей. Отсюда начинались военные походы Мстислава Храброго и Александра Невского, отсюда Михаил Скопин-Шуйский повел новгородские полки против Лжедмитрия II. Но здесь зарождались и бунты – яростные и страшные. Как в марте 1650 года, когда новгородцы, взбешенные нехваткой хлеба, отстранили воеводу, разгромили дома бояр и избрали во власть своих представителей. Тогда же был сильно избит новгородский митрополит Никон (будущий патриарх и реформатор. – Прим. авт.), проклявший управителей от бунтовщиков.

Здесь же, в Святой Софии, на высоких «полатях» (хоры. – Прим. авт.), где новгородские князья принимали иноземных гостей, хранились городская казна и великолепная софийская библиотека, большой урон которой нанес Иван Грозный в 1570 году. Царь получил ложный донос об измене в Новгороде и, придя сюда, лютовал, пытая и казня людей. Даже новгородский архиепископ не избежал позора: Грозный велел надеть на него шутовской колпак, посадить задом наперед на лошадь, дать в руки гусли и в таком скоморошьем виде отправил владыку Пимена в Москву. А покидая город, царь забрал с собой большую часть библиотеки... С того времени в Новгороде живет красивая легенда. Во время расправы Грозного над новгородцами на крест центрального золотого купола Софии опустился голубь и, увидев зверства опричников, окаменел от горя. Новгородцы говорили: когда голубь слетит с креста, тут городу и конец придет. В 1942 году во время артобстрела купольный крест с голубем был сбит снарядом. И сбылось предсказание: за два года оккупации Новгород был практически полностью разрушен. Но сегодня на кресте золотого купола Софии снова красуется металлический голубь...

С 1929 года в великой Святой Софии Новгорода располагался музей атеизма. В 1991 году легендарный храм был возвращен Русской православной церкви

Боярин
Димитрий –
знаток истории
и литературы

КОКУЙ

Дозорная башня, или Кокуй, – одна из 9 сохранившихся (раньше их было 12) башен, самая высокая в Новгородском кремле. 41 метр! Если не считать чердак, на котором живут летучие мыши, то придется преодолеть 30 метров высоких ступенек. Сама лестница так узка, что по ней можно пройти только в одиночку. Почти на самом ее верху потолок резко снижается: в этом месте над лестницей сделана ниша, в которой вполне комфортно может разместиться человек. Например, с боевым топором. Именно для этого ниша и была устроена: в Средние века знали толк в подобных военных уловках.

Бормоча проклятия, собрав пыль и известку с древних стен, выползаем в светлую круглую комнатенку. Посреди нее высится деревянная лестница да Винчи – значит, путь наверх еще не окончен. Вздыхаем и продолжаем подъем. Но мучились мы не зря: наверху гостей поджидает колоритный новгородский боярин Димитрий, а из окон открывается великолепный вид на город и окрестности.

Порывы ветра заставляют звенеть стекла в окнах, сквозняк хозяином гуляет по башне, так что длинный кафтан и подбитая мехом шапка боярина и нам бы тут пригодились. Боярин Димитрий сурово хмурит брови, рассказывая о Дозорной башне, заложенной в XV веке и достроенной спустя два столетия. Мы интересуемся легендами, связанными с Кокуем: вроде бы из башни были прорыты подземные ходы. Вели они то ли к Юрьеву монастырю, что за городом, то ли к дому мятежной Марфы Посадницы, который находился на другой стороне реки, на Торговой стороне. Боярин Димитрий, по совместительству новгородский

Вид на реку
Волхов с башен
новгородского
Детинца

детский писатель Дмитрий Иванов, смеется: археологи никаких подземных ходов из Кокуя не нашли...

Разговор незаметно переходит на литературу, и мы вспоминаем, сколько писателей и поэтов писали о Новгороде: Радищев, Херасков, Рылеев, Карамзин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Княжнин... Всех не перечислить. «А вы знаете, что Екатерина II писала пьесы из новгородской истории?» – спрашивает боярин. А как же! «Из жизни Рюрика, подражание Шекспиру», «Новгородский богатырь Боеславич»... «Только, – замечаем, – современники-литераторы всерьез их не воспринимали. Вот Новиков, например...». Тут боярин Дмитрий снова нахмурился, и мы выслушали маленькую и очень интересную лекцию о том, как надо правильно читать пьесы императрицы, зачем она их писала и почему современники их критиковали... Хотите подробностей? Вот и поезжайте в Великий Новгород к боярину Дмитрию, он до ноября на башне гостей поджидать будет.

Рюриково
городище

ТАЙНА ЗОЛОТОГО ГРОБА

Между прочим, имя Шекспира по меньшей мере дважды всплывало в связи с Новгородом. Сначала Екатерина Великая в 1786 году написала пьесу о Рюрике в «подражание Шекспиру». А полвека спустя профессор истории Дерптского университета Фридрих Крузе выдвинул

очередную версию о том, кем был загадочный Рюрик. Он отождествил его с датским королем Рориком Ютландским, дедом принца Амледа. Того самого «принца Датского», которого Шекспир назвал Гамлетом. Первосточник, из которого британский драматург извлек сюжет, – хроника «Деяния данов»,

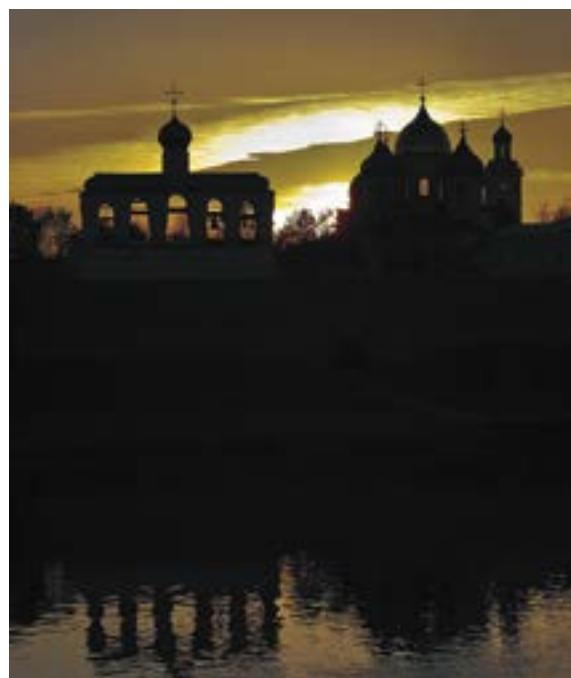
написанная Саксоном Грамматиком в XII веке...

Историки до сих пор ломают копья, споря, кем же был легендарный Рюрик и был ли он вообще. Всяких Хрёриков, Родерихов и Рориков в скандинавских хрониках насчитывают не меньше пяти. Кое-кто уверен, что Рюрик – это шведский князь Эйрик Эмундарсон. Одни настаивают, что Рюрик происходил из пруссов, а другие – что из славян-ободритов. А некоторые, несмотря на спорность Иоакимовской летописи, склоняются к тому, что Рюрик был внуком первого новгородского старейшины, Гостомысла. Ну а «Сказания о князьях Владимирских» вообще объявили его потомком Пруса, брата римского цезаря Августа, что дало повод Ивану Грозному вести свою родословную от кесарей. Как бы то ни было, точного ответа на вопрос о происхождении легендарного князя нет. Раскопки на Рюриковом городище, идущие с перерывами с 1901 года, ясности пока не внесли, хотя теперь известно, что люди жили там как минимум с IX века. Городи-

По преданию,
Свято-Юрьев
монастырь
был основан
Ярославом
Мудрым

Софийская
сторона
на закате

ще было ставкой новгородских князей. Здесь жили и Александр Невский, и Симеон Гордый, и Дмитрий Донской, и Василий Темный, и Дмитрий Шемяка... А вот «Рюриковым» это место стали называть лишь в XIX столетии, а до того оно было просто «Городищем». Николай Рерих, приехавший сюда на рас-

копки в 1910 году, писал: «Богатое место Городище! Кругом синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом – Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются – Лядка, Волотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синеет Бронница. Все, как на блюдечке за золотым яблочком».

Кстати, о золоте. Поговаривают, что самая большая мечта археологов – найти могилу Рюрика. По устным староладожским и новгородским преданиям, он пал в битве (в 879 году, на 17-й год правления. – **Прим. авт.**) и был похоронен со своим оружием в золотом гробу. Рядом были погребены 12 воинов, павших вместе с ним. Якобы они были уложены вокруг гроба князя «головами по кругу». Где именно похоронили Рюрика – версии расходятся. Местом его упокоения называют и староладожскую Танечкину пещеру, и Шум-гору в Передольском погосте, и дно Волхова у Тайничной башни в Старой Ладоге, и Городище. В общем, копать – не перекопать.

Сегодня, правда, археологи больше озабочены тем, что вокруг Городища разрастается кладбище, грозя поглотить территорию потенциальных раскопов. Многие считают, что находки, извлеченные из новгородской земли до сего дня, едва ли превышают несколько процентов от того, что еще может быть здесь найдено. И, похоже, так оно и есть. В Новгороде, как уверяли нас новгородцы, совсем не редкость забавные только на первый взгляд истории, когда, например, на огородах счастливые владельцы шести соток находят горшки с кладами, старинные монеты или наательные кресты. Купить последнее по весьма сходной цене можно даже в художественных салонах на Софийской и Торговой стороне.

ВЕЛИКИЙ МОСТ

С древности две стороны Великого Новгорода – Софийскую и Торговую – соединяет перекинутый через Волхов мост. Сначала его именовали Великим, потом – Горбатым, а теперь называют Пешеходным. Строго говоря, все три названия оправданы. В любое время дня по этому мосту снуют толпы пешеходов – новгородцев и туристов. Под выгнутыми дугой – горбатыми! – пролетами моста всегда можно встретить рыбаков, влюбленных и собак. Ну а что до Великого... Да он первым был в Новгороде, уже в 1133 году о нем летописи сообщали!

...Едва мы дошли до середины моста, как с софийской звонницы грянули колокола. На золотой купол Софии красным огнем пролились первые лучи заката. Холодное серебро Волхова будто замерло. В чистом звоне потонули звуки, лица, слова... Казалось, закрой глаза – и окажешься в древнем Новгороде, в котором на Великом мосту казнили преступников (камень на шею – и в воду!) и сходились стенка на стенку горожане с Софийской и Торговой стороны. Ох, и жестоко дрались новгородцы! Не зря ж о них в Никоновской летописи говорится: «Бояху-бо ся зверинаго их нрава!» Так что нередко новгородским епископам приходилось брать иконы и крест и идти на мост – разнимать сограждан. Современные новгородцы свой Великий мост явно уважают. Нелепая традиция вешать на мосты замки с надписями «Ваня+Маня=любовь» здесь, в отличие от других городов, не приживается. Замков таких тут мало. Но главное – нет глумливых надписей. Когда мы заметили, что написано на перилах, то сначала не поверили своим глазам. Уж слишком непривычно: вы где-нибудь видели мост, аккуратно исписанный цитатами из Нового Завета?

Впрочем, к чести новгородцев заметим, что в городе вообще не любят пачкать стены неприличными надписями. А если и

Перила Великого моста расписаны цитатами из Библии

Софийская звонница

напишут что-нибудь, то чаще полезное и познавательное. Вот идешь, например, по Большой Московской улице – и раз! – читаешь послание, выведенное корявыми буквами на стене: «Человек лучше, чем учреждение! П.А. Кропоткин». И правда ведь...

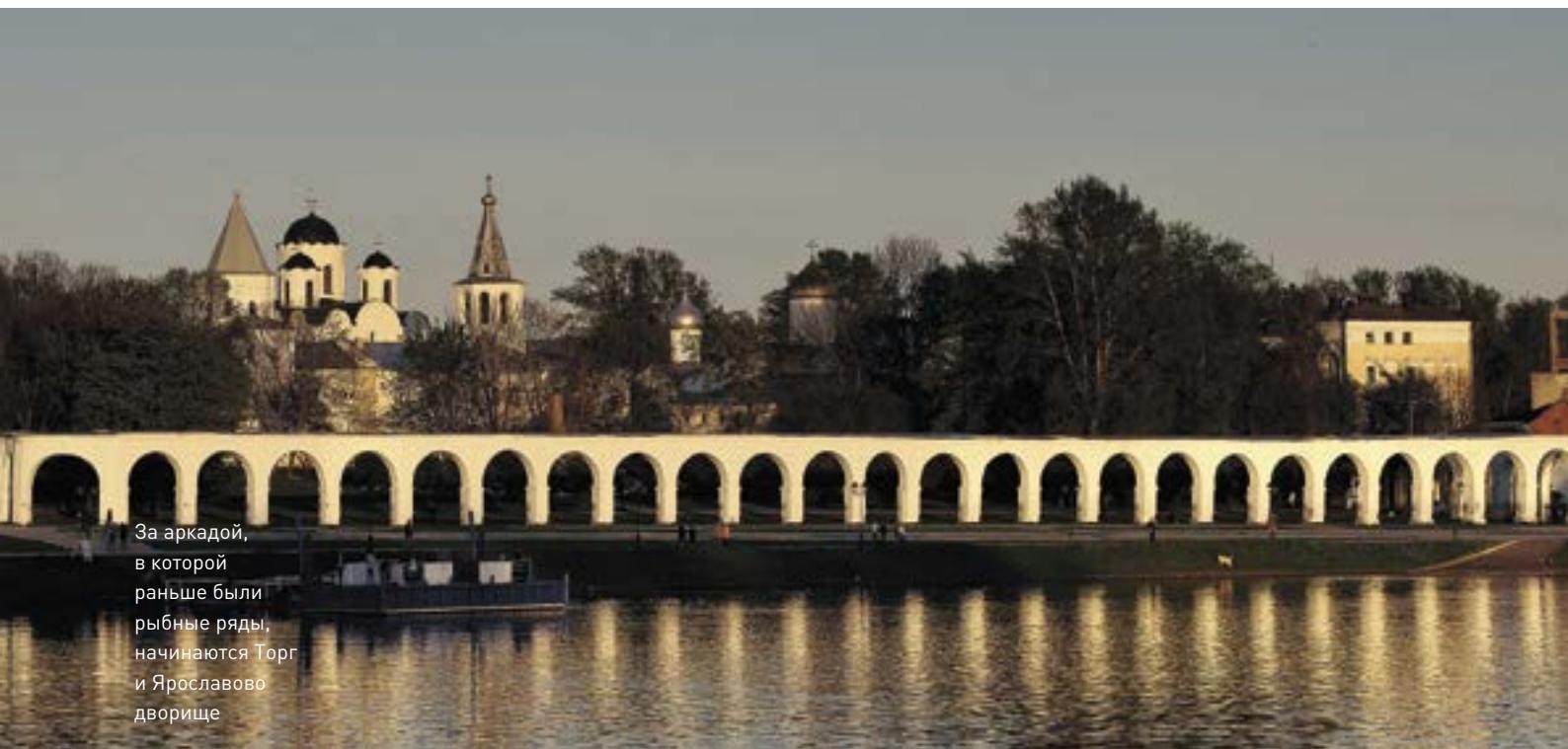

ТОРГ И ДВОРИЩЕ

Красные стены и башни Детинца мощны и непоколебимы. А напротив, на другом берегу Волхова, изящным кружевом белеет аркада Гостиного двора, полностью разрушенного во время Великой Отечественной. Здесь начинается Торг и Ярославово дворище, поименованное в честь Ярослава Мудрого, без малого четверть века княжившего в Новгороде...

Все-таки история – непредсказуемая шутница. Древнюю Русь называют в первую очередь Киевской – и это верно. Но, с другой стороны, Рюрика в 862 году призвали новгородцы – с этого момента историки ведут отсчет русской государственности. Князь Олег с сыном Рюрика, Игорем, отправился из Новгорода в Киев и захватил город, после чего Рюриковичи правили Русью вплоть до конца XVI века. Киевские князья сажали править на новгородский стол либо старших, либо лучших сыновей. Правда, это продолжалось недолго. С 1136 года начался век Новгородской республики, когда Новгородом управляли вече, посадники, Совет господ, «300 золотых поясов». Новгородцы стали приглашать к себе князей, в первую очередь как защитников от угрозы извне и охранителей порядка. В годы расцвета Новгородская республика владела землями от Белого моря до Уральских гор и являлась крупнейшим торговым центром. Но в 1478 году Иван III Великий покончил с «новгородской вольницей», разбив республиканские войска на реке Шелони...

А на Ярославовом дворище и Торге до сих пор стоят древние церкви, большинство из которых были построены богатыми новгородскими купцами. Каждая из них красива по-своему, каждая – уникальна, с каждой связаны интересные истории. Нас же особо привлекла церковь Параскевы Пятницы на Торгу, возведенная в самом начале XIII века на деньги «заморских» купцов. Так, кстати, называли не иностранцев,

За аркадой,
в которой
раньше были
рыбные ряды,
начинаются Торг
и Ярославово
дворище

а новгородцев, торговавших «за морем». Святая Параскева считалась покровительницей торговли, к тому же новгородский Торг начинал работать по пятницам.

Остальные храмы Торга и Ярославова дворища действительно, как писал Перих, белеют и «кустом стоят». А вот церковь Параскевы Пятницы выделяется как архитектурой, так и своими неопштукатуренными стенами.

Внешний вид смотрительницы нас сначала удивил: у толстенной распахнутой двери сидела женщина в теплой телогрейке, валенках и шерстяном платке. И это притом, что день был солнечный и теплый. Но когда мы вошли в церковь, все стало ясно. Здесь было не просто прохладно, а довольно холодно, заметно холоднее, чем во всех остальных древних церквях Новгорода, в которых мы успели побывать. Весь храм словно прошит огромными темными деревянными балками – в таком количестве мы их еще нигде не видели! Оказывается, церковь перестраивали 15 раз. «И не только по причине пожаров, от которых нередко страдал город, – объяснила смотритель-

ница. – Под церковью сильные подземные воды, они не раз подмывали фундамент, стены рушились». Но упрямые новгородцы раз за разом возводили храм снова и снова. «Приложите ладони к камню, а потом к тому месту, где много штукатурки», – загадочно посоветовала нам смотрительница. Мы так и сделали. Положили ладони на старые камни и... будто в морозильную камеру холодильника руки засунули. Прикоснулись к штукатурке – она теплая и словно живая...

Церковь Святой
Параскевы
Пятницы

СВИДАНИЕ С ФЕОФАНОМ

...Мы почти бежали по Ильиной улице: небо как назло затягивали тучи. Если пойдет дождь, церковь Спаса Преображения закроют из-за сырости: уникальные фрески Феофана Грека, сохранившиеся только в этом храме, берегут как зеницу ока. «Дождь еще не начался?» – встретила нас вопросом сотрудница музея. «Нет!» – одновременно выдохнули мы. Успели!

Можно сколько угодно читать о том, что неподражаемость стиля Грека кроется в «скорописи» и экспрессии его почти монохромной живописи, можно под лупой рассматривать фотографии, изучая технику нанесения белилами «движков» на лики и тела фигур, но, если вы не видели его фрески «живьем», все это – лишь бледная тень...

Пройдите в центр церкви и взгляните вверх: Спас Вседержитель, окруженный архангелами, серафимами и херувимами, строго посмотрит вам в глаза прямо с купола церкви. Вопреки всем невзгодам, которые выпали на долю храма, роспись купола и барабана сохранилась. Даже несмотря на то, что во время войны фашисты оборудовали там на-

Спас
Вседержитель
кисти Феофана
Грека

блудительный пункт. Оккупанты вообще вели себя в Новгороде как варвары: в древних церквях устраивали конюшни, оставляли гадкие надписи на стенах, крушили, грабили, жгли... Но фрески Феофана Грека все-таки дожили до нашего времени. И как после этого согласиться с тем, что чудес не бывает?

Мы поднимаемся по высоким ступеням узкой лестницы, кланяемся едва ли не в пояс – иначе в низкую арку не войти, и попадаем на хоры. Спешим в Троицкий придел. На стенах этой мальенькой молельни сохранились Ветхозаветная Троица, фигуры святителей и столпников, Богородица «Знамение». Здесь легко забыть о времени, веке и суете: удивительно тихий, нежный и живой свет исходит от фресок, которые художник писал больше шестисот лет назад!

Возможно, роспись церкви Спаса на Ильиной улице была первой большой работой Феофана Грека на Руси, куда он прибыл из Восточной Римской империи. В Новгороде он поселился в 1370 году, а спустя восемь лет уже расписывал церковь Спаса. Нанял его на эту работу новгородский боярин Василий Данилович Машков. Сама церковь Спаса была возведена в 1374 году. Раньше на этом месте стоял деревянный храм, в котором хранилась чудотворная икона «Знамение Пресвятой Богородицы». По преданию, в 1170 году она спасла Новгород от осады союзного войска пяти русских княжеств под командованием сына Андрея Боголюбского, сузальского князя Мстислава. Силы были неравны, и новгородцев охватила «печаль и скорбь великая». Новгородский архиепископ Иоанн по велению свыше взял икону из церкви Спаса и, когда сузальцы пошли на при-

Церковь Спаса
на Ильиной
улице, фасады
которой богато
украшены
вкладными
голгофскими
крестами

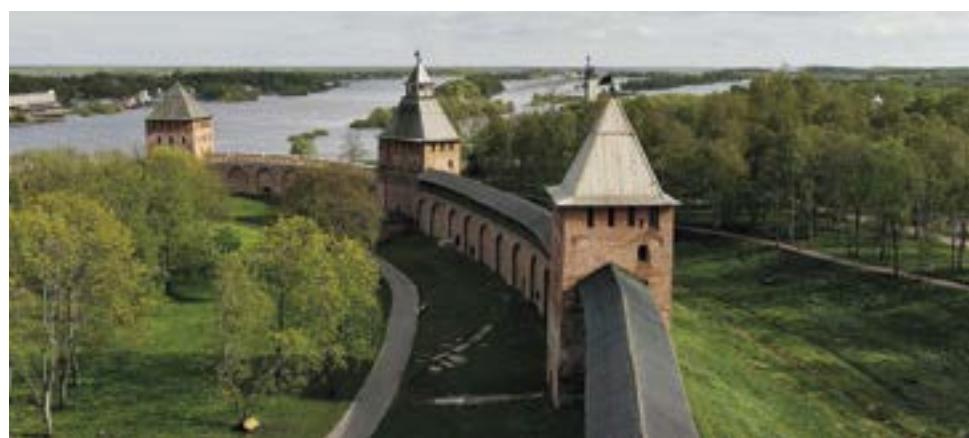

ступ, вынес ее на крепостную стену. «И полетели на город стрелы, словно дождь проливной», – говорит летопись. Одна из стрел попала в лик Богородицы, после чего икона сама повернулась к городу: «...и увидал архиепископ текущие слезы от иконы, и подставил он под них фелонь свою». В тот же миг на сузальцев нашло безумие, и они стали убивать друг друга. Новгородцы же вышли из крепости и разбили нападавших... В 1356 году икона была перенесена в специально построенную прямо напротив церкви Спаса Преображения Знаменскую церковь, на месте которой в 80-е годы XVII века был возведен Знаменский собор. Спустя десять лет его расписывала артель костромских иконописцев, руководил которой Иван Бахматов, ра-

ботавший до того со знаменитым Симоном Ушаковым.

...А Феофан Грек в 90-е годы XIV века уже находился в Москве, где, кроме прочего, вместе с Андреем Рублевым и Прохором с Городца расписывал церковь Благовещения в Кремле. Преподобный Епифаний Примурский, сблизившийся с Феофаном в столице, так описывал великого изографа: «...никто не видел, чтобы он когда-либо взирал на образцы, как [этот] делают некоторые наши иконописцы, которые в недоумении постоянно [в них] всматриваются, глядя туда и сюда, и не столько пишут красками, сколько смотрят на образы. Он же казалось, руками пишет роспись». В Новгороде Феофан Грек, видимо, больше никогда не бывал...

Крепостная
стена
новгородского
Детинца

СЕВЕРНЫЕ КРОКОДИЛЫ

...У истока Волхова, на маленьком полуострове, с которого суровый Ильмень – как на ладони, безлюдно и спокойно. Тишину нарушает лишь щебет птиц да легкий шелест волн у крошечного причала. По пологому холму, заросшему сосновами, поднимаемся к Перынскому Рождества Богородицы мужскому скиту. Здесь, посреди заросшей травой лужайки, тихо сияет белоснежная жемчужина – церковь Рождества Богородицы. Это – один из самых маленьких храмов Новгородской земли, построенный в начале XIII века... Сегодня трудно представить, что на заре Крещения Руси тут разыгрывались бурные события, связанные с противостоянием язычества и христианства.

«Повесть временных лет» утверждает, что здесь располагалось языческое святилище громовержца Перуна, звавшееся Перынь. О том же говорит менее известное сейчас «Сказание о Словене и Русе», до XIX века считавшееся официальной версией истории зарождения Русского государства. Основными действующими лицами в нем являются потомки князя Скифа, братья Словен и Рус, а вовсе не Рюрик. По сказанию, у Словена, основавшего город Словенск, ставший впоследствии Новгородом, был сын Волхов, могущественный чародей. Жил он как раз здесь, в маленьком, им же основанном городке Перынь. И имел крайне вредную привычку: оборачивался крокодилом, перегораживал устье Волхова и пожирал всех, кто отказывался покориться. Летопись расписывает, как крокодил, вернее, Волхов-оборотень, был низвергнут в ад за колдовство и убийства. И, наверное, вряд ли можно было бы всерьез воспринимать эту историю, если бы не одна запись в Псковской летописи под 1582 годом: из реки Великой «изыдоша крокодили лютии звери» и «людей много поедоша». Что за крокодилы обитали у Новго-

рода и Пскова – неведомо. Но в том, что наши предки хорошо знали, кто такой крокодил, можно не сомневаться: «коркодилы» и «крокодилы» встречаются в русских летописях аж с XII века. Только вот откуда им было взяться в северных реках? Большинство историков считают, что «северные крокодилы» – это отголоски языческого культа хтонического Ящера. Но есть и те, кто предполагает, что это были настоящие крокодилы, привезенные для домашних зоопарков русских князей. Если вспомнить, что движение по пути «из варяг в греки» в то время было весьма оживленным, а вояжи в страны Средиземноморья не являлись чем-то из ряда вон выходящим, то и эта версия может иметь право на существование. Между прочим, в 2003 году на Рюриковом городище в слоях XII века был откопан череп... макаки.

Перынский скит

Однако вернемся к Перыни. По «Повести временных лет», новгородцы обратились к киевскому князю, знаменитому воину Святославу, с просьбой дать им одного из своих сыновей на княжение. Выбор пал на младшего, Владимира, отправившегося на север в сопровождении дружины и своего дяди Добрыни. По приказу нового князя в 980 году воевода Добрыня поставил на Перыни большой кумир Перуна. А в 988 году, когда Владимир – уже великий киевский князь – принял христианство и крестил Русь, Добрыня был отправлен в Новгород для того, чтобы уничтожить языческое капище. Идол выкопали и поволокли к Волхову. Отхлестав кумир плетью, его, под причтания новгородцев, сбросили в реку...

Археологические раскопки, проводившиеся на Перынском скиту во второй половине XX века, подтвердили: здесь действительно располагалось древнее языческое капище...

ЭТО – ИСТОРИЯ

– И откуда же вы к нам такие приехали? – Маленький опрятный старишок в белой кепке и круглых очках сильно смахивал на «всероссийского старосту» Калинина.

– Из Москвы.

– Это что за город такой? – ехидно поинтересовался «Калинин», многозначительно посмотрев на табличку с названием улицы у нас над головой – «Большая Московская».

– Столица, между прочим, – смеемся мы.

– Ах, столица! Так ведь Новгород постарше будет! Аль нет? – наступал на нас наследник традиций свободолюбивой Новгородской республики.

– Постарше, конечно. И вообще – город у вас замечательный.

– То-то. Это не просто город! Это – история! Самая настоящая история, – важно поднял палец довольный «Калинин» и бодро зашагал по Большой Московской улице.

Вы даже не представляете, насколько он прав. ☺

СТРАНА КОЛЬЧУЖНИКОВ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТОГРАФИИ

ВАСИЛИЯ ГОЛОВАНОВА

О ДАГЕСТАНЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ЗНАЕТ НА УДИВЛЕНИЕ МАЛО. ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ МАЛО, ЧТО МОЛОДЕЖЬ НЕРЕДКО НЕ ОТОЖДЕСТВЛЯЕТ ДАГЕСТАН С РОССИЕЙ, ОТНОСЯСЬ К НЕМУ КАК К ОДНОМУ ИЗ ГОСУДАРСТВ, ОБРАЗОВАВШИХСЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР.

3

АТО ПРЕКРАСНО знает, что взрывы, звучавшие в столице Дагестана, Махачкале, чудовищным эхом отозвались в московском метро и в аэропорту Домодедово и что «даги», сыники дагестанской элиты, чувствуют себя в российской столице весьма свободно: денег не считают, держатся сплоченно, предпочитают дорогие автомобили, кокс и красивых девочек. Поэтому когда в своих исследованиях мегаполиса я дошел до этих точек смещения и разрыва сознания у сегодняшних 16–17-летних, я решил, что самый честный выход – отправиться в Дагестан и рассказать о нем что-то такое, что вновь «прирастило» бы его в общественном сознании к России.

Когда-то, говоря о Дагестане, обязательно вспоминали о том, что это самая многонациональная республика СССР. Количество народностей, населяющих этот небольшой кусочек земной поверхности, огромно. Большая энциклопедия Южакова, выпущенная в начале XX века, называет цифру 50. Современные данные скромнее: многие родственные народности слились в единый этнос, однако и таких этносов все равно не менее 20. Наиболее многочисленны аварцы (около 750 тысяч человек). По языку им в какой-то мере родственны другие народы нахско-дагестанской языковой семьи: как и аварцы, это по преимуществу горцы – даргинцы, лезгины, лакцы, табасараны, чеченцы, рутульцы, агулы и цаху-

ры. Населяющие северные степи Дагестана кумыки и ногайцы и азербайджанцы на юге – тюрки. Русские (включая терских казаков), украинцы и белорусы составляют еще один сегмент этой многонациональной семьи.

Разумеется, не раз и не два между этими народами (иногда живущими по разные стороны одной и той же горы) возникали вооруженные столкновения. Но удивительно другое: в конце концов все они, несмотря на разность языков, различие в способах правления, несхожесть материнских ландшафтов и обычая, научились жить дружно. Это, как говорят французы, их *savoir-faire*, особая «политтехнология» Дагестана, соревноваться с которой в этом отношении в России могла бы, пожалуй, только

Горы сами по себе – это настоящая крепость

Асфальта
на дороге
не было

современная Москва. Но если для Москвы, в отличие от других мегаполисов мира, это явление совсем новое, датируемое 20–30-летней, быть может, историей, то для Дагестана так, в единстве «своего» и «чужого», изначально явлен Божий мир. В нем на площади в 50,3 тысячи квадратных километров сходятся три культурные матрицы. Первая – Степь кочевья – неизримое поле исторического подъема и гибели «кочевых цивилизаций». После последовательной горизонтальной, широтной развертки, проделанной ордами Чингисхана в начале XIII века, мир Степи охватывал пространство от древнего Киева на западе до Западных ворот Великой Китайской стены на востоке. До XIV века все это пространство при-

надлежало ханам Золотой, Великой и Малой Орд, на которые распалась завоеванная монголами территория. Прилегающие к предгорьям Дагестана степи с богатыми рыбой низовьями Терека и Сулака традиционно принадлежали ханам Золотой Орды. В последний раз Степь перекрывалась в XVIII столетии, когда ногайцев и кумыков потеснили пришедшие из самых глубин Азии воинственные калмыки, которые не пожелали вписываться в сложившийся степной мир (возможно, потому, что были буддистами, а не мусульманами) и попросту оторвали себе значительный по площади кусок земли на правом берегу Волги. Вторая важнейшая матрица – Горы. В отличие от Степи, являющей простор, распахнутый во все стороны и, соответственно, отпечатанный в голове каждого степняка совершенно особым образом родины и пространства как бескрайности, Горы необыкновенно сужают понятие родины, родного. Ущелье, река внизу, родное селение, окрестные горы и несколько соседних аулов – вот родина и отчизна, за которую горец, не рассуждая, будет биться до последнего. Горцы – воины, не знающие страха. Именно поэтому первоначальные попытки арабов исламизировать нагорный Дагестан закончились скрушительными военными поражениями. Только в VIII веке,

взяв Дербент, арабы совершили шесть походов на север, в горы, но все они закончились неудачей. Процесс исламизации затянулся на несколько веков. К приходу войск Тимура (конец XIV века) значительные части Дагестана оставались языческими или христианскими. Горцы сопротивлялись исламу с той же самоотверженностью, с которой впоследствии его защищали.

Третья культурная матрица – Мир-за-Стеной. Я имею в виду стену Дербента и ее продолжение, возведенные по приказу персидского шаха Хосрова I Ануширвана (правил с 531 по 579 год) для того, чтобы отделить цивилизованные народы, так или иначе причастные к древним цивилизациям античности – Персии, Мидии, Парфии, Кавказской Албании или древней Армении, – от прочих, получивших потом в Коране собирательное название «Йоджудж» и «Маджудж». Под ними на Кавказе имелись в виду «дикие» кочевые племена, населяющие мир Степи, будь то савиры, скифы или хазары, которые через Каспийский проход между морем и горами налетали с севера на города и тучные оазисы юга. «Великая Кавказская стена», как называют ее ученые, уходит от Дербента, увенчанного великолепной цитаделью Нарын-Кала, более чем на 42 километра в горы Табасарана, до

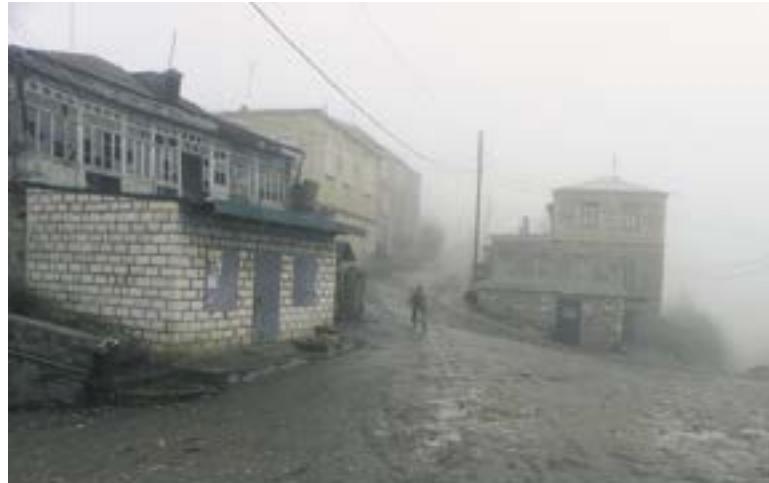
неприступного водораздельного хребта Кара-сырт. Высота последнего форта – тысяча метров над уровнем моря. А всего таких фортов было 27...

Так что, направляясь в Дагестан, неплохо бы ответить на вопрос: а какой из миров ты собираешься исследовать? Я собирался хорошенько зарыться в горный Дагестан, удивительную страну с блистающей сказочными подробностями историей. Нашей общей историей, которую полезно знать.

СМЕНА ФОКУСИРОВКИ: ПЕРЕКРЕСТОК

Прекрасным майским утром, спустившись из Гуниба, знаменитого тем, что здесь сложил оружие предводитель Кавказской войны Шамиль, я вылез из набитого битком такси на перекрестке трассы Махачкала–Дербент, откуда намеревался добраться до одного из самых удивительных дагестанских горных селений – Кубачи. На перекрестке стояло несколько такси, но, к моему удивлению, несмотря на ясность цели, относительную простоту маршрута и

«Площадь»
в центре старых
Кубачей

хорошую цену, которую я предлагал, первые два шофера наотрез отказались везти меня. Они были трассовики и сворачивать с трассы, по которой они годами носились вперед-назад, как ученые мыши, не хотели. Оставалась одна машина – белый убитый «Жигуль». Шофер был русский, такой же тертый жизнью, как и его автомобиль. Не знаю почему, но я решил, что его-то я и возьму. Шофер сдержанно выслушал меня. Это был хороший знак. Я сказал, что всего-то нужно – проехать от

трассы в горы 50 километров, а я за ценой не постою.

– Сколько? – спросил он.

– По километражу, да я накину.

– Ну, садись, – сказал таксист. Я сбегал в магазинчик за бутылкой минералки, и мы поехали. Разбитая вдребезги машина моего благодетеля, заштопанная изнутри заплатами из крашеного кровельного железа, показывала неплохие боевые качества на обгонах. Я достал блокнот, нашел номер, по которому мне следовало позвонить в Кубачи, чтобы меня встретили, и, услышав

ТОЧКА НА КАРТЕ: ЗЕРИХГЕРАН

Машина ушла, и я оказался в ведении моих новых знакомых – чем-то похожего на Пикассо старика и его сына Мурата, симпатичного молодого человека с залысиной, очень приветливого и немного застенчивого. Мы стояли втроем под невидимо-мелким дождем на слегка раздувшемся участке улицы, который они называли «площадью». Я огляделся. Откуда-то из облаков выкатился мальчишка на велосипеде, поехал было на нас, но неожиданно лихо свернул под арку моста, за которым проступали очертания узкой, как ущелье, улицы. Оттуда же, из облаков, на нас надвигалась корова: еще невидимая, но уже различимая слухом.

– Ну что, пойдемте? – еще раз позвал Гаджикурбан.

Но я будто прирос к земле. Меня окружали декорации, которые мне еще не доводилось видеть. Что пронзило меня сразу – так это ощущение остановившегося, сплененного громадным пузырем воды времени. Корова спустилась из облака – довольно крупная черно-белая корова, – остановилась в луже перед площади и помочилась на землю. И этот звук, тут же глохнувший в первозданной сырости, вскрыл наконец мое сознание. В глубине тумана, в гуще прорастающих из него голых весенних ветвей, прокричал петух. Корова на площади, будто очнувшись, побрела дальше, медленно моргая мокрыми ресницами. Слева в дыму облаков проступал приземистый силуэт древней крепостной башни с узкими прорезями бойниц. О, мои предчувствия оправдались! Раньше таких башен было 12, они вместе с крепостной стеной опоясывали весь аул, а четыре или пять закрывали самый опасный участок – со стороны перевала, то есть дороги, по которой мы приехали. Прорваться в Зерихгеран – «страну кольчужников» – с этой стороны было совершенно нереально: охрана башен, как и вообще охрана селения и приле-

ответ, сказал, что рассчитываю быть после обеда. Человек, от расположения которого теперь зависело, как я проведу следующий день, – звали его Гаджикурбан Гужаев – высказал бурную радость, что я наконец объявился. Мое настроение улучшилось: теперь я знал, что меня ждут и все должно быть в порядке. Потом водила мой увидел какую-то дорогу, сворачивающую вправо, но как только мы на нее свернули, машина ухнула так, будто у нее оторвалась передняя подвеска. То был вдребезги разбитый проселок, когда-то, очень давно, к несчастью, заасфальтированный. Я попросил остановиться и добежал до магазинчика у поворота, чтобы узнать, туда ли мы едем.

– Вам куда надо? – поинтересовался продавец.

– В Кубачи.

– Ну, это и есть дорога на Кубачи. Теперь следовало преподнести эту новость моему шоферу как можно более оптимистично, потому что после поворота лицо его сразу приняло безотрадное выражение, и я боялся, что он откажется ехать дальше.

– Все правильно! – бодро воскликнул я, вернувшись в машину.

– Заправиться надо, – ответил шофер, обнажая сточенные зубы.

– Я оплачу, – пообещал я. Теперь, чтобы заставить его двигаться

вперед, я мог воспользоваться только одним способом – подвесить морковку впереди ишака.

Дорога стала задираться в горы, и это было даже живописно, но тут наполз туман, и пошел дождь. Чем выше мы поднимались, тем больше воды низвергалась на нас с неба, пока мы просто не въехали в облака. Асфальта на дороге не было: его нарочно не кладут на крутых спусках и подъемах, чтобы в зимний гололед машинам было все-таки за что цепляться. Но была не зима, вся дорога скоро покрылась слоем жидкой грязи, машину водило из стороны в сторону, а ехали мы в слепом тумане. У меня сердце сжалось при мысли, что слева или справа может таиться смертельный обрыв, но делать было нечего – теперь мне приходилось чуть не за шиворот тащить в гору моего горемычного шофера: «Ничего! – подбадривал я его. – Видишь желтые газовые трубы? Они идут в райцентр, в Кубачи». Он угрюмо молчал, проклиная, видимо, тот день и час, когда согласился ехать в горы.

Когда мы все-таки доехали, я щедро расплатился с шофером, оплатив заправку и отсчитав еще 2 тысячи за страх. Это сильно его ободрило.

Обилие ржавого железа – свидетельство упадка

гающих пастбищ и лесов, была в ведении неистовых воинов из закрытой военной организации «Батирте», опирающейся на более широкий «орден» – гулалла Ак Бильхон – «Союз неженатых». Как и аварский Согратль, Кубачи вплоть до XIX века были столицей горской «республики», объединявшей семь поселений – Даца-Мажи, Дешлижила, Муглила, Анчи-Бачила, Кубасанила, Шахбана-махи, Бихай. Ежегодно общее собрание Зерихгерана избирало семь духовных и военных предводителей, на случай нападения врагов. А их у «республики оружейников» было немало: всего в 10 километрах по прямой в горах находился неприступный замок Кала-Курейш, в Средние века – столица Кайтагского уцмиства, крупного для Дагестана средневекового государства, правители которого вели род от арабов (уцмий – значит «знатный»), прорвавшихся на север от Дербента в начале арабо-хазарских войн. Однако кубачинцы считались настолько свирепыми воинами, что посягать на них было немного охотников. Ну а что до «батыров», набираемых в военный союз «Батирте», то они призваны были заменить собой целую армию. Уже в юношеском возрасте старейшины Зерихгерана начинали присматривать сильных и бесстрашных мальчиков, которых потом рекомендовали в союз. Они должны были уметь подкрадываться, нападать из засады, действовать ночью, как днем, претерпевать любые лишения, владеть всеми видами оружия. Два запрета принимались ими добровольно: сдаваться в плен и жениться раньше 40 лет. Притом что таких воинов всегда было только 40, слава о них заставляла соседей держаться от «республики оружейников» по дальше.

К счастью для России, кубачинцы не принимали участия в военных операциях Шамиля, ибо Кубачи вместе с Дербентом были присоединены к империи еще по Юлистанскому мирному договору с Персией (1813 год), а поскольку слава оружейни-

В этом доме
никто уже
не живет

ков Зерихгерана гремела по всему Востоку, очень скоро им был сделан поистине царский заказ: сработать сабли для драгунских полков русской армии. Так что, присоединившись к России, «республика оружейников» в начале XIX века лишь выиграла, получив неистощимый рынок сбыта. К тому времени тайный военный союз кубачинцев перестал существовать. Но вот мужское братство «неженатых», равно как и причудливые, доисламские верования кубачинцев – вызывание солнца и дождя, весенний праздник «хождение по воду от стлаза», сопровождавшийся ритуальными шествиями и музыкой, кульп деревьев, кульп орла, ношение амулетов и талисманов, восходящие к древнеиранским верованиям, – сохранились до XX века.

Предложив Мураду следовать за мной, я направился к башне. Как потом выяснилось, здесь, у площади, сохранился совсем небольшой кусочек старой части города: странный, построенный как бы кругом старинный дом, башня и крытый горизонтальный проход по склону, который выводил нас через арку моста опять на площадь. Я был околован. Это был настоящий средневековый город! Больше всего это напоминало Лаграс – крошечный городок на Юге Франции, неподалеку от Каркасона. Когда я сказал об этом Мураду, он даже как-то по-

розовел, до того ему стало приятно за родные Кубачи.

По легенде, к числу наиболее знаменитых работ кубачинцев причислены рогатый шлем Александра Македонского (благодаря чему сам Александр на Востоке получил прозвище Зул-Карнайн – Двурогий), щит Александра Невского, сабля Надир-шаха и набор холодного оружия, подаренный царем Александром III британской королеве Виктории, ныне хранящийся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне. И сколь бы сомнительными (в силу несоппадения во времени и в пространстве) ни выглядели шлем и щит, бесполезно отрицать громкую славу кубачинцев как оружейников, которым нет равных. Персидское название VI века «Зерихгеран» и турецкое «Кубачи», «Кюбечи» века XV синонимичны в переводе: «бронники», «кольчужники». Слава мастеров по оружию была настолько оглушительной, что ею оказались отодвинуты далеко на второй план другие ремесла Зерихгерана – изготовление медных ритуальных котлов, производство медной и серебряной посуды, изготовление ювелирных украшений из золота и серебра, златокузнечное и золотошвейное дело – всего не перечислишь. Среди прочих мастеровитых дагестанских селений Кубачи выделялись настолько, что имели возмож-

ность заниматься сельским хозяйством лишь как подсобным промыслом. Вокруг Кубачей вы не увидите распаханной земли – в свое время здесь даже колхоз создавать не стали. А вот на мастерство высокой пробы у кубачинцев глаз был наметанный. В старое время гостиная в доме украшалась с одной стороны полкой с образцами металлической посуды из Египта, Персии, Сирии, а с другой – такой же полкой с изделиями из керамики и фарфора из Ирана, Китая, Японии, России и европейских стран.

МОЙ ДОМ – ТВОЯ КРЕПОСТЬ

Дом Гаджикурбана, к которому мы спустились, был обустроен с примерной скромностью. Входная дверь из-за крутизны склона, на котором стоял дом, открывалась на классическую большую террасу второго этажа, которая служила и прихожей, и основным летним помещением, а часть ее занимала кухня. Мне была отведена лучшая комната, гостиная, которую «украшал» огромный плазменный экран да весело потрескивающая дровами чугунная печка. Мы пообедали. Айша, жена Гад-

жикурбана, подала нежнейшие, почти прозрачные, хинкалики с мясом и какие-то вкуснейшие плюшки, но, по правде сказать, я не успел вникнуть в суть гастрономической темы, потому что время поджимало – хотелось до конца светового дня поснимать старые Кубачи, хотя бы и в тумане. По ходу дела мы обсудили несколько вопросов:

1) как нам всем не нравятся идиотские передачи современного ТВ; 2) как здесь, в Дагестане, думают (благодаря тому же ТВ), что в Москве деньги гребут лопатой. Я сказал, что не могу говорить за других, но я получаю 30 тысяч рублей в месяц, а жена, работая в издательстве, – 15. Что для Москвы – минимум. И сразу почувствовал, что что-то нас сблизило... Я сказал, что хотел бы поснимать мастера за работой. Я думал, для этого нам придется одеваться, куда-то идти, с кем-то знакомиться. Но оказалось, все готово. Гаджикурбан и сам был известным мастером-ювелиром. И мастерская его размещалась в соседней комнате. Гаджикурбан выложил на небольшой белый стол несколько готовых изделий и две-три заготовки: кинжал в изукрашенных серебряных ножнах,

несколько браслетов и две заготовки для серебряных рюмок. Затем из ящика стола были извлечены: пробка от шампанского, в которую были воткнуты три или четыре резца по металлу. Деревянные, отполированные до темного блеска ручки приняли форму руки мастера и отчасти напоминали грушу: широкая часть нужна была для нажима, а противоположная, узкая, удерживала стальное жало резца. Еще были бруск для мягкой заточки инструментов. И всё. Ни тисков, ни граверного станка, ни каких-либо других приспособлений. Только миска для серебряных крошек и другая миска, с каким-то шлаком или углем. Гаджиурбан резал узор буквально на колене. Я старался не упустить ни одного его движения. Вот он взял рюмку, выбрал резец и, не слишком даже надавливая на его рукоятку, – чик!-чик!-чик! – пошел резать узор, каждый раз высвобождая из матового металла искру света. Потом я понял, что смысл работы во многом и заключается в том, чтобы при помощи резца так избороздить металл, чтобы вся его поверхность буквально горела белым огнем серебра. Это было потрясающе! Ножны кинжала, которые, как я понял, должны были явить все богатство приемов, которыми владел Гаджиурбан, просто не поддавались описанию. Нужно владеть специальной терминологией, чтобы внятно охарактеризовать это чудо. Я знал, что кубачинские мастера украшают свои изделия разными видами «накиша» – орнамента. Но эти ножны прошли не одну и не две, а несколько обработок, прежде чем по ним стали работать резцом. Сначала серебро было вычернено, потом появились какие-то наливки, и уж потом запущены орнаменты. Ни один квадратный сантиметр этих ножен не остался непроработанным. А там, где излишнее узорочье было не к месту, были сделаны едва заметные насечки или точки – капельки света. Не буду говорить про браслеты: здесь была та же картина, разве

Нужно владеть специальной терминологией, чтобы охарактеризовать это чудо

что к выразительным средствам добавилась глубокая «сквозная» резьба, создающая ощущение не просто красоты, но еще и невесомости изделия...

– Ну вот, – сказал Гаджиурбан. – Так мы и работаем.

Он сгреб со стола серебряные крошки в миску.

– А для чего уголь? – спросил я.
– Ну, это бывает нужно, когда серебро плавим. – Он повернулся к сыну. – Мурад, покажешь? Мурад, кажется, только и ждал того, чтобы показать свое умение. Плавильный стол – на железной раме, рядом на полу – красный газовый баллон; в руках у Мурада медная газовая горелка, выбрасывающая конус синего пламени; два желтых огнеупорных кирпича, брошенный на них кусок асбестовой ткани, кусочек тонкого листового серебра, ножницы, тигель, куда Мурад мелкими полосками, как бумагу, нарезал серебро, и, наконец, видавшая виды, черная, массивная, скрученная болтами металлическая форма для отливки проволоки. Мурад нажал ногой педаль под столом, и конус пламени газовой горелки, раскаляясь, стал изнутри синего белеть, потом Мурад направил пламя в тигель, и он заиграл всеми оттенками алого, потом оранжевого, потом совсем светло-желтого...

– Слушай, – сказал я, когда дело было сделано, – ну а как отец, ты можешь?

– Могу.

– А почему не занимаешься? Мурад поднял на меня какие-то виноватые и печальные глаза.
– Давай мы сейчас... Ты же хотел поснимать старые Кубачи... Я расскажу по дороге.

КОНЕЦ ГОРОДА МАСТЕРОВ

Мы вышли из дома, спустились на ярус ниже – и тут же опять угодили в какой-то сон. Или явь. Во всем виноваты были, конечно, облака, переваливающиеся через Кубачи такой густой массой, что видно было лишь в радиусе 15–20 метров. Мне казалось, что мы странствуем в мирах и в ве-ках, но на деле мы прошли лишь несколько сот метров краем аула. Но, может быть, именно поэтому внимание мое было как никогда пристальным: я замечал на старых дверях замки «доиндустриальной» эры, свитые восьмерками старинные дверные цепочки, граненые головки кованых гвоздей, россыпи ходов крошечных древоточцев, тесаные балки, на которые настился пол из кругляка, внутри дома уже выровненный досками и утепленный коврами, лишайник на камнях старых стен. Мы прошли крытой галереей и вышли на тропинку, идущую по самому нижнему ярусу селения, верхом невысокой стены: слева высились уступами дома, иногда причудливым образом как бы вмонтированные друг в друга, переходящие один в другой то остекленным переходом, то соприкосновением крыш

Несколько резцов, газовая горелка, ножницы, пинцет – вот и все, что нужно серебряных дел мастеру

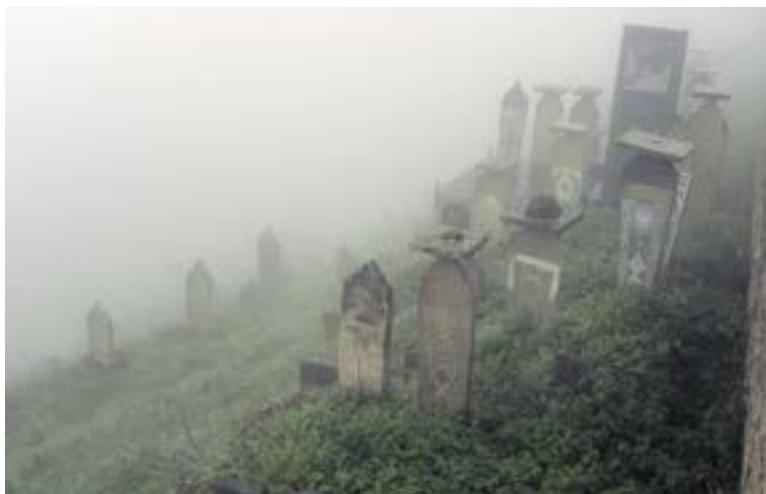
лить новые полы и покрыть все это молодой жестью крыши,пустив по их краям и навершиям водосточных труб виртуозную веселую резьбу, достойную мастеров Зерихгера. Слишком много я видел знаков, свидетельствующих о том, что могучий Зерихгер пустеет, стареет и тихо-тихо, медленно-медленно дрейфует в направлении небытия...

Раньше торговая марка «Кубачинское серебро» была известна не только в России и не только в СССР. Коллекции кубачинского ювелирного искусства есть в музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Парижа, Лондона, Нью-Йорка. Раньше на Кубачинском художественном комбинате работала тысяча человек. Комбинат закупал сырье, платил зарплату, добивался участия в международных выставках, корректировал дизайн изделий и следил за спросом. Потрясает, сколь небольшой срок потребовался, чтобы все это разрушилось. Теперь на комбинате получают зарплату едва ли 100 человек. Остальные тоже числятся работниками комбината, но в действительности они «выпущены на рынок» и ничем не защищены. Мгновенно явились сомнительные в условиях «честного рынка» фигуры спекулянтов сырьем и торговых посредников. Дикие торговые надбавки довершили дело: любое серебряное изделие еще до того, как оно будет произведено, уже стоит так много, что мастер может добавить к этой цене лишь крошечную сумму собственно за работу, достаточную только «на хлеб». Так торговая марка «Кубачинское серебро» перестала существовать.

или мансард, для защиты от ветра или воды обитых кусками ржавого железа. Ну а справа город живых заканчивался, и начинался город мертвых. Кладбище с вертикально стоящими надмогильными плитами, украшенными удивительной резьбой, тонированной пигментами цвета свежих васильков и загустевшей крови. Из серой гущи тумана, клубящейся там, где склон уже нельзя было различить, в одном месте до самых стен аула поднимался голый весенний лес, весь заросший мокрой, блестящей травой: как призраки, стояли в тумане древние надгробия. Когда туман делался особенно густым и дома на склоне пропадали из виду, ощущение, что мы оказались в каком-то заброшенном дворце, делалось явственным. Или это я путешествовал в литературной фантазии в духе Маркеса? Весенние птицы трели, несмотря на непогоду, оглашали это пространство, но ни одного обитателя этого города или дворца мы так и не встретили. Только коровы то выглядывали

из-за разрушенной арки, с равнодушием и недоумением разглядывая нас, как невеста откуда взявшаяся пришельцев, то с усилием поднимались по каменным ступеням, уже разбитым клиньями прижившейся в трещинах тесаного камня травы, то вдруг величественно шествовали уровнем выше, бережно неся переполненное молоком или туманом вымя...

Потом галлюцинация кончилась, туман разорвало порывом ветра, и мы увидели целый квартал стоявших домов: их было пять или шесть, стоявших вплотную друг к другу. Все нутро, все десятилетиями собираемое человеком для жизни и уюта было начисто вылизано разыгрывшимся здесь огнем. Сохранился лишь камень стен да прокаленное пламенем, слабое, ржавое железо крыши, рухнувших на землю. Я глядел на это опустошение и вдруг почувствовал боль кольнувшего меня предчувствия, что пожар, случившийся на этот раз, был как бы навсегда, что никто не вернется разгрести обломки, перебрать стены, настен-

Ее можно было бы продвигать в крупных городах вроде Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, но системные связи тоже оказались разорванными. Вся кубачинская ремесленная система подверглась глубочайшей деградации. И сейчас «город мастеров» удерживает вместе только одно: бедность. Нет денег сняться с места, уехать... Да и куда бежать? Где искать работу, если ты – оружейник и мастер в шестидесятом примерно поколении?

Наконец, как сказал Мурад, мы дошли до мечети. Не берусь утверждать, что это было за строение: возможно, мы подошли сбоку или вообще сзади, так как я видел только крытую галерею, поддерживаемую красивыми полукруглыми каменными арками, из-за чего на фотографии моя мечеть (если это была она) стала похожа на римский акведук. Идти дальше не имело смысла: тут

вплотную к обрыву подступала стена, а обход был бы слишком долг. У нас оставалось несколько минут светового дня.

Мы тронулись в обратный путь, слегка изменив маршрут, и тут наткнулись на совершенно синий дом, кое-как прилепившийся на косогоре. В Кубачах, как и везде на Востоке, любят синий цвет, и, разумеется, синие двери и синие оконные переплеты неустанно радовали мне глаз. Но я впервые видел дом, выкрашенный таким ослепительно-синим кобальтом, что эта синева светилась даже сквозь невероятный вечерний туман. Правда, дом был настолько стар, что с одного боку у него выпирло стену, будто изнутри кто-то дал по ней огромным кулаком. Беспорядок вокруг: две рассыпавшиеся поленницы дров, брошенная в саду тачка – все свидетельствовало о том, что тот, кто живет сейчас там, уже не в силах

Утро – туман
только начинает
подниматься
из низины

Вечер – туман
полностью
затопил все,
даже старое
кладбище

поддерживать ни красоту в саду, ни сам этот дом, удерживаемый лишь мощной силой вложенного в него когда-то молодого труда в расчете на долгое и счастливое будущее. Но будущее мало-помалу сбылось, стало настоящим, а потом ушло в прошлое. Сначала в недавнее, вот как будто вчерашнее прошлое, а потом – с каждым годом, с каждым днем, с каждым часом – в прошлое, существующее где-то на пределе забвения, в памяти какого-нибудь единственного старика, доживающего в этом доме цвета неба свой долгий и праведный век. И как только память этого старика оборвется, дом тут же рассыплется без следа и канет в небытие...

Я вдруг испытал чувство, которое бывает на похоронах. Глупо и бессмысленно повторять, что такие удивительные творения истории, как Кубачи или другие именитые горские аулы, надо обязательно сохранить, как настоящие драгоценности культуры... Но где ум, который понимает это? Мой ум понимает, но я не способен придать своему пониманию силу действия. А тот, кто в силах действовать, – не понимает. Вот почему вся эта удивительная горская цивилизация однажды исчезнет точно так же, как исчезла цивилизация русской деревни, и никто – как это было и с деревней – даже не увидит в случившемся трагедии. Напротив! Только место освободится для современного архитектурного конструктора...